

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2019, том 2, № 2

Международный научный журнал

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна,
Хабибуллина Эльмира Камилевна

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»
ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес издателя: ул. Кремлёвская, д. 10/15, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420111

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки публикуемых материалов:

русский, татарский, английский, немецкий, французский, турецкий, китайский, испанский, итальянский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С.С. Тахтарова – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

А.Р. Баранова – кандидат педагогических наук, доцент (г. Казань, Россия)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Л.Р. Сакаева – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Д.Р. Сабирова – доктор педагогических наук, доцент (г. Казань, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.А. Шарипова (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л.Е. Бушканец – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Л.В. Базарова – кандидат филологических наук, доцент (г. Наб. Челны, Россия)

Х. Девели – доктор наук, профессор (г. Стамбул, Турция)

А.Г. Калинина – кандидат педагогических наук, доцент (г. Н. Новгород, Россия)

Г.К. Кенжетаяева – кандидат филологических наук, доцент (г. Павлодар, Казахстан)

П. Коста – доктор наук, профессор (г. Потсдам, Германия)

В.А. Митягина – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

Е.А. Морозкина – доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

А.В. Сафарян – кандидат филологических наук, профессор (г. Ереван, Армения)

Ф.Г. Фаткуллина – действительный член Российской Академии Естественных наук,
доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

В.И. Шаховский – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 221-33-21, **E-mail:** kazan-linguo@mail.ru

Дата выхода в свет: 29.06.2019. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужиной, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции
Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

© Казанский лингвистический журнал, 2019

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2019, volume 2, No. 2

International scientific journal

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna,
Khabibullina Elmira Kamilevna

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Publisher's address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

The number of the certificate media: PI № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018, the shape of the distribution: print media (magazine), territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Languages of published materials: Russian, Tatar, English, German, French, Turkish, Chinese, Spanish, Italian

CHIEF EDITOR

S.S. Takhtarova – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE EDITOR

A.R. Baranova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor (Kazan, Russia)

SCIENTIFIC EDITOR

L.R. Sakaeva – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

PRESS AND EDITORIAL MANAGER

D.R. Sabirova – Doctor of Pedagogics, Associate Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

A.A. Sharipova (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

L.E. Bushkanets – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

L.V. Bazarova – Candidate of Philology, Associate Professor (G. N. Chelny, Russia)

P. Costa – Doctor of Science, Professor (Potsdam, Germany)

H. Develi – Doctor of Science, Professor (Istanbul, Turkey)

F.G. Fatkullina – Full member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

A.G. Kalinina – Candidate of Pedagogics, Associate Professor (G. N. Novgorod, Russia)

G.K. Kenzhetaeva – Candidate of Philology, Associate Professor (Pavlodar, Kazakhstan)

V.A. Mityagina – Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

E.A. Morozkina – Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

A.V. Safaryan – Candidate of Philology, Professor (Yerevan, Armenia)

V.I. Shakhovsky – Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

Address of editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-21, **E-mail:** kazan-linguo@mail.ru

Date of publication: 29.06.2019. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

© Kazan linguistic journal, 2019

Казанский лингвистический журнал, 2019, том 2, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

• Лингвистика и межкультурная коммуникация

Л.Р. Абдуллина, Микаэль Ж.М. Брисар. Фреймовое моделирование образа России во французском медиадискурсе.	5
О.В. Акимова. Терминология и специализированные подязыки в обучении переводу.	21
А.Р. Аликберова, Д.А. Балакин. Интернет-мемы в китайском медиапространстве как отражение современной действительности.	31
Р.А. Омарова, Г.К. Кенжетаева. Особенности художественного перевода (на материале произведения Джека Лондона «Люди бездны» и его русского перевода).	42
Л.Р. Сакаева, К.Р. Хуснутдинов. Особенности перевода терминов дискурса сферы нанотехнологии.	54
Л.Х. Сатарова, И.И. Курмаева. Проблемы межкультурной коммуникации и адаптации перевода (на примере переводов стихотворения Генриха Гейне «Лорелея»).	67
С.А. Силакова, Е.А. Филипенко. Китайские словари палладия (Кафарова) и Ф. Баллера: сходство и различие.	77
С.С. Тахтарова, Д.В. Павлов. Коммуникативный портрет как главное средство создания образа героя (на материале романа-фантазмагии Энтони Берджесса „Доктор болен“).	90
М.А. Яхин, А.Т. Качигулова. Специфика паремиологического фонда французского и русского языков.	97

• Литературоведение и лингвокультурология

М.И. Баранова. Сатира чиканос в романе Роландо Инохосы «Клейл-сити»	106
О.М. Буренкова, Л.М. Хамитова. Значение имени собственного в художественной литературе (на примере стихотворений Ш. Галиева и Р. Миннуллина).	115

• Инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков

В.И. Башаран, Э.К. Хабибуллина. Türk dili örneğinde iletişim odaklı öğretim	123
Д. Бидеркесен. Проблема изучения определительных словосочетаний в преподавании турецкого языка для русскоязычной аудитории.	130
Ю. Тайтус. Цели и мотивация студентов с русским языковым наследием при изучении русского языка за рубежом.	144

CONTENT

• Linguistics and Intercultural Communication

L.R. Abdullina, Michael J. M. Brisart. Frame modeling of the image of Russia in French media discourse.	5
O.V. Akimova. Terminology and specialized sublanguages in translation training.	21
A.R. Alikberova, D.A. Balakin. Internet-memes in Chinese Mediasphere as a reflection of modern reality	31
R.A. Omarova, G.K. Kenzhetayeva. The peculiarities of literary translation (on the material of "The people of the Abyss" book by Jack London and its Russian translation).	42
L.R. Sakaeva, K.R. Khusnutdinov. Peculiarities of translating terms of nanotechnology discourse	54
L.Kh.Satarova, I.I. Kurmaeva. Problems of intercultural communication and translation adaptation (from the example of the translation of the poem by Heinrich Heine "Lorelei")	67
S. A. Silakova, E. A. Filipenko. Chinese dictionaries of palladius (Kafarov) and F. W. Baller: similarities and differences	77
S.S. Takhtarova , D.V. Pavlov. Communicative portrait as the main means of creating the character image (based on novel by Anthony Burgess "Doctor is sick").	90
M.A. Yahin, A.T. Kachigulova. Peculiarities of the paremiological fund of the french and russian languages.	97

• Literary and Cultural Linguistics

M.I. Baranova. Chicano satire in "Klail City" by Rolando Hinojosa	106
O.M. Burenkova, L.M. Khamitova. Significance of a proper name in literature (by the example of Sh.Galiev and R.Minnullin's poems).	115

• Innovative Methods and Competence Approach In Teaching Foreign Languages

V.I. Basharan, E.K. Khabibullina. Communicative orientation of the course in Turkish language.	123
D. Biderkesen. Yabancılarla Türkçe öğretiminde takısız ad tamlaması sorunu.	130
Ju. Titus. Russian heritage learners' goals and motivation.	144

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.133.1: 81'272

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Л.Р. Абдуллина, Микаэль Ж.М. Брисар

lilioven@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Университет Ниццы–Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Аннотация. В настоящей работе отмечается становление в отечественной и зарубежной науке медиалингвистики, объектом которой является медиадискурс. Выделяется метод фреймового моделирования, широко применяемый в медиалингвистике. Раскрывается понятие фрейм-сценария, описывается его структура, представленная ядерными компонентами – субфреймами и составляющими их периферийными компонентами – слотами. Обосновывается необходимость применения данного метода при описании репрезентации образа России во французском газетном дискурсе. Осуществляется сопоставительный анализ моделей фрейм-сценария «Россия» за два разных временных промежутка. Доминирующими в оба периода установлены субфреймы “Politique russe”, “l’UE”, “Gouvernement russe” и “l’Ukraine”. В структуре субфреймов выделяются слоты. Приводятся примеры их вербализации в газетном дискурсе. Обосновывается превалирование одних слотов и присутствие в меньшей степени других. Делается вывод о том, что репрезентация образа России во французских газетных текстах варьирует в зависимости от событий, происходящих внутри страны и на международной арене. Исследование образа страны в иноязычном дискурсе не может рассматриваться в качестве универсального для иноязычной медиакартины мира и является объективным исключительно по отношению к заданному периоду.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, газетный дискурс, субфрейм, слот, Россия.

Для цитирования: Абдуллина Л.Р., Брисар Микаэль Ж.М. Фреймовое моделирование образа России во французском медиадискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 5–20.

FRAME MODELING OF THE IMAGE OF RUSSIA IN FRENCH MEDIA DISCOURSE

L.R. Abdullina, Michael J.M. Brisart

lilioven@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Abstract. The article is devoted to formation of media-linguistics, whose focus of research is the media discourse, in Russian and foreign science. It highlights the method of frame modeling widely used in media linguistics. It focuses on the notion of frame-script, describes its structure of key topical subframes consisting of slots. The necessity of applying this method in the description of Russia's image representation in French newspaper discourse is justified. The comparative analysis of models of the frame-script "Russia" is carried out for two different time intervals. The subframes "Politique russe", "l'UE", "Gouvernement russe" and "l'Ukraine" are set as dominant for both periods. In subframes there were selected slots illustrated by examples of verbalization in newspaper discourse. Prevalence of some slots and the presence of others to a lesser extent are explained. It is concluded that the representation of Russia's image in French newspaper texts varies depending on the events happening inside the country and in the international arena. The study of a country's image in a foreign discourse cannot be considered as universal for foreign-language media picture of the world and is objective only in relation to a given period.

Key words: media discourse, media text, newspaper discourse, newspaper discourse, slot, Russia.

For citation: Abdullina L.R., Brisart Michael J.M. Frame modeling of the image of Russia in French media discourse. *Kazan Linguistics Journal*. 2019; 2 (2): 5–20. (In Russ.)

Исследования последних лет характеризуются повышенным интересом к различным жанрам СМИ, что привело к эмергенции и развитию в отечественной и зарубежной науке медиалингвистики [5; 7; 10]. Данное филологическое направление основывается на изучении всей сложной структуры текстов СМИ – «влияния способов создания и распространения медиатекстов на их лингвоформатные особенности, вопросов функционально-жанровой классификации, фонологических, синтагматических

и стилистических характеристик, интерпретационных свойств, культуроспецифических признаков, идеологической модальности, прагмалингвистической ценности» [2, с. 269]. Как следует из определения, существует разнообразие подходов и способов анализа медиадискурса, среди которых мы выделяем метод фреймового моделирования, в основе которого лежит понятие «фрейм» (frame) [4; 6; 8]. В нашем понимании фрейм является когнитивной моделью, в рамках которой вступают в отношения знания и представления об определенной ситуации. В структуре фрейма принято выделять субфреймы [3], которые подразделяются в свою очередь на слоты [9]. Для медиадискурса свойственны синтез и объективация в сознании индивида языковых и неязыковых знаний о речевой ситуации в виде контекстуальных фреймов, служащих ядром фреймовой структуры высказываний и именуемых также фрейм-сценариями. Вышесказанное определило цель настоящего исследования, которая состоит в выявлении особенностей репрезентации образа России во французском медиадискурсе.

В основе исследования лежит метод фреймового моделирования: в модели фрейм-сценария устанавливаются уровни, объединенные тематически едиными признаками – субфреймы, которые подразделяются на слоты, соотносящихся с их номинативным полем в рамках фрейма-сценария. В пределах фрейм-сценария признаки либо актуализируются в значении, либо предидируются лексемам внутри самого фрейма или субфрейма, являясь тем самым, компонентом «смысловой структуры соответствующего высказывания» [1, с. 22].

Материалом исследования послужили 110 статей, опубликованных в одной из ведущих французских газет *Le Monde* за два периода: июль – ноябрь 2014 г.; декабрь 2014 г. – апрель 2015 г.

Результаты общего тематического анализа статей, посвящённых России в газетном издании *Le Monde*, показывают, что Россия в основном рассматривается через призму её политических шагов. Однако эти данные дают лишь поверхностное представление о положении исследуемого концепта

во французской медиакартине мира. Для того чтобы получить более детальное видение, необходимо обратиться к фреймовой модели концепта, которая позволит нам узнать, какие языковые единицы актуализируют исследуемый концепт, а также проследить, изменяется ли формируемый в прессе образ России на протяжении интересующих нас периодов.

Итак, рассмотрим уровень субфреймов в структуре фрейма “*la Russie*”. Для того чтобы правильно выстроить данный уровень, недостаточно положиться лишь на частотность встречающихся элементов, необходимо также обратить внимание на общую тематическую картину, ведь в случае данного исследования уровень субфреймов в обобщённом виде отражает, с какими событиями или явлениями в медиатексте связывают Россию. Если положить в основу модели лишь показатели частотности, то можно получить несколько искажённую картину, так как важно учитывать контекст, в котором через тот или иной субфрейм вербализуется фрейм “*la Russie*”. Одни и те же языковые единицы могут встречаться в статьях с различной тематикой, однако в рамках каждого контекста будут по-разному характеризовать исследуемый концепт. Рассмотрим такую ситуацию на примере часто употребляемой языковой единицы “*l’Union Européenne*” (Европейский Союз). Тот факт, что название организации часто встречается в статьях, в которых упоминается Россия, ещё не говорит о том, что данный субфрейм занимает верхнюю позицию в структуре. Такое на первый взгляд несоответствие обусловлено тем, что большое количество публикаций на сайте газеты имеет более общую тематику, то есть посвящено событиям и вопросам международного масштаба. В таких статьях часто перечисляются участники какой-либо встречи, государства, заинтересованные той или иной проблемой, и между языковыми единицами “*la Russie*” и “*l’Union Européenne (l’UE)*” в контексте нет прямой связи, а значит, такое употребление не должно рассматриваться как проявление субфрейма “*l’UE*”. Так же, например, в статьях с украинской тематикой фрейм “*la Russie*” актуализируется через субфрейм “*l’Ukraine*”, так как основной фокус внимания сосредоточен на отношениях России и Украины. В таких

статьях может упоминаться и Евросоюз, однако в данном случае он будет рассматриваться лишь как посредник между двумя государствами, третьей стороной, а значит, не будет непосредственно участвовать в вербализации концепта. Таким образом, каждый субфрейм в полной мере участвует в вербализации концепта лишь в случае, когда существует устойчивая логическая связь между объектами (фреймом и субфреймом). Для того, чтобы модель достоверно отражала образ России в газетном дискурсе, мы в первую очередь обратились к анализу тематики статей, одним из главных объектов которых является Россия, с целью определить количество явных случаев проявления того или иного субфрейма. По показателям частотности нами были выделены в качестве субфреймов четыре языковые единицы: “Politique russe”, “l’UE”, “Gouvernement russe” и “l’Ukraine”. Тематический анализ необходим для того, чтобы выстроить элементы в структуре в правильном порядке. Итак, в первый период, в 42 из 110 рассмотренных статей ярко проявляется субфрейм “l’Ukraine”, в 32 публикациях – субфрейм “l’UE”, в 18 статьях – “Politique russe”, и в 13 публикациях – “Gouvernement russe”. 5 статей информируют о событиях в сфере культуры и спорта, однако нет субфрейма, который бы их объединил с точки зрения вербализации концепта.

Приведённые выше цифры берём за основу, выстраивая фреймовую модель концепта. Верхнюю позицию в структуре занимает субфрейм “l’Ukraine”, а это значит, что в период с июля по ноябрь 2014 г. Россия чаще всего была в центре внимания в статьях с украинской тематикой. Вторым по частотности стал субфрейм “l’UE”, что говорит о заинтересованности прессы развитием отношений РФ со странами ЕС. Третью и четвертую ступени соответственно занимают единицы “Politique russe” и “Gouvernement russe”, исходя из чего можно заключить, что французская пресса также информирует читателей о действиях России на международной политической арене и время от времени затрагивает вопросы внутривнутриполитической ситуации в стране.

Во второй период в 24 статьях из 70 исследуемый концепт вербализуется через субфрейм “l’Union européenne», в 16 публикациях – через субфрейм

“Politique russe”, в 12 статьях – через субфрейм “I’Ukraine” и в 11 публикациях – через субфрейм “Gouvernement russe”. Семь статей не объединены субфреймом. Во второй период произошли некоторые структурные изменения, которые затронули порядок субфреймов. Первую позицию теперь занимает субфрейм “I’UE”, вторую – “Politique russe”, а на третьей и четвёртой ступени расположились соответственно субфреймы “I’Ukraine” и “Gouvernement russe”. Если сравнивать с предыдущим периодом, то очевидно изменение позиций трех субфреймов. Так, субфрейм “I’UE” занял верхнюю ступень структуры, в то время как субфрейм “I’Ukraine” оказался её предпоследним звеном. На одну ступень поднялся субфрейм “Politique russe”, а “Gouvernement russe” – единственный элемент, оставшийся на прежнем месте.

Подобные изменения в структуре фрейма отражают появление новых тенденций в развитии отношений двух государств, а также характеризуют в целом положение России на международной арене. Так, например, довольно кардинальное изменение положения субфрейма “I’Ukraine” в структуре можно объяснить некоторым изменением европейской точки зрения на события. Несмотря на то что ситуация в Украине до сих пор остаётся в центре внимания СМИ, всё реже Россия выделяется в данном контексте как сторона конфликта, всё меньше подчёркивается её причастность к событиям: отсюда и резкое уменьшение количества статей с ярким проявлением субфрейма. Говоря о субфрейм “I’Ukraine”, важно отметить, что его скорее нужно рассматривать как временный субфрейм (именно этим и объясняется его несколько шаткое положение в структуре). Данный элемент фреймовой модели возник в связи с кризисом в Украине. Можно предположить, что ранее понятие “I’Ukraine” было слотом одного из устойчивых субфреймов. В данном случае в газетном дискурсе чётко прослеживается такое свойство фреймовой модели, как изменчивость. На наш взгляд, одна из причин подвижности рассматриваемой структуры заключается в том, что она примерно на 70% искусственно создаётся журналистами и редакторами газеты, а на 30% обусловлена происходящими в мире событиями. Это проявляется в том, что число публикаций, посвящённых

тому или иному событию, регулируется людьми, преследующими определённые цели. Так, одно событие может быть оставлено в прессе без внимания, в то время как публикации о другом будут снова и снова появляться перед читателем, каждый раз обращая его внимание на новые детали, каждый раз описывая происходящее новыми красками. Именно таким образом и влияют СМИ на общие представления, формирующиеся у читателя о том или ином объекте. Субфрейм “I’Ukraine” демонстрирует, насколько велика в дискурсе национальной прессы степень зависимости структуры концепта от позиции, которую занимает государство по тому или иному вопросу, а также от целей, которые оно преследует. Изменение положения субфрейма в структуре может быть обусловлено, на наш взгляд, стремлением Франции наладить отношения с Россией: противоположные позиции, занимаемые государствами по украинской проблеме, на протяжении долгого времени препятствовали продуктивному сотрудничеству. Одно из возможных решений – акцентировать меньше внимания на негативных моментах, сосредоточившись на позитивных сторонах отношений и перспективах их развития. В то же время нельзя сказать, что данное стремление открыто выражается в статьях: во второй период также встречаются статьи, в которых подчёркиваются причины политической изоляции России. Однако наряду с ними появляются публикации, в которых рассматриваются и другие точки зрения, что говорит о переходе к более объективному освещению событий.

Тот факт, что субфрейм “I’UE” оказался на верхней ступени структуры, указывает на возросшую заинтересованность французской прессы отношениями России со странами Евросоюза. И речь идёт не всегда о восстановлении эффективного сотрудничества в различных сферах. Правильнее было бы сказать, что во второй период большое внимание уделяется анализу сложившейся ситуации: эксперты ищут причины наблюдаемого в отношениях кризиса, рассматривают различные сценарии дальнейшего развития событий, делают прогнозы, а также предлагают пути решения существующих проблем.

Вполне объяснимо и то, что во второй период в большем количестве статей явно выделяется субфрейм “Politique russe”: внимание прессы приковано не только к событиям в Восточной Европе, но и к ситуации на Ближнем Востоке, иранской ядерной программе и др., а Россия принимает активное участие в урегулировании данных проблем.

Несмотря на то, что субфрейм “Gouvernement russe” не изменил своего положения в структуре фрейма, необходимо заметить, что согласно данным тематического анализа, во второй период доля статей, посвящённых внутривнутриполитической и внутриэкономической ситуации в России, возросла, что может быть обусловлено событийным фоном данного периода.

Для того чтобы более глубоко проанализировать образ России, формируемый во французском медиадискурсе, необходимо рассмотреть следующий уровень фреймовой модели, который образуют слоты. Если уровень субфреймов даёт общую картину того, с каких сторон Россия наиболее часто описывается в СМИ, то уровень слотов более детально демонстрирует, с какими событиями, личностями и явлениями в прессе зачастую связывают Россию.

В таблицах 1 и 2 представлены слоты, формирующие уровень субфреймов в первый и второй периоды соответственно. Уровень слотов выстраивается по принципу частотности и позволяет сделать некоторые выводы об особенностях формируемого в прессе образа России. В таблицах в скобках рядом с каждым слотом указано количество статей, в которых он был вербализован.

Таблица 1

Уровень слотов фреймовой модели концепта «Россия» (первый период)

1 период	
Субфреймы	Слоты
L'Ukraine	séparatistes prorusses (200) crise ukrainienne (165) la Crimée (137)

	l'accord de Minsk (88) MH17 (24)
L'Union Européenne	sanctions contre la Russie (195) gaz russe (93) l'embargo russe (83) Mistral (76) OSCE (41)
Politique russe	Poutine (337) URSS (88) ONU (88) Etat islamique (73) jeu de Poutine (46)
Gouvernement russe	Kremlin (157) S. Lavrov (43) D. Medvedev (26)

Таблица 2

Уровень слотов фреймовой модели концепта «Россия» (второй период)

2 период	
Субфреймы	Слоты
L'Union Européenne	sanctions contre la Russie (140) chute du rouble (65) gaz russe (45) OSCE (40) l'embargo russe (35)
Politique russe	V. Poutine (359) <u>URSS (62)</u> ONU (60) <u>Etat islamique (55)</u> jeu de Poutine (38)
L'Ukraine	la Crimée (123) séparatistes prorusses (107) crise ukrainienne (89) l'accord de Minsk (63)
Gouvernement russe	Kremlin (176) B. Nemtsov (55) S. Lavrov (30) D. Medvedev (19) R. Kadyrov (15)

Рассмотрим слотовый состав субфреймов в сравнении, для того чтобы выявить изменения в структуре концепта и понять, чем они обусловлены. Итак,

согласно слотовому составу субфрейма “l’Ukraine”, во французской прессе не только подчёркивается, что Россия замешана в украинских событиях, но и сообщается, что сепаратисты на юго-востоке Украины координируют свои действия с российскими властями, а Россия в свою очередь оказывает им всестороннюю поддержку. Об этом говорит слот “séparatistes prorusses”, в котором прилагательное “prorusses” прямо указывает на причастность России к возникшему в Украине конфликту. Безусловно, французские СМИ не оставили без внимания и присоединение Крыма к России. По отношению к данному событию часто употребительным является словосочетание “l’annexion de la Crimée”, которое может рассматриваться как один из подслотов и отражает позицию Франции по данному вопросу, а именно мнение о том, что Россия силой захватила территорию полуострова. Кроме того, в газете *Le Monde* в первый период описывались шаги России по оказанию содействия в достижении перемирия между сторонами украинского конфликта (слот “l’accord de Minsk”), а также исследуемый концепт актуализировался в связи с крушением малайзийского самолета MH17.

Изменения, которые произошли во второй период в слотовом составе данного субфрейма, заключаются в следующем: слот “la Crimée” был вербализован в большем количестве публикаций, посвящённых России, по сравнению со слотами “séparatistes prorusses” и “crise ukrainienne”. На наш взгляд, это может быть связано с празднованием в марте годовщины воссоединения Крыма с Россией, что заставило СМИ вновь обратить внимание на вопрос легитимности присоединения полуострова. Интересен и тот факт, что подслот “l’annexion de la Crimée” чаще встречается именно во второй период (в 69 статьях он вербализуется в первый период и в 75 публикациях – во второй). Данное изменение говорит о том, что проблема непризнания присоединения Крыма ещё долгое время будет в центре внимания западных СМИ, и связанные с ней подслоты, такие как “l’annexion de la Crimée” или “référendum controversé”, будут негативно влиять на представления, формируемые у читателя о России. Кроме того, необходимо отметить, что три

других слота данного субфрейма также довольно прочно закрепились в структуре концепта. Таким образом, события в Украине сильно повлияли на положение исследуемого концепта во французской медиакартине мира.

Из таблиц 1 и 2 видно, что тема санкций, объявленных Евросоюзом России, достаточно часто поднималась в течение обоих периодов. Однако, в остальном, слотовый состав субфрейма “l’UE” довольно сильно различается. Так, во второй период появляется слот “chute du rouble”, в то время как число явных случаев проявления слотов “gaz russe”, “OSCE” и “l’embargo russe” уменьшается, причём, к примеру, слот “gaz russe” вербализуется в два раза реже. Можно предположить, что эта особенность объясняется сезонностью газового вопроса. Осенью газовая проблема для Европы стояла достаточно остро, в связи с приближающимися холодами, потребностью в российском газе и отсутствием альтернатив. Несмотря на то что проблема не была решена до конца, в весенний период данный вопрос не рассматривался в ряду наиболее актуальных. Интересно также и то, что слот “Mistral” «выпал» из структуры фрейма во второй период (он вербализуется лишь в 14 публикациях). Возможно, это связано с тем, что вопрос передачи Мистралей не с лучшей стороны характеризует Францию, которая должна была по договору передать России вертолетоносцы ещё в ноябре, однако этого не сделала, нарушив соответственно условия договора. Таким образом, данный вопрос не широко освещается в национальной французской прессе, так как ставит под сомнение репутацию Франции как поставщика оружия.

Субфрейм “Politique russe” представлен слотами, характеризующими российскую внешнюю политику. Слот “V. Routine” неизменно является наиболее часто встречающимся слотом. Мы отнесли его именно к субфрейму “Politique russe”, поскольку во многих публикациях Россия как участник международных отношений отождествляется именно с президентом В. Путиным. Сообщение о каждом важном шаге России на мировой политической арене в газете *Le Monde* сопровождается комментариями российского президента. Однако с началом политической изоляции России

и объявления ей санкций, в публикациях всё чаще встречается критика, направленная в адрес В. Путина. Создавая отрицательный образ главы государства, СМИ в тоже время формируют негативные представления о стране.

Интересным является и тот факт, что как в первый, так и во второй периоды вторым по показателю частотности является слот “URSS” (СССР). Это говорит о том, что во французской прессе достаточно часто проводится аналогия между Россией и Советским Союзом, причём нередко журналистами высказывается идея о том, что Россия стремится присоединить бывшие советские республики и считает постсоветское пространство территорией своего исключительного влияния: *L'URSS dominait un bloc aux ambitions mondiales.* / «СССР проявлял имперские амбиции». Необходимо отметить, что данный слот призван вызывать негативные ассоциации у читателя, так как в европейском обществе СССР видится в образе империалистического государства, которое стремится подчинить себе весь мир: *Le rêve russe, c'est d'être un grand empire et d'inspirer la peur.* / «Русская мечта – быть великой державой и внушать страх». Кроме того, в некоторых публикациях также проводят аналогию между И. Сталиным и В. Путиным, что не лучшим образом сказывается на образе российского президента: *L'empire rouge, celui de l'URSS, a été bâti par Staline, dont Lénine disait qu'il était un amateur de «plats épicés».* *Aujourd'hui, c'est Poutine qui nous cuisine son plat épicé.* / «Красная империя, империя СССР, была построена Сталиным, которого Ленин называл любителем «остренького». Сегодня острое подает Путин». В целом, анализируя слотовый состав данного субфрейма, необходимо отметить такое его свойство, как устойчивость. Несмотря на то что количество публикаций, в которых были вербализованы те или иные слоты изменилось, во второй период структурно субфрейм остался прежним.

Что касается слотов, формирующих последний в структуре субфрейм “Gouvernement russe”, то они главным образом касаются внутривнутриполитической ситуации в стране и её политических деятелей. Итак, в связи с тем что в первый

период внутренней политике России не уделялось большого внимания в прессе, субфрейм представлен на уровне слотов лишь тремя языковыми единицами: “Kremlin”, “S. Lavrov”, “D. Medvedev”, две из которых представляют собой имена политических деятелей. Первый по частотности слот отождествляется в прессе с российской властью и является достаточно устойчивым. Вполне объяснимо то, что Дмитрий Медведев как глава правительства фигурирует в статьях с внутривластной тематикой. Слот “S. Lavrov” был отнесен именно к субфрейму “Gouvernement russe” ввиду следующих факторов. Несмотря на то что С. Лавров является Министром иностранных дел РФ, во французских статьях он всё-таки выступает в качестве министра, члена правительства, ответственного за вопросы внешней политики. Следовательно, все его высказывания и комментарии чаще воспринимаются не как самостоятельные заявления (в отличие от речей В. Путина), а как озвучивание официальной позиции России – идей, согласованных с Президентом РФ и Правительством.

Во второй период субфрейм “Gouvernement russe” более часто актуализировался, в результате чего количество формирующих его слотов возросло. Анализируя структуру данного элемента фреймовой модели во второй период, важно подчеркнуть, что она представлена в основном именами политических деятелей. Во второй период появляются слоты “V. Nemtsov” и “R. Kadyrov”. Причём из всех политических деятелей во второй период в статьях наиболее часто фигурировало имя Бориса Немцова в связи с его убийством. Тот факт, что данное трагическое событие было столь широко освещено во французском медиадискурсе, объясняется загадочностью обстоятельств, при которых был убит Б. Немцов. Однако необходимо обратить внимание на то, что во французских СМИ наряду с нейтральными новостными сообщениями встречаются публикации, в которых высказываются довольно смелые предположения по поводу организаторов убийства. Такие материалы негативно влияют на представления французского общества о России. Так, например, были опубликованы статьи под заголовками : *Pour Alexei*

Navalny, le Kremlin a donné son «feu vert» à l'assassinat de Boris Nemtsov / «По мнению Алексея Навального, Кремль дал «зеленый свет» на убийство Бориса Немцова»; L'assassinat de Boris Nemtsov: un oukase du Kremlin / «Убийство Бориса Немцов: Указ Кремля». Безусловно, для европейцев, которые придерживаются демократических взглядов, заявления о том, что в России опасно быть оппозиционером, не с лучшей стороны характеризуют страну.

Таким образом, построенные модели фрейма “la Russie” демонстрируют, что во французских СМИ Россия в первую очередь рассматривается как «игрок на международной арене». Подобную тенденцию можно охарактеризовать как вполне устойчивую. В то же время сопоставительный анализ показал, что в данном ключе образ России изменчив и напрямую зависит от политического фона отдельно взятого периода и позиции Франции по основным вопросам международной повестки. Следовательно, нельзя сказать, что образ России, формируемый в ходе деятельности СМИ, объективен и отражает реальность – скорее он служит средством для достижения определённых целей, преследуемых информантом.

Литература

1. *Абдуллина Л.Р., Агеева А.В.* Фреймовая репрезентация национальных особенностей новостных комментариев как жанра интернет-дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14, № 1. С. 21–26.
2. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов: (опыт исследования современной английской медиаречи). М., 2005. 288 с.
3. *Огнева Е.А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
4. *Antia B. & Ianna B.* Theorising terminology development: frames from language acquisition and the philosophy of science // Language matters. 2016. Vol. 47, No. 1. P. 61– 83.

5. Atasoy I. International contrastive Media linguistics Conference: Media culture – Multimodality and Intermediality // Studien zur deutschen sprache und literature-alman dili ve edebiyati dergisi. 2017. Vol. 2, No. 38, Pp. 62 – 64.
6. Duan J. Frames and construction in metaphoric language // Cognitive linguistics. 2015. Vol. 26, No. 2. P. 371–375.
7. Glivinska L. Media linguistics: Dictionary of Terms and concepts // Slavia-casopis pro slovanskou filologii. 2017. Vol. 86, No. 4. Pp. 485–489.
8. Gray B. & Biber D. Lexical frames in academic prose and conversation, International journal of corpus linguistics // International journal of corpus linguistics. 2013. Vol. 18, No. 1. Pp. 109–135.
9. Li H. & Abe N. Learning dependencies between case frame slots // Computational linguistics. 1999. Vol. 25, No. 2. Pp. 283-291.
10. Romano M.B. Theoretical contributions for the approach of media discourse in high scholl // Cuadernos de linguistica hispanica. 2018. Vol. 32. Pp. 129–149.

References

1. Abdullina, L.R., Ageeva, A.V. (2017). *Freymovaya reprezentatsiya natsional'nykh osobennostey novostnykh kommentariyev kak zhanra internet-diskursa* [Frame Representation of the National Features of News Comments as an Internet discourse Genre] // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics. Vol. 14, No. 1. P. 21–26. (In Russian)
2. Antia, B. & Ianna, B. (2016). *Theorising terminology development: frames from language acquisition and the philosophy of science* // Language matters. Vol. 47, No. 1. Pp. 61–83. (In English)
3. Atasoy, I. (2017). *International contrastive Media linguistics Conference: Media culture – Multimodality and Intermediality* // Studien zur deutschen sprache und literature-alman dili ve edebiyati dergisi. Vol. 2, No. 38, P. 62–64. (In English)
4. Dobrosklonskaia, T.G. (2005). *Voprosy izucheniia mediatekstov: (opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi mediarechi)* [The study of media texts

(experience of research on modern English speech of media)]. Moscow. 288 p.
(In Russian)

5. Duan, J. (2015). *Frames and construction in metaphoric language* // Cognitive linguistics. Vol. 26, No. 2. Pp. 371-375. (In English)

6. Glivinska, L. (2017). *Media linguistics: Dictionary of Terms and concepts* // Slavia-casopis pro slovanskou filologii. Vol. 86, No. 4. Pp. 485–489. (In English)

7. Gray, B. & Biber, D. (2013). *Lexical frames in academic prose and conversation, International journal of corpus linguistics* // International journal of corpus linguistics. Vol. 18, No. 1. Pp. 109–135. (In English)

8. Li H. & Abe N. *Learning dependencies between case frame slots* // Computational linguistics. 1999. Vol. 25, No. 2. Pp. 283–291. (In English)

9. Ogneva, E.A. (2013). *Kognitivnoe modelirovanie kontseptosfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the fiction conceptsphere]. Moscow, Editus Publishing. 282 p. (In Russian)

10. Romano, M.B. (2018). *Theoretical contributions for the approach of media discourse in high school* // Cuadernos de linguística hispanica. Vol. 32. P. 129 –149. (In English)

Авторы публикации

Абдуллина Лилия Рафаиловна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
E-mail: lilioven@mail.ru

Authors of the publication

Liliya Rafailovna Abdullina –
Candidate of Philology, Associate professor
Kazan Federal University.
E-mail: lilioven@mail.ru

Микаэль Жан Максим Брисар –
преподаватель Высшей школы экономики и
менеджмента (ISEM)
Университет Ниццы-Софии Антиполис,
Ницца, Франция.

Michael Jean Maxime Brisart –
Professor of the Higher Institute of Economy
and Management (ISEM)
University of Nice Sophia Antipolis,
Nice, France.

Поступила в редакцию 06.05.2019.

Принята к публикации 20.05.2019.

УДК 81'33

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПОДЪЯЗЫКИ И ДИСКУРС В АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА

О.В. Акимова

lelpam@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Важность квалифицированного перевода как средства общения и сотрудничества между различными странами, как жизненно важного элемента специализированной и профессиональной коммуникации неоспорима. В этой связи, для достижения эффективного уровня взаимного понимания в различных специальных и профессиональных областях как для профессионалов, так и переводчиков необходимо признать, что изучение иностранных языков должно быть нацелено на анализ элементов и структур языков для специальных целей (LSP), или подъязыков – для достижения плодотворной коммуникации, характеризуемой специализированными понятиями. В статье освещаются вопросы стандартных и нестандартных единиц языков для специальных целей, включая термины и единицы профессионального просторечия. Также внимание сосредоточено на дискурсивном анализе как некоторой возможности рассмотрения свойств терминов и нетерминов для формирования специализированных языковых компетенций в коммуникации и переводе. Примеры для материала исследования основываются на дискурсе радиообмена гражданской авиации (РГА) в английском и русском языках; приводятся варианты перевода как с английского языка на русский, так и с русского на английский. Языковой материал является особенно подходящим для анализа терминологии и использовании ее на практике в смоделированных процессах перевода.

Ключевые слова: язык, лингвистика, английский язык, термин, язык для специальных целей, подъязык, перевод, дискурс.

Для цитирования: Акимова О.В. Терминология и специализированные подъязыки в обучении переводу. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 21–31.

SPECIALISED SUBLANGUAGES AND DISCOURSE IN TRANSLATION ASPECTS

O. V. Akimova

lelpam@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The necessity of efficient translation as a means of international communication in cooperation between different countries is absolutely vital. In this respect, for the effective level of mutual understanding in various specialised and professional domains it is necessary for any

professionals and translators as well to admit that learning foreign languages should be aimed at analysing elements and structures of languages for special purposes (LSP), or sublanguages, to provide fruitful communication determined by specific data. The article highlights the problems of standard and non-standard units of LSP including terms and units of professional popular languages. Also the attention is focused on discourse analysis as some opportunity to characterise the properties of terms and non-terms in order to build specialised language competence in communication and translation. The examples for the research material are taken from the Civil Aviation Radioexchange Discourse in English and Russian; their translations are provided. The language material is particularly suitable for emphasising on terminology and practicing it in emulated processes of translation.

Keywords: language, linguistics, English, term, LSP, sublanguage, translation, discourse

For citation: Akimova O.V. Terminology and specialized sublanguages in translation training. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 21–31. (In Russ)

Перевод в современном мире рассматривается как один из жизненно важных и существенных видов деятельности человека, нацеленной на международный обмен информацией и взаимного понимания между народами в индустриальных, культурных и научных сферах. Для студентов переводческих отделений и факультетов ВУЗов необходимо не только приобрести и освоить навыки перевода и переводческие техники в языках, которые они изучают как языки источники и языки перевода, но также и построить теоретическую базу для практического усвоения и употребления этих языков, то есть обрести определенное специальное языковое знание, чтобы в реальных жизненных коммуникативных ситуациях уметь работать в различных сферах специализированного перевода. В этом отношении понимание языка для специальных целях (LSP), или подъязыка, является неотъемлемым в обучающих переводу процессах.

Следовательно, коммуникативно-функциональное изучение и исследование языков должно быть приоритетным, если язык функционирует в специализированных и профессиональных сферах, с учетом экстралингвистических факторов [1]; [3], [9]. Поэтому перевод можно воспринимать и как процесс, и как результат коммуникации.

Перевод как специфичный процесс коммуникации может рассматриваться в рамках коммуникационной теории перевода. Язык

представляет собой свод кодов, используемый коммуникантами для общения. Однако язык представляет собой особый код общения, которому в межъязыковом и межкультурном общении могут быть свойственны ситуации неоднозначности и двусмысленности в предоставлении, принятии и передаче информации, которые в свою очередь могут быть разрешены на фоне анализа контекста, непосредственно ситуации и фоновых знаний переводчика [8]. Специализированный перевод представляет собой перевод особого типа языкового материала (с точек зрения семантики, морфологии, синтаксиса), сопряженного со специфичной областью деятельности человека, например, спортивной сферой, финансовой сферой, областью культуры и пр., и предназначенного для определенной группы специалистов или неспециалистов, а также может быть определен специализированными процедурами и средой (например, в ситуации деловых переговоров, с использованием переводческого оборудования, и пр.), что требует знаний соответствующих протоколов.

Подкатегории специализированного перевода определяются специализированным предметом языкового материала перевода. К традиционной подкатегоризации перевода можно отнести: технический перевод, медицинский перевод, научный перевод, торговый перевод, перевод деловой переписки и пр. [6].

Соответственно, каждый вид деятельности, в котором осуществляется специализированный перевод, соотносится с особым функциональным вариантом языка. Такие варианты называются специализированными и профессиональными подъязыками, или языками для специальных целей (LSP – languages for special purposes). Подъязык представляет собой некий функциональный вариант языка, который используется группой специалистов или неспециалистов в формальном и неформальном общении в профессиональных областях. Профессиональные подъязыки структурированы наподобие общего языка, но имеют меньший объем и профессиональную ориентацию.

Основными структурными единицами профессиональных подязыков являются термины, как единицы, определяющие специальные понятия той или иной области деятельности. Термины в свою очередь формируют терминологии спорта, науки, политической деятельности и пр. в виде терминологических систем. Выполняя коммуникативную функцию в общении профессионалов, термины обладают статусом доминантных единиц коммуникации, так как способствуют вследствие своих семантико-структурных характеристик, а именно лаконичности и точности выражения профессионального понятия, оптимизировать профессиональный диалог. При этом термины способны проявлять все свои истинные свойства лишь в сфере функционирования, а именно письменных текстах) и устных формах [2]. Следовательно, исследование функций термина целесообразно проводить не только в составе терминологических систем как сфере фиксации, но и в процессе специализированной коммуникации.

Термины представляют собой основу специализированных и профессиональных подязыков, обслуживающих ту или иную сферу человеческой деятельности, выполняя необходимые условия специализированной коммуникации в этой сфере и выражая ее понятия и предметы.

Функционирование терминов в ходе специализированного общения предполагает их совместное взаимодействие как с другими терминами, так и с нетерминами. Контекстуальное окружение термина при этом и выступает как сфера функционирования термина, позволяющее реализовывать концептуальное содержание термина и его определение. Однако это может быть только тогда, когда профессионалам принадлежит весь концептуальный фонд данной терминологии и соответствующие ему языковые средства. Для переводчика в специализированной сфере для данных языковых средств необходимо уметь находить соответствия в двух языках. Передача терминологии представляется существенной задачей процесса перевода. Фактически, если терминология не будет доступна, то и перевод не может быть

адекватен. Передача терминологии требует знаний не только языковых, но и отчасти так называемой основной технической компетентности, то есть знания самого предмета, иначе даже малейшая ошибка может привести к серьезному нарушению в передаче семантической эквивалентности [6].

Также в состав профессионального или специализированного подъязыка входят номенклатурные единицы, или номены (также прагмонимы), которые лишь называют объекты и предметы этой сферы деятельности. Например, *Домодедово-Пулене, Ту-154; Lufthansa 045, Gatwick Approach*. Терминологические и номенклатурные единицы представляют собой стандартный кодифицированный тип структурных единиц подъязыка.

При этом существуют также нестандартные термины (устаревшие, новейшие), то есть те, которые еще или уже не подвергаются терминологической работе по упорядочению, стандартизации и унификации терминов. Помимо терминов к нестандартным единицам также относят единицы профессионального просторечия или профессионализмы. Следует отличать профессионализмы подъязыка и профессионализмы общего языка. Последние подразумевают всю профессиональную лексику того или иного вида профессий и специализации. Профессионализмы подъязыка соотносятся с терминами как с некими их просторечными, жаргонными, сленговыми эквивалентами или вариациями. Например, *сесть на брюхо, подпрыгивать, козлить; in-the-green (в норме), bumpy flight (полет в болтанку)*. При этом следует понимать, что профессиональная и специализированная коммуникация осуществляется не только посредством терминов при отсутствии каких-либо коннотаций, но также и при помощи единиц профессионального просторечия с эмоционально окрашенными коннотативными элементами в значении понятий. Это может быть обусловлено разнообразием профессиональных коммуникативных ситуаций. Также присутствие единиц профессионального просторечия в специализированных и профессиональных диалогах может быть объяснено различными условиями взаимных отношений участников коммуникативного процесса. Следовательно, при изучении профессиональных

языков необходимо рассматривать не только просто стилистические, но также и социальные и ситуативные условия их реализации. Без учета всех единиц языков для специальных целей, и стандартных, и нестандартных, в процессе перевода, возможны затруднения в нахождении и передаче эквивалентности, а также в дальнейшем в вопросах стандартизации и унификации терминологий и составления стандартов и списков рекомендуемых терминов.

Коммуникативно-функциональный подход позволяет проводить целостный анализ свойств термина, номенклатурных и просторечных единиц, что в свою очередь очень важно для перевода, поскольку именно при коммуникации, анализируя профессиональный и специализированный дискурс, можно проследить все детали семантической, морфологической и синтаксической структуры единиц и их взаимосвязи, что невозможно вне сферы функционирования, вне коммуникации.

Рассмотрим характеристики и возможные типы профессионального дискурса на примере дискурса радиообмена гражданской авиации в английском и русском языках (дискурс РГА). В процессе радиообмена перевод непосредственно не осуществляется, но изучение данного типа дискурса может оказаться хорошей практической базой для тренировки как студентов-специалистов в рамках межъязыкового общения, так и студентов-переводчиков специализированному переводу, поскольку данный вид деятельности характеризуется особыми предметными характеристиками, требующими специального усвоения и позволяющими наглядно выделять специализированные понятия. Дискурс РГА представляет собой диалог двух (реже более двух) коммуникантов, а именно наземных диспетчерских служб и командира (или других членов) экипажа воздушного судна. Коммуникацию в РГА можно охарактеризовать лаконичностью, однозначностью, четкостью; типовой специальной фразеологией, использованием стандартных слов и фраз, их четким и ясным произношением, относительной свободой построения высказываний в нестандартных ситуациях и при горизонтальных отношениях.

Нестандартные ситуации предполагают возможное применение неcodифицированных языковых единиц.

Коммуниканты PГА строят взаимоотношения как по вертикальному, так и по горизонтальному типам. В вертикальных отношениях один коммуникант осуществляет ведущую роль в профессиональной коммуникации, а именно – контроль и координирование движения воздушного судна. В горизонтальных отношениях наблюдается меньшая официальность в согласованности управления воздушным судном пилотами и координировании воздушного движения диспетчерами. Такое может быть обусловлено менее формальными межличностными отношениями коммуникантов.

Коммуникативную ситуацию можно классифицировать как стандартная и нестандартная, исходя из экстралингвистических условий. Первый тип коммуникативной ситуации подразумевает безопасное осуществление полета. Нестандартная коммуникативная ситуация может возникнуть при нестандартных ситуациях (например, пожар, нападение и пр.).

Учитывая вышеизложенные параметры (ситуация, взаимоотношения коммуникантов), выделяют несколько типов профессионального дискурса PГА. Каждому типу дискурса соответствует свой инвентарь, синтаксические типы и коммуникативные цели, что и учитывается при переводе в подборе эквивалентной лексики и соответствующих синтаксических и стилистических (если необходимо) структур. Перечислим.

AI (стандартные ситуации и вертикальные отношения). Например,

P1. *Santo Antonio Information, Aviona 223 Santo Rubio at 13.00 direct to Alexander, VMC, climbing from flight level 390. Request any known conflicting traffic* (Пил. Санто Антонио Информация, Авиона 223, из Санто Рубио в 13.00 (следует) прямо в Александр, визуально, набираем с эшелона 330 до эшелона 390. Запрашиваем (информацию) об известном конфликтующем движении).

Ctrl. Aviona 223, Santo Antonio Information, no reported traffic (Дисп. Авиона 223, Санто Антонио Информация, нет сообщений о конфликтующем движении (зона свободна).

БIII (стандартные ситуации и горизонтальные отношения). Например, *You may either enter the next pocket on your left or hold position (вы можете либо зарулить в следующий «карман», либо ждать на месте).*

АII (нестандартные ситуации и вертикальные отношения). Например, *Request prior landing (прошу посадку вне очереди).*
No gear indication, request to observe wheels from the ground (отсутствует индикация работы шасси, прошу осмотр с земли).

БIV (нестандартные ситуации и горизонтальные отношения). Например, *Днепр, слушаю, Ростов один. – Ну, что не видно, не слышно? – Не видно... Слушай, «Сингапура» вижу три пять ноль, его вижу, а этого... (Dniepr, listening, Rostov one. – So nothing is seen, nothing is heard... It is not seen. Listen, I do see three five zero “Singapore”, I see him, but not your’s...)*

Да, да, да, я ж по просьбе моей... сейчас «VIMAVIA» тогда подыдем.
Ростовчик, а у вас никого там в радиусе нет?

В обучении специалистов и переводчиков языки для специальных целей играют большую и важную роль, предоставляя и создавая реальные возможности для понимания, анализа и выбора языковых единиц в процессе специализированного общения и перевода. Дискурсивный анализ может содействовать лучшему пониманию языкового материала, определению надлежащего семантического значения и структур в языке перевода как в процессе переводческой тренировки, так и в фактической переводческой деятельности.

Список сокращений

РГА – радиообмен гражданской авиации

АI – тип дискурса РГА (стандартные ситуации и вертикальные отношения)

АП – тип дискурса РГА (нестандартные ситуации и вертикальные отношения),

БIII – тип дискурса РГА (стандартные ситуации и горизонтальные отношения),

БIV – тип дискурса РГА (нестандартные ситуации и горизонтальные отношения).

Дисп. – диспетчер

Пил. – пилот

Ctrl. (controller) – диспетчер

LSP (language for special purposes) – язык для специальных целей

P1. (pilot) – пилот

Литература

1. *Авrorин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975. 276 с.

2. *Даниленко В. П.* Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 10 – 21.

3. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.

4. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.

5. *Dudley-Evans T.* Developments in English for Specific Purposes, Cambridge. 2006. 317 p.

6. *Gouadec D.* Translation as a profession. Benjamins translation library, 2007. 306 p.

7. *Hutchinson T., Waters A.* English for specific purposes. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 183 p.

8. *Kade O.* Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation. Grundfragen der Uebersetzungswissenschaft, 1968.

9. *Richards, Jack C.* Communicative Language Teaching Today. Cambridge University Press, 2006. 48 p.

10. *van Dijk, T. A.* Handbook of Discourse Analysis. 4 vols. London Orlando: Academic Press. 1985.

References

1. Avrorin, V. A. (1975). *Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* [Problems of studying the functional side of the language (on the subject of sociolinguistics)]. L. 276 s. (In Russian)

2. Danilenko, V. P. (1986). *Aktual'nye napravleniya lingvisticheskogo issledovaniya russkoi terminologii* [Actual directions of linguistic research of Russian terminology] // *Sovremennye problemy russkoi terminologii*. M. S. 10-21. (In Russian)

3. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world] [Elektronnyi resurs] / E. S. Kubryakova. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 556 s. (In Russian)

4. Leichik, V. M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. M.: LKI. 256 s. (In Russian)

5. *Dudley-Evans, T.* (2006). *Developments in English for Specific Purposes*. Cambridge. 317 p. (In English)

6. *Gouadec, D.* (2007). *Translation as a profession*. Benjamins translation library. 306 p. (In English)

7. *Hutchinson, T., Waters, A.* (1987). *English for specific purposes*. Cambridge: Cambridge University Press. 183 p. (In English)

8. *Kade, O.* (1968). *Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation*. Grundfragen der Uebersetzungswissenschaft. (In German)

9. *Richards, Jack C.* (2006). *Communicative Language Teaching Today*. Cambridge University Press. 48 p. (In English)

10. *Van Dijk, T. A. (1985). Handbook of Discourse Analysis. 4 vols. London Orlando: Academic Press. (In English)*

Авторы публикации

*Акимова Ольга Валерьевна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
E-mail: lelram@mail.ru*

Authors of the publication

*Olga V. Akimova –
Candidate of Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
E-mail: lelram@mail.ru*

**Поступила в редакцию 03.05.2019.
Принята к публикации 25.05.2019.**

УДК 81

**ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В КИТАЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

А.Р. Аликберова, Д.А. Балакин

alfiakasimova@gmail.com

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена проникновением интернета во все сферы жизни, в том числе усилением влияния на политические воззрения населения. Интернет-мемы становятся специфическим отражением современной действительности и новым видом социально-политического дискурса. Целью статьи является изучение и анализ наиболее популярных интернет-мемов в китайском медиапространстве, сопоставление основных тенденций в современном китайском языке и определение их связи с ключевыми событиями как внутри Китая, так и за рубежом. Ведущими подходами к исследованию данной проблемы являются системно-структурный подход и сравнительно-сопоставительный анализ. Основным результатом исследования является выявление новых лингвокультурологических особенностей при составлении интернет-мема, который в свою очередь становится отражением современной языковой картины мира. Также в ходе исследования было доказано, что большинство интернет-мемов социально или политически окрашены, часть из них проникает из неофициального интернет-пространства на более высокий языковой уровень, входит в общепринятый активный языковой запас.

Ключевые слова: китайский интернет, современная лексика, интернет-мем, медиапространство, китайская культура.

Для цитирования: Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Интернет-мемы в китайском медиaprостранстве как отражение современной действительности. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 31–41.

INTERNET-MEMES IN CHINESE MEDIASPHERE AS A REFLECTION OF MODERN REALITY

A.R. Alikberova, D.A. Balakin

alfiakasimova@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The relevance of this problem is due to the penetration of the Internet in all spheres of life, including the increasing influence on the political views of the people. Internet memes are becoming a specific reflection of modern reality and a new kind of socio-political discourse. The purpose of the article is to study and analyze the most popular Internet memes in the Chinese media space, to compare the main trends in modern Chinese and to determine their connection with key events within China and abroad. The leading approaches to the study of this problem are the system-structural approach and comparative-comparative analysis. The main result of the study is the identification of new linguistic and cultural characteristics in the compilation of the Internet meme, which in turn becomes a reflection of the modern language picture of the world. Also, during the study, it was proved that most of the Internet memes are socially or politically colored, some of them penetrate from the unofficial Internet space to a higher language level, are included in the generally accepted active language reserve.

Key words: Chinese Internet, modern vocabulary, Internet meme, media space, Chinese culture.

For citation: Alikberova A.R., Balakin D.A. Internet-memes in Chinese Mediasphere as a reflection of modern reality. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 31–41. (In Russ)

Интернет стремительно вошел в повседневную жизнь каждого, и сейчас это уже не просто виртуальная платформа для общения и получения новой информации. Интернет рассматривается как особое информационное, социальное, психологическое и лингвистическое пространство, имеющее свои характерные признаки. К ним можно отнести: виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность и мозаичность, по совокупности дающие уникальную возможность для появления,

Казанский лингвистический журнал, 2019, том 2, № 2

существования и развития в интернет-среде новых лингвистических и коммуникативных форм [5]. Так одним из специфических видов интернет-дискурса является интернет-мем. Слово мем (от англ. meme) означает «идею, образ, объект нематериальной культуры, спонтанно тиражируемый интернет-сообществом» [4]. В настоящее время мем рассматривается как механизм передачи и хранения культурной информации, поэтому и является важным источником отражения современной реальности, способом выражения мыслей и чувств к происходящему в мире.

В первую очередь нами были выявлены наиболее популярные интернет-мемы в 2017 г. и в 2018 г. в китайском интернет-пространстве [3]. Данные получены на основе опросов и самостоятельного мониторинга чатов, блогов, форумов. Далее был проведен анализ и систематизация полученной информации, дана характеристика каждого мема, перевод и пример его употребления. Также нами было проведено дополнительное исследование, касательно его лингвистических и культурологических особенностей. Полученные результаты позволили сопоставить основные тенденции в современном китайском языке и определить их связь с ключевыми событиями как внутри Китая, так и за рубежом.

В ходе изучения интернет-мемов в китайском медиапространстве за 2017-2018 гг. были выявлены в качестве основных 15 образов и выражений.

1. **确认过眼神** (quèrèn guò yǎnshén). «**确认过眼神 · 我遇上对的人**», *по глазам вижу, что я встретил правильного человека* – это строчка из песни, впервые звучавшей в альбоме сингапурского поп-исполнителя Линь Цзюньцзе (林俊杰) ещё в 2008 г. В канун нового 2018 г. пользователь Вэйбо (微博, китайский сервис микроблогов, популярная платформа в Китае) под ником «Играющий в сети школьник» (玩网小学生) опубликовал пост под названием «**确认过眼神 · 你是广东人**» (*по глазам вижу, что ты гуандунец*). В нем он высмеял привычку гуандунцев в Новый Год дарить красный конверт (红包) с неприлично маленькими суммами. Характерная черта жителей южной

провинции вызвала горячее обсуждение в сети и дала вторую жизнь музыкальной композиции с этими словами. Во второй части фразы можно использовать любое другое описание собеседника. При этом важно помнить, что даже оборванная на середине фраза ненавязчиво подчёркивает способность видеть реальность за мишурой, догадываться об истинном положении дел.

2. 隐形贫困人口 (yǐnxíng pínkùn rénkǒu) . Фраза «невидимое бедное население» (隐形贫困人口) стала популярной в начале 2018 г. В мягкой форме она обозначает людей, которые на первый взгляд имеют еду и кров, а на самом деле бедствуют. Особенно остро присутствие такой социальной группы ощущается после 11 ноября (день холостяка, всемирный день шопинга), когда во время скидок люди тратят последние деньги на гаджеты последних моделей и модную одежду, а после – голодают. В отношении таких людей интернет пользователи говорят: «你这么会花钱，一定很穷吧» (*ты так умело тратишь деньги, наверняка бедняк*). В целом, можно сравнить с шутками про айфоны и лапшу «Доширак».

3. 小猪佩奇 (Xiǎozhū Pèiqí). *Свинка Пеппа* (小猪佩奇) также стала звездой мемов. В Китае прошла волна «пеппамании»: молодые люди во всему Китаю искали, где купить сувениры с символикой этого мультфильма, знаменитости появлялись на публике с переводными картинками героев мультсериала, носили детские часы и прочие забавные мелочи с изображением свинок. Согласно информации китайских видеохостингов, мультсериал со свинкой Пеппой набрал сотни миллиардов просмотров. Таким образом, Свинка Пеппа стала негласным символом, что человек «в теме» и следит за последними трендами.

4. 你个杠精儿! (nǐgè gàngjīng, *ты – склочник!*) В комментариях к моментам или текстам в Вичате (微信), в обсуждениях в Вэйбо (微博) и на форумах часто появляются спорщики, те, кто любит препираться без причины. Слово 杠精 происходит от диалектного 抬杠, что означает *ругаться*

по пустякам. Диалекты являются одним из основных источников появления интернет-сленга и неологизмов. Этот мем, тем не менее, не является прямым эквивалентом нашим «диванным войскам», зачастую претендующим на экспертное мнение. 你个杠精儿! употребляется в отношении тех, кому просто нечем заняться и, разворачивая баталии в сети, таким образом, разгоняют скуку.

5. 太skr了 (tài skr le, *слишком непонятное*). Буквосочетание латиницей «skr» пришло из английского сленга, в котором обозначает нечто *невразумительное, неожиданное* и даже *безумное*. Популярный актёр и исполнитель Крис У (吴亦凡) впервые использовал это слово в своей пресс-конференции в начале второго сезона телешоу «Рэп в Китае» (中国有嘻哈). Словом «skr» он охарактеризовал выступления конкурсантов, указав, что оно выглядело как гоготание гусей. Данный интернет-мем дал жизнь другому популярному мему, объединив два уже известных: «确认过眼神 · 是会说 skr 的人» (*по глазам вижу, ты можешь говорить невразумительные речи*).

6. 大猪蹄子 (dà zhū tí zǐ, *большие свиные копыта*). Источником мема является популярный в Китае сериал «История дворца Яньси» (延禧攻略). В данном случае имеет место игра слов: по-китайски фраза «*главная мужская роль*» (男主角, nán zhǔjiǎo) созвучна с «*мужские свиные копыта*» (男猪脚, nán zhūjiǎo). Так, выражение *большие свиные копыта* (大猪蹄子) имеет схожее значение, но слегка преувеличенное, чтобы подчеркнуть ненависть, выразить неудовольствие непостоянством мужского персонажа. Впервые интернет-мемы «мужские свиные копыта» или «все мужчины – свиные копыта» появились в плавающих комментариях, которые пользователи могут отправлять вовремя стриминга на интернет-платформах. Впоследствии фраза стала использоваться повсеместно в китайской сети, где женщины критикуют патриархальный строй или недовольны мужским поведением в целом.

7. pick一下 (pǐck yīxià, *выбери меня*). На смену прошлогоднему «打 call» (в 2017 г. был очень популярен мем «бить в барабан» (打 call , dǎ call), выражающий поддержку и согласие с чьей-то позицией) пришёл свежий «pick 一下». Начали этот мем употреблять на корейском реалити-шоу «Produce101», особенно популярном в Китае. Один из случаев, когда за мемом не стоит какой-то особой истории или игры слов, а смысл легко понять: «выбери меня» или просто «выбери». Употребляется в китайских предложениях вместо глагола «выбирать» (挑选, 选择).

8. C位出道 (C wèi chūdào; центр, на выход). Слово 出道 переводится как «начать карьеру; выйти в свет; дебютировать». В свою очередь гибридное слово C位 является сокращением от английского слова center и означает «почётное место влиятельного в шоу-бизнесе человека» (大咖位). Таким образом, всю фразу можно перевести как «центр начинает» или «звезда дебютирует». Также в мемах выражение часто используется в смысле «ну, погнались» или «дорогу новичкам». По одной из версий, фраза пришла от геймеров, которые перед началом выполнения задания собираются на базе (в «центре»), а фраза служит сигналом к началу действий. По другой версии, мем появился на репетиции выступления поп-группы, когда режиссёр скомандовал перед началом – «ну, центр, начинай». Пример использования в предложении: «让嘉宾占C位» – пусть почётные гости встанут в центр.

9. 转发锦鲤 (zhuǎnfā jǐnlǐ, *переслать карпа*). Карп кои (锦鲤) традиционно считается символом удачи, но в 2018 г. он заполонил соцсети. В интернете его используют для мемов, стикеров и поздравительных открыток. Массовая пересылка друг другу изображения карпов и образовала мем – 转发锦鲤. Эти декоративные рыбки-долгожители популярны по всему миру, но в Китае им приписывают особые свойства приносить удачу и долголетие.

Чтобы быть в тренде, необходимо прислать своим друзьям изображение рыбы, а лучше совместить с фото известного и удачливого человека (политического лидера, бизнесмена, поп-звезды).

10. 贫穷限制了我的想象力 (pínqióng xiànzhile wǒ de xiǎngxiàng lì, *бедность ограничила мою фантазию*). Эта фраза появилась в лексиконе китайцев достаточно давно, но во второй половине 2017 г. стала употребляться повсеместно. Данное выражение в шуточной форме указывает, что простым людям зачастую трудно представить себе, как живут богатые, какие у них интересы и развлечения.

11. 你有freestyle吗? (Nǐ yǒu freestyle ma? *Есть у тебя фристайл?*) Интернет-мем стал популярным моментально, после того как на телевизионной программе «Хип-хоп в Китае» (中国有嘻哈) один из членов жюри У Ифань (吴亦凡) несколько раз подряд задал этот вопрос одному из участников. Употребляется, чтобы подчеркнуть необходимость иметь такие качества, как гибкость ума, изворотливость, креативность в диалоге и быть на эмоциональном подъёме.

12. Доссить (diss, *выражать высшую степень презрения*). Мем пришел в китайский интернет-сленг из хип-хоп культуры. Diss происходит от сокращения двух английских слов – disrespect (не уважать) и disparage (унижать). Употребляется для выражения неуважения в грубой форме к говорящему. Например, распространенное выражение – 全世界diss你又如何 (*что поделаешь, если весь мир презирает тебя*).

13. За что боролся, на то и напоролся (求锤得锤, qiú chuí dé chuí, *хочешь молот – получишь молот*). Это интернет-мем получил распространение после скандала с участием китайского поп-исполнителя Джокера Сюэ и его любовницы, известной фотомодели Ли Юйтун. В августе 2017 г. она написала пост в своем микроблоге Вэйбо (微博), в котором поведала о том, что Джокер (на тот момент состоящий в браке) заставил ее сделать аборт на позднем сроке,

что привело к длительной депрессии. Фанаты певца сначала не поверили в столь неприглядное поведение своего кумира и стали требовать доказательств. В итоге получили целых два «молота», доказывающих и супружескую измену, и принуждение к аборту.

14. Сложить пальцы сердечком (比心, bǐxīn). Скрещенные указательный и большой пальцы в Китае и Южной Корее означает «сердце» и используется для выражения самых искренних чувств. Жест пришел в Китай из Кореи, где его сначала активно использовали поп-исполнители. Когда во время выступления одна рука занята микрофоном, и чтобы выразить свою любовь к фанатам, можно сделать такое «мимишное» сердечко свободной рукой. В китайском интернете гуляют миллионы мемов с изображением кумиров, политиков, известных бизнесменов со скрещенными сердечком пальцами. Данный мем можно сравнить по популярности и «мимишности» с мемом, изображающим кота с большими глазами из мультфильма «Шрек».

15. Съесть курицу (吃鸡, chījī, *занять первое место, победить*).

Полное выражение звучит как «大吉大利, 晚上吃鸡» и является калькой с английского языка – «Winner, winner, chicken dinner!» (Выигрыш есть, можно и поесть!). Выражение изначально стало популярным благодаря американской драме о карточных играх «Двадцать одно», а потом онлайн-игре PlayerUnknown's Battlegrounds. В 1970-х годах в Лас-Вегасе его использовали для рекламы казино: минимальный выигрыш гарантировал стандартный ужин – три кусочка курицы и порцию овощей. Например, 哦, 你吃鸡了! 祝贺你! (О, ты победил! Поздравляю! Досл.: О, ты съел курицу! Поздравляю!).

Исследование данных интернет-мемов дает понимание китайской языковой картины мира. Происходит формирование совершенно нового источника зарождения неологизмов – это различные интернет-сообщества (социальные сети, форумы, блоги, чаты) [6]. Для большинства носителей

китайского языка интернет мемы при первом знакомстве могут остаться непонятными, они нуждаются в дополнительном пояснении. Именно этот факт делает их похожими на традиционные фразеологические обороты чэньюй (成语), в том числе и по схожести формирования грамматической конструкции (求锤得锤). Первоисточниками зарождения мемов являются горячая новость в СМИ (皮皮虾, 我们走!), фильм или сериал (惊不惊喜?意不意外?), телешоу (C位出道), музыкальное произведение (确认过眼神, 我遇上对的人), компьютерные или видеоигры (还有这种操作?). Являясь разновидностью прецедентных феноменов, интернет-мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником появления мема. Следовательно, интернет-мем обладает культурной коннотацией, представляющей адресату возможность идентификации прецедентного феномена. Часть популярных мемов входят в активный языковой запас, теряя новизну, становятся общеупотребительными выражениями. Таким образом, появляется другое уникальное явление, когда фраза или выражение из интернет-пространства переходит на другой языковой уровень, в том числе и официально-деловой [1]. Так, например, официальное печатное издание компартии Китая «Жэньминь жибао» (人民日报), следуя современным тенденциям, в 2017 г. составило собственный рейтинг интернет-мемов [2].

Таким образом, говоря в целом о феномене китайского интернет-мема, можно с уверенностью утверждать, что их большинство политически или социально окрашены. Мемы значительно отличаются по показателям востребованности и устойчивости. Устойчивость мема связана также и с его потенциалом генерирования новых языковых структур. При большой популярности возможности создания на его базе новых текстовых образований, воспроизведении на разных интернет-площадках позволяет интернет-мему сохраниться и войти в активный запас китайской лексики.

Литература

1. Аликберова А. Р., Урывская Т. А. Современные тенденции в китайском языке: интеграция буквенных слов в языковую систему // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 6. С. 1592 – 1601.

2. Струкова П. Китайские интернет-мемы 2017 года по версии «Жэньмин жибао» // URL: <https://magazeta.com/news/memes-2017/> (дата обращения 14.01.2019).

3. Струкова П. Китайские меммы // URL: <https://magazeta.com/2019/01/memes-2018/> (дата обращения 14.01.2019).

4. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Лингвистика дискурса, №3. 2012. С. 160–172.

5. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета, №6. 2014. С. 85–89.

6. Koetse Manya. The Power of China's Internet memes // URL: <https://www.whatsonweibo.com/the-power-of-chinas-internet-memes/> (accessed: 01.02.2019).

7. Koetse Manya. When China's Internet memes become marketing tools // URL: <http://www.digitalintheround.com/china-internet-memes/> (accessed: 30.01.2019).

References

1. Alikberova, A. R.; Uryvskaya, T. A. (2016). *Sovremennyye tendencii v kitajskom yazyke: integraciya bukvennyh slov v yazykovuyu sistemu* [Current trends in Chinese: the integration of letter words into the language system] // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. T. 158, kn. 6. Pp. 1592 – 1601. (In Russian).

2. Strukova, P. (2017). *Kitajskie internet-memy 2017 goda po versii «ZHehn'min zhibao»* [Chinese Internet memes of 2017 according to Renmin Zhibao] // URL: <https://magazeta.com/news/memes-2017/> (data obrashcheniya 14.01.2019). (In Russian).

3. Strukova P. (2017). *Kitajskie memy* [Chinese memes] // URL: <https://magazeta.com/2019/01/memes-2018/> (data obrashcheniya 14.01.2019). (In Russian).

4. Shchurina, Yu. V. (2012). *Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii* [Internet memes as a phenomenon of Internet communication] // *Lingvistika diskursa*, №3. Pp. 160–172. (In Russian).

5. Shchurina, Yu.V. (2014). *Internet-memy: problema tipologii* [Internet memes: the problem of typology] // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, №6. Pp. 85–89. (In Russian).

6. Koetse Manya. *The Power of China's Internet memes* // URL: <https://www.whatsonweibo.com/the-power-of-chinas-internet-memes/> (accessed: 01.02.2019).

7. Koetse Manya. *When China's Internet memes become marketing tools* // URL: <http://www.digitalintheround.com/china-internet-memes/> (accessed: 30.01.2019).

Авторы публикации

Аликберова Альфия Рафисовна –
кандидат исторических наук, доцент
Казанский федеральный университет
E-mail: alfiakasimova@gmail.com

Authors of the publication

Alikberova Alfiya Rafisovna –
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.),
Associate Professor
Kazan Federal University
E-mail: alfiakasimova@gmail.com

Балакин Дмитрий Александрович –
сотрудник Института Конфуция,
Казанский федеральный университет
E-mail: dimbalakin73@gmail.com

Balakin Dmitriy Aleksandrovich –
secretary of Confucius Institute
Kazan Federal University
E-mail: dimbalakin73@gmail.com

**Поступила в редакцию 07.05.2019.
Принята к публикации 25.05.2019.**

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖЕК ЛОНДОНА «ЛЮДИ БЕЗДНЫ» И ЕГО
РУССКОГО ПЕРЕВОДА)**

Р.А. Омарова, Г.К.Кенжетаетаева

53omarova@mail.ru, gulken_@mail.ru

*Павлодарский Государственный университет имени С. Торайгырова,
г. Павлодар, Казахстан*

*Павлодарский Государственный педагогический университет,
г. Павлодар, Казахстан*

Аннотация. Статья посвящена особенностям художественного перевода как акта межъязыковой коммуникации для достижения равноценности с языком оригинала; предпринята попытка систематизировать некоторые теоретические исследования по проблеме художественного перевода. Также исследуется использование переводческих трансформаций при переводе художественных текстов с английского на русский язык для достижения адекватного художественно-эстетического воздействия.

В данной статье авторы провели более детальный анализ использования переводческих трансформаций в романе Дж. Лондона «Люди бездны» в переводе Е.Калашниковой.

Ключевые слова: культура, художественный перевод, коммуникативная установка, межъязыковая коммуникация, литература.

Для цитирования: Омарова Р.А., Кенжетаетаева Г.К. Особенности художественного перевода (на материале произведения Джек Лондона «Люди бездны» и его русского перевода). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 42–53.

**THE PECULIARITIES OF LITERARY TRANSLATION
(ON THE MATERIAL OF “THE PEOPLE OF THE ABYSS” BOOK
BY JACK LONDON AND ITS RUSSIAN TRANSLATION**

R.A. Omarova, G.K. Kenzhetayeva

53omarova@mail.ru, gulken_@mail.ru

S. Toraighyrov Pavlodar State University

Pavlodar State Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of literary translation as an act of cross-language communication to achieve equivalence with the original language; an attempt is made to systematize some theoretical studies on the problem of literary translation. The author also studies the use of translation transformations in the translation of literary texts from English into Russian to achieve an adequate artistic and aesthetic impact.

In this article, the authors conducted a more detailed analysis of the use of translation transformations in the novel “The People of the Abyss” Jack London translated by E. Kalashnikova.

Keywords: culture, literary translation, communicative setting, cross-language communication, literature.

For citation: Omarova R.A., Kenzhetayeva G.K. The peculiarities of literary translation (on the material of "The people of the Abyss" book by Jack London and its Russian translation. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 42–53. (In Russ)

Переводоведение впервые оформилось в самостоятельную дисциплину как раздел языкознания в 1930-х гг. В настоящее время эта область научных исследований имеет вполне установившиеся традиции. В теоретическом и языковедческом планах переводоведение тяготеет к социолингвистике, психолингвистике, сопоставительному языкознанию, грамматике текста и касается таких важных разделов, как: наука о языке, язык и мышление, язык и картина мира, язык и культура.

В работе изложение материала следует в русле теории, трактующей перевод как акт межъязыковой коммуникации [1, с. 34]. Преимущество этой модели заключается в том, что переводческие явления рассматриваются

не изолированно, а с точки зрения их коммуникативной установки, в основе которых лежит понятие о передаче информации. Существенным являются знания о соотносительной конфигурации языковых функции в конкретной паре языков и различиях в способах их языкового выражения. Не менее важен прагматический аспект коммуникативной теории перевода, предполагающий сопоставление не только двух языковых кодов, но и двух культурных общностей.

Поиск переводимого соответствия сопряжён со всевозможными лексическими и грамматическими преобразованиями, или трансформациями. Используя этот термин, надо учитывать, что преобразование не означает каких-либо изменений в исходном тексте. Речь идёт лишь о том, что в переводящем тексте для выражения аналогичных целей общения используются иные лексические, стилистические и грамматические средства.

Выше уже отмечалось, что при переводе сопоставляются не только два языка, но и две культуры в широком понимании этого слова. То, что совершенно ясно получателю оригинального текста, может вызывать непонимание у получателя текста перевода. В задачу переводчика поэтому входит не только отыскивание эквивалентных соответствий для передачи коммуникативной установки отправителя, но и представление получателю необходимых пояснений, когда на пути правильного восприятия целей общения стоят межкультурные различия [3, с. 90].

Так в самых общих чертах выглядит схема, отражающая современное представление о переводе как акте межъязыкового общения. Перевод является тождественным, или эквивалентным, в том случае, если реакция иноязычного получателя во всех существенных чертах соответствует реакции получателя сообщения на исходном языке.

Вашему вниманию предлагается анализ использования переводческих трансформаций в целях сохранения художественно-эстетического воздействия на читателя во фрагментном единстве произведения «The people of the Abyss» by Jack London. Джек Лондон «Люди бездны» в переводе Е. Калашниковой.

«But you can't do it (1), you know», friends (2) said, to whom I applied for assistance in the matter of sinking myself down into the East of London [2, с. 1].

Но поймите, это невозможно (1), – убеждали меня знакомые (2), к которым я обращался с просьбой помочь мне проникнуть на «дно» Восточного Лондона.

При переводе дано безличное предложение, что в свою очередь нарушает эквивалентную передачу оригинала *you can't do it* – это невозможно (1). Слово *friends* переведено с помощью семантической замены – знакомые (2). *Friends* – друг, приятель, товарищ. Семантическая замена произведена для того, чтобы подчеркнуть отношения людей, присущих английской культуре.

«You had better see the police for a guide», they added (1), on second thought (2), painfully endeavoring to adjust themselves (3) to the psychological processes (4) of a madman who had come (5) to them (6) with better credentials than brains [2, с. 1].

«Или уж попросите тогда себе проводника в полиции», – подумав (2), добавляли они (1), мучительно силясь понять, что происходит в сознании(4) этого сумасшедшего: несомненно, голова у него дурная, хотя он и явился(5) с хорошими рекомендациями.

Инверсия – добавляли они (1). В переводе с английского на русский наблюдается конверсия (2) – *on second thought* – подумав. Эта трансформация помогает найти наилучшее адекватное соответствие, которое отражает нормы русского языка. Опускание возвратного местоимения *themselves* (3). Конверсия *the psychological processes* – в сознании (4). Семантическая замена глагола *come* (5), который по словарю *Abby Lingvo 11* [4], переводится как “приходить, прибывать”, но в данном контексте использован в виде сказуемого – явиться. Также произошло опущение в переводе *to them* (6). Названные ПТ способствуют сохранению эквивалентности в ПЯ.

«You don't want (1) to live down there! everybody said (3), with disapprobation writ large upon their faces» [2,с. 2].

«Пожить там!(1), – кричали (3) все в один голос, и я читал (4) решительное неодобрение на их лицах».

Антонимический перевод (1) и опущение (2) слова *want*. *Say* в прошедшей форме *said* означает по словарю *Abby Lingvo 11* “говорить, полагать, высказывать своё мнение, но в данном контексте переводится с помощью семантической замены” (3). Она подчёркивает эмоциональное состояние главного героя, в котором он находился, тем самым выполняя эмоционально-эстетическую функцию. Сказуемое “читал” добавлено в переводе для лучшего восприятия текста перевода (4), т.е. произведено добавление.

«But you can't, you know» was the unfailing rejoinder (1) [2, с. 2].

Но это же невозможно! – неизменно слышалось в ответ (1).

В переводе дано безличное предложение, что в свою очередь нарушает эквивалентную передачу оригинала в переводе (1), но способствует сохранению эстетического восприятия.

«But we know nothing of the East End» (1), (2) [2, с. 2].

«Но мы же ничего не знаем о Восточной стороне! (1), (2)».

Отсутствие (1) грамматических трансформаций объясняется сходными формами русского и английского языков (предложение с частицей «же»). Добавлен восклицательный знак (2). Добавление знака придаёт эмоциональную окраску словам героев.

But O Cook, O Thomas Cook (2) & Son, pathfinders and trail-clearers, living sign-posts to all the world (3) and bestowers of first aid to bewildered travelers – unhesitatingly and instantly, with ease and celerity, could you send me to Darkest Africa or Innermost Thibet (5), but to the East End of London (6), barely a stone's throw distant from Ludgate Circus (7), you know not the way! [2, с. 3].

О Кук! О «Томас Кук (2) и сын», разведчики путей, всемирные (3) следопыты, живые указательные столбы по всему земному шару, надёжные спасители заблудившихся путешественников! Вы могли бы в мгновение ока и без малейших колебаний отправить меня в дебри (4) черной Африки или

в самое сердце Тибета (5), но в восточные кварталы Лондона (6), куда от Лангейт–серкус (7) рукой подать, вы не знаете дороги!(1)

Членение (1). Предложение оригинала перегружено определительными элементами, в связи с этим использовалось членение, так же оно было применено, чтобы сохранить эстетическое восприятие. Транскрипция при переводе имени собственного Томас Кук (2). Конверсия слова всемирные (3). Добавлено слово дебри (4). Thibet – транскрипция, с применением грамматической замены категории падежа (5). Транслитерация – Лондон (6). Лангейт–серкус – транскрипция (7). Переводчик воспользовался традиционной передачей имён собственных. Все перечисленные трансформации способствуют передаче эстетического эффекта на реципиента.

«Consult the police (1)», he concluded authoritatively (3), when (4) I persisted (5) [2, с. 3].

Обратитесь в полицию (1), – заключил он авторитетным тоном (3), видя (4), что я продолжаю (5) настаивать (6).

Грамматическая замена части речи (1). The police – полиция является существительным, а в переводе слово становится наречием. Эта трансформация была применена с целью сохранения экспрессивно-эстетической функции. Слово authoritatively – авторитетный тон – описательный перевод (3). Грамматическая замена союза when на деепричастие видя (4). В переводе наблюдается добавление слова продолжаю (5). Глагол persist по словарю Abby Lingvo 11 означает “упорствовать, удерживаться, сохраняться”. Перевод не отражает ни одно из этих значений и перевод осуществлён при помощи грамматической замены категории времени (6). Вышеперечисленные трансформации сохраняют адекватное воздействие оригинала в переводе.

«We are not accustomed (1) to taking travelers to the East End» [2, с. 3].

Нам ещё не приходилось (1) сопровождать путешественников на восточную сторону.

На лицо грамматическая замена категории залога, т.е. переход пассивной конструкции английского языка в активную в русском (1), т.к. системы двух

языков различны, применяется для воспроизведения эстетического воздействия.

«Never mind that» (1), I interposed (2), to save myself from being swept out of the office by his flood of negotiations [2, с. 3].

Ладно, не беспокойтесь (1), – прервал я (2), испугавшись, как бы ураганом (3) его отрицаний меня не вышибло (4) вон из конторы.

Безличная часть начала предложения переведена как определённо-личное предложение (1). Эта трансформация была использована для сохранения эстетического воздействия на читателя, в целях соответствия нормам русского языка. Произведена инверсия в переводе (2). В русском языке не твёрдый порядок слов, инверсия использована для эмоционального воздействия на реципиента. Добавлены слова ураганом (3) и вышибло (4) т.е. произведена лексическая трансформация – добавление.

I wish you to understand in advance what I intend doing (1), so in case of trouble you may be able (2), (3) to identify me (4, 5) [2, с. 3].

Я предупреждаю вас о своих намерениях (1), чтобы в случае чего вы имели (2) возможность (3) удостоверить мою (4) личность (5).

Начало предложения переведено модуляцией (1). Фраза *may be able* переведена с помощью грамматической замены категории времени (2) и описательного перевода (3). Местоимение *me* переведено при помощи грамматической замены (4) и описательного перевода (5). Перечисленные трансформации помогают ощутить эмоциональное состояние героев, а так же создать адекватный перевод оригинала.

Ah, I see; should you be murdered (1), we would be in position to identify the corpse”(3), (1) [2, с. 4].

Ага, понимаю! Чтобы мы сумели опознать тело (3), если вас убьют (2), (1)?

Предложение переведено с использованием инверсии (1). Пассивная конструкция становится активной, т.е. произведена грамматическая замена категории залога (2). В связи с различием систем двух языков буквальный

перевод не может быть осуществлён т. к. это противоречит нормам русского языка и может быть утрачена эмоционально-эстетическая функция. *Corpse* из словаря *Abby Lingvo 11* переводится как труп, но переведено как тело, т.е. генерализация (3).

He said it so cheerfully and cold-bloodedly that on the instant I saw my stark and mutilated cadaver stretched upon a slab where cool waters trickle ceaselessly, and him I saw bending over and sadly and patiently (2) identifying (3) It (4,5) as the body of the insane American who would see the East End (1) [2, с. 4].

Он произнёс это так весело и хладнокровно, что моему воображению вмиг представился мой голый изуродованный труп на мраморном столе в мертвецкой. Журчит без умолку холодная вода; а вот и он, этот клерк из конторы Кука, скорбно и сосредоточено (2) склонившись надо мной, он подтверждает (3), что это тот (4, 5) самый сумасшедший американец, которому до зарезу понадобилось (6) повидать Восточную сторону (1).

Членение (1). Словосочетание *sadly and patiently* – конкретизация (2). Грамматическая замена герундия *identifying* на форму глагола настоящего времени, 1л., ед.ч.(3), т.к. в русском языке отсутствует герундий, для сохранения силы эстетического воздействия переводчик использовал данную трансформацию. Неодушевленное местоимение *it* переведено с помощью грамматической замены (4) и конкретизации (5). Несоответствие грамматических систем английского языка и русского языка даёт возможность применить эти трансформации, тем самым сохранив эмоциональное восприятие оригинала в ПЯ. Произошло добавление *до зарезу понадобилось* (6), что соответствует узусу русского языка.

«No, no», I answered; «merely to identify me (1) in case I get into a scrape (2) with the bobbies (3, 4)» [2, с. 4].

Нет, нет, – ответил я, – просто, чтобы вы сумели опознать меня (1) в том случае, если я влипну в историю (2) с вашими бобби (3,4).

Грамматическая замена местоимения *me* (1) на *меня*. Фразовый глагол *to get into a scrape with* – модуляция (2), т. к. дословный перевод

не соответствует нормам русского языка, в результате чего может нарушиться адекватность восприятие оригинала. Слово *bobbies* транслитерация (3) с изменением грамматической категории числа (4). Переводчик воспользовался этой трансформацией с целью сохранения национального колорита.

«We (1) make it a rule», he (2) explained, «to give no information concerning our clients» [2, с. 4].

У нас (1) правило, – пояснил клерк (2), – не сообщать никаких сведений о своих клиентах.

Грамматическую замену (1) местоимения *we*, которое переводится как мы, на у нас. Несоответствие грамматических систем двух языков приводит к различным трансформациям, которые помогают создать адекватный перевод, сохранив эмоционально-эстетическое воздействие. Конкретизацию местоимения *he*, при переводе которого переводчик применил трансформацию конкретизация (2). Данная трансформация помогает сохранить соответствия нормам русского языка, тем самым создав адекватный перевод.

«As I was about to remark», he went on steadily, «it is unprecedented (2), and I don't think we can do (4) anything for you (3)» [2, с. 4].

Именно это я собирался вам (1) заявить, – твёрдо изрёк он, – у нас не бывало таких случаев (2), и боюсь мы вам (3) ничем не сможем помочь (4).

Добавлено местоимение вам (1). Фраза *it is unprecedented* является безличной, но переведена как определённо-личное предложение у нас не бывало таких случаев (2). Переводчик решил использовать эту трансформацию, потому что она наиболее точно передаёт эмоциональную нагрузку оригинала. Так же произошла грамматическая замена местоимения *you* на вам (3). Глагол *do* по словарю *Abby Lingvo 11* переводится как делать, завершать, прилагать усилия, но в данном случае оно переведено с помощью семантической замены (4). У данного глагола множество значений, но не одно из них не подходит контекстуально как слово помогать. Все перечисленные трансформации сохраняют адекватность и эквивалентность в переводе.

However, I departed with address of a detective who lived in the east end, and took my way (2) to the American consul-general (1) [2, с. 5].

Всё же я ушёл оттуда, прихватив с собой адрес сыщика, проживавшего на Восточной стороне. Затем я направился (2) к американскому генеральному консулу (1).

Членение (1). Take (прошедшая форма took) my way переведено приёмом модуляции (2). Буквальный перевод этого выражения, исказил бы восприятие оригинала.

In one minute I explained myself and my project (2), which he accepted as a matter of course [2, с. 5].

Одной минуты хватило, чтобы объяснить ему (1), кто я и чего добиваюсь (2), и он принял всё это как нечто вполне естественное.

Добавление местоимение ему (1). Произведена грамматическая замена дополнения в оригинале на инфинитивную форму в переводе (2) project – чего добиваюсь. В силу того что существует разница грамматических систем двух языков, мы можем наблюдать подобный перевод, который в свою очередь способствует сохранению адекватности перевода и его эстетического воздействия на реципиента.

«All right, Jack (1). I'll remember you and keep a track (2)» [20, с. 5].

Ладно, Джек (1). Не буду терять вас из виду (2).

Имя главного героя передается транскрипцией (1). Звуковая передача иноязычного имени собственного сохраняет национальный колорит и культуру языка оригинала. Второе предложение переведено с использованием модуляции (2). Благодаря данным ПТ сохраняется сила художественного эстетического воздействия.

Задача переводчика – достичь семантической эквивалентности исходного и переводного текстов. Для её достижения требуются разнообразные переводческие преобразования, а на уровне компонентной эквивалентности трансформации, затрагивающие грамматическую структуру высказывания. Причина, вызывающая, грамматические трансформации кроется в том,

что каждый язык имеет свою собственную, своеобразную структуру, и переводчик должен это учитывать. Именно различия в структурах исходного и переводящего языка вынуждают переводчика использовать различные трансформации.

Для достижения адекватного коммуникативного эффекта переводчик должен учитывать, что получатели текстов на исходящем и переводящем языках являются носителями разных культур. По причине различий в мировоззрении, исходных знаниях, представлениях и поведенческих нормах их восприятие одного и того же текста не может быть одинаковым. А если содержание исходного и конечного текстов воспринимается по-разному, то перевод как двуязычный коммуникативный акт не достигает своей цели.

Для того чтобы перевод отвечал многим требованиям, приходится использовать различного рода преобразования, которые в переводоведении именуются переводческими трансформациями. Трансформации призваны «сгладить» расхождения для достижения равноценности ИЯ на ПЯ.

Трансформации используются переводчиком для того, чтобы текст перевода был так же функционально тождественен исходному тексту.

При переводе с английского языка на русский или любой другой язык причина, побуждающая к переводческим трансформациям, чаще всего кроется в присущем английскому языку видении мира и связанном с этим явлением языковой избирательности.

В нашей работе мы принимаем во внимание все виды переводческих трансформаций: лексические и грамматические, т.к. они являются неотъемлемой частью особенностей перевода художественного текста. К тому же между разными типами трансформаций нет «глухой стены». Они могут сочетаться, переплетаться, представлять спорные случаи, их можно отнести к разным типам.

Литература

- 1 *Бреус Е. В.* Основы теории и практики перевода (английский язык). М.: УРАО, 2000. 207 с.
2. *Джек Лондон.* «Люди бездны» в переводе Е. Калашниковой 1985. 373 с.
3. *Латышев Л. К.* Курс перевода: эквивалентность перевода и способность её достижения. М.: Международные отношения, 1981. 248 с.
4. *Электронный словарь Abby Lingvo* 11. 10. 000000 слов 2006.

References

1. Breus, E. V. (2000). *Osnovy teorii i praktiki perevoda (angliiskii yazyk)* [Fundamentals of theory and practice of translation (English)]. Moscow, URAO. 207 s. (In Russian)
2. Jack London. "The People of the Abyss" translated by E. Kalashnikova, 1985, 373 s. (In Russian)
3. Latyshev, L. K. (1981). *Kurs perevoda: ekvivalentnost' perevoda i sposobnost' ee dostizheniya* [Translation Course: equivalence of translation and the ability to achieve it]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 248 s. (In Russian)
3. *Electronic dictionary Abby Lingvo* 11. 10. 000000 Words. 2006.

Авторы публикации

Омарова Роза Алибаевна –
Кандидат филологических наук, доцент,
Павлодарский Государственный
университет имени С. Торайгырова
E-mail: 53omarova@mail.ru

Кенжетаяева Гулзира Кабаевна –
кандидат филологических наук, доцент
Павлодарский Государственный
педагогический университет
E-mail: gulken_@mail.ru

Authors of the publication

Omarova Roza Alibaevna –
Candidate of Philology, Associate professor
S. Toraighyrov Pavlodar State University
E-mail: 53omarova@mail.ru

Kenzhetayeva Gulsira Kabaevna –
Candidate of Philology, Associate professor
Pavlodar State Pedagogical University
E-mail: gulken_@mail.ru

**Поступила в редакцию 05.05.2019.
Принята к публикации 20.05.2019.**

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ ДИСКУРСА СФЕРЫ НАНОТЕХНОЛОГИИ

Л.Р. Сакаева, К.Р. Хуснутдинов

liliasakaeva@rambler.ru, karimchusnutdinov@gmail.com

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Нанотехнология – относительно новая, развивающаяся дисциплина. Вместе с ее развитием появляются новые термины, и перед переводчиками, занимающимися техническим переводом, встает задача по созданию соответствующих новых терминов в языке, на который они переводят. Появление же новых терминов в новой области требует их стандартизации. Стандарты еще продолжают составляться и изменяться, и всестороннее изучение терминологии относительно молодой отрасли науки должно способствовать становлению единого технического языка. В этой статье исследуются особенности перевода терминов в рамках дискурса нанотехнологий с английского языка на русский (на основе ГОСТов). В ходе анализа выявлено, что наиболее часто используемым методом перевода является калькирование. С его помощью переведено 58 % терминов. Реже встречаются трансформации, с помощью которых переведено 17 % терминов, приближенный перевод – 13 % терминов, описательный перевод – 6 % терминов, транслитерация и транскрипция – 6 % терминов. После сравнения результатов исследования с работами других авторов, выполненными в течение последних пяти лет, сделан вывод об отсутствии единства мнений по вопросу частотности использования того или иного метода перевода в нанотехнологическом дискурсе и о необходимости проведения дальнейших исследований в этой сфере.

Ключевые слова: перевод, методы перевода, термин, технический перевод, нанотехнологии.

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Хуснутдинов К.Р. Особенности перевода терминов дискурса сферы нанотехнологии. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 54–66.

PECULIARITIES OF TRANSLATING TERMS OF DISCOURSE IN THE SPHERE OF NANOTECHNOLOGY

L.R. Sakaeva, K.R. Khusnutdinov

liliasakaeva@rambler.ru, karimchusnutdinov@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Nanotechnology is a relatively new, developing discipline. As it develops, new terms are created, and technical translators are faced with the task of creating corresponding new

terms in the target language. The emergence of new terms in the new field requires their standardisation. Standards are still being developed and revised, and a comprehensive study of terminology of a relatively new branch of science should contribute to the formation of a universal technical language. The article deals with the peculiarities of translating nanotechnology discourse terms from English into Russian (based on GOSTs). The analysis revealed the most frequent translation method is loan translation. It was used to translate 58% of the terms. Less common are transformations, which were used to translate 17% of the terms, equivalent terms selection – 13% of terms, descriptive translation – 6% of terms, transliteration and transcription – 6% of terms. After comparing the results of the study with the works of other authors over the past five years, it was concluded that there was no consensus on the frequency of using one or another translation method in nanotechnology discourse and that further research in this field is needed.

Key words: translation, translation methods, term, technical translation, nanotechnology.

For citation: Sakaeva L.R., Khusnutdinov K.R. Peculiarities of translating terms of nanotechnology discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 54–66. (In Russ.)

Нанотехнологии до сих пор находятся в стадии развития, и большая часть работ в этой сфере написана на английском языке, так как передовиками в области нанотехнологий являются такие страны, как США и Япония. Терминология этой науки продолжает развиваться вместе с ней. Русскоязычные термины нанотехнологического дискурса преимущественно появляются в процессе перевода соответствующих статей с английского языка. При этом одни и те же термины могут переводиться разными переводчиками по-разному. В связи с этим идет процесс упорядочения терминологии нанотехнологической науки. Переводы новых терминов закрепляются в словарях: к примеру, уже существует «Словарь основных нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов» корпорации «Роснано». Также «установлением единой терминологии и общих принципов классификации нанотехнологий и нанопродукции занимается специальная рабочая группа, и разработка терминологии осуществляется поэтапно в виде взаимосвязанных словарей серии 80004» [17, с. 51], которые были использованы в настоящей работе. Целью этой работы является выявление особенностей перевода терминов нанотехнологического дискурса с английского языка на русский.

Материалом послужили 320 англоязычных терминов и их переводы на русский язык, извлеченные методом сплошной выборки из ГОСТов в области нанотехнологий [1–10], [18, с. 64–65].

Охарактеризуем дискурс сферы нанотехнологий и его терминологию. Нанотехнологический дискурс представляет собой устный или письменный вербальный продукт коммуникативного действия в рамках сферы нанотехнологий. Он является профессиональным, институциональным и, в частности, научным. В целом же «дискурс сферы нанотехнологий... является составным элементом англоязычного научного дискурсивного пространства как системы...» [15].

Так же как нанотехнологический дискурс относится к научному дискурсу, так и термины этого дискурса относятся к научно-техническим терминам. А под научно-техническим термином понимается «...единица языка, обозначающая инструменты, механизмы, машины, операции и др. и функционирующая в научно-техническом дискурсе как единица номинации» [12]. Если обратиться к структуре научно-технических терминов, то самыми распространенными среди них являются терминологические словосочетания, то есть сочетания двух и более слов, одним из которых является термин. Доля таких терминов в этом исследовании также составляет около 80 %. Если же делить термины по употреблению, то наиболее часто используются относительно-специфичные термины, то есть термины, которые в нашем случае могут использоваться разными отраслями науки [12].

Определив характер терминов нанотехнологического дискурса, выявим способы их перевода, воспользовавшись классификацией методов перевода, предложенной Бархударовым Л. С. [11, с. 97–103]:

- транслитерация и транскрипция;
- калькирование;
- описательный перевод;
- приближенный перевод (перевод при помощи аналога);

- трансформации: перестановка, замена (генерализация и конкретизация), добавление, опущение.

Далее проведем анализ работ в соответствующей области и сравним полученные данные.

В работе Раздueva А. В. «Некоторые особенности перевода англоязычной терминологии сферы нанотехнологий на русский язык» [15] выявлено, что транслитерация и транскрипция использовались в 9 % случаев, калькирование использовалось в 42 % случаев, описательный перевод использовался в 21 % случаев, трансформации использовались в 6 % случаев, приближенный перевод – в 15 % случаев. Наиболее частотный метод – калькирование. Наименее частотный метод – трансформации.

В работе Мариловой А. Ю. «Особенности перевода терминов в сфере нанотехнологий с английского языка на русский» [13] выявлено, что транслитерация и транскрипция использовались в 42 % случаев, калькирование использовалось в 21 % случаев, описательный перевод использовался в 9 % случаев, трансформации использовались в 6 % случаев, приближенный перевод – в 15 % случаев. Наиболее частотный метод – транслитерация и транскрипция. Наименее частотный метод – трансформации.

В работе Попцовой Е. Н. «Способы перевода английских терминов сферы нанотехнологий на русский язык» [14] выявлено, что транслитерация и транскрипция использовались в 26 % случаев, калькирование использовалось в 54 % случаев, описательный перевод использовался в 3,5 % случаев, трансформации использовались в 4 % случаев, приближенный перевод – в 12,5 % случаев. Наиболее частотный метод – калькирование. Наименее частотный метод – приближенный перевод.

Для наглядности данные анализа представлены в виде графика на рис. 1.

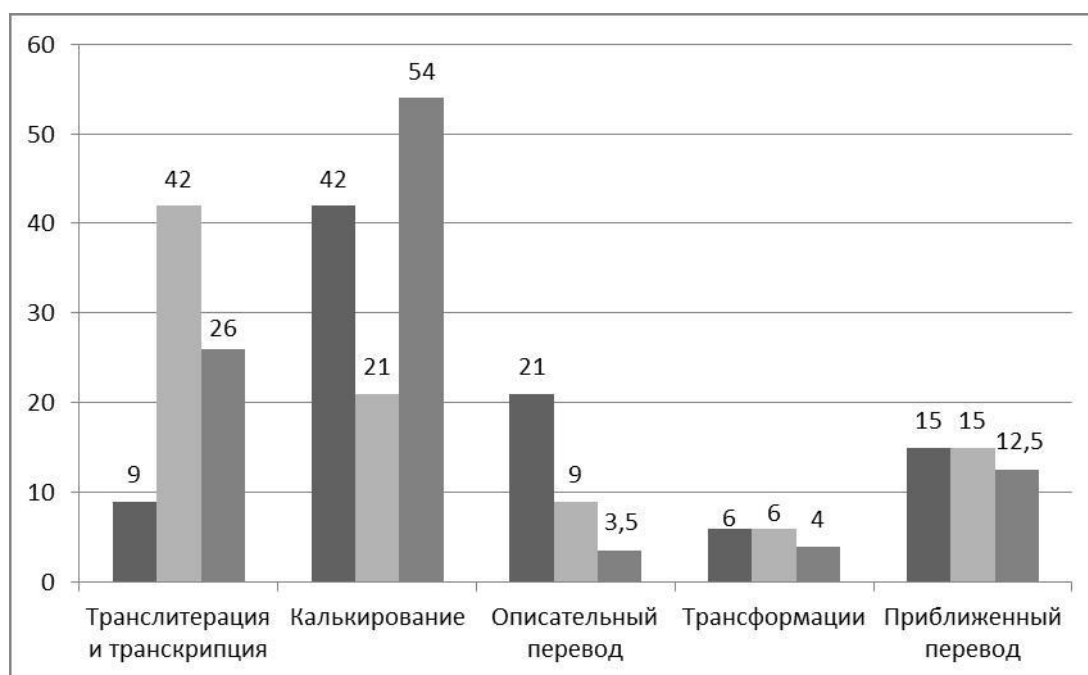

Рис. 1. Сравнение частоты использования методов перевода по результатам исследований

По полученным данным можно судить об отсутствии единства мнений о частоте использования того или иного метода перевода терминов нанотехнологического дискурса. Схожие результаты наблюдаются только в отношении использования трансформаций и приближенного перевода.

На следующем этапе проведем анализ терминов из выборки настоящего исследования.

Транслитерация и транскрипция представляют собой передачу графической и звуковой формы слова. Анализ показал, что при помощи этого метода переведено 6 % терминов: *graphene* — *графен*, *graphite* — *графит*, *fullerene* — *фуллерен*, *qubit* — *кубит*, *plasmonics* — *плазмоника*, *spintronics* — *спинтроника*. Этим способом также переводятся эпонимичные термины (содержащие имена собственные): *Auger electron* — *оже-электрон*, *Bosch etching* — *Бош-травление*, *Brunauer — Emmett — Teller Method* — *метод Брунауэра, Эммета и Теллера*, *de Broglie wavelength* — *длина волны де Бройля*, *Aharonov-Bohm effect* — *эффект Ааронова-Бома*.

Калькирование, представляющее собой передачу безэквивалентной лексики при помощи замены ее составных частей, использовано в 58 %

случаев: *nanoscale* — нанодиапазон, *nanotechnology* — нанотехнология, *nanomaterial* — наноматериал, *nano-object* — нанообъект, *nanostructure* — наноструктура. Примечательно, что в подавляющем большинстве случаев такие термины образованы при помощи приставки «нано-», что показывает принадлежность к соответствующей тематике. Также при помощи калькирования переводятся и терминологические словосочетания: *nanostructured material* — наноструктурированный материал, *quantum dot* — квантовая точка, *scanning tunnelling microscopy* — сканирующая туннельная микроскопия, *carbon nanotube* — углеродная нанотрубка, *cold pressing* — холодное прессование.

Описательный перевод, по сути, подразумевает раскрытие значения слова на языке оригинала при помощи определения на языке перевода. Такой метод использовался в 6 % случаев, когда по каким-либо причинам не представлялось возможным использовать другие методы перевода. Так: *electroless deposition* — осаждение методом химического восстановления, *two-phase methods* — синтез двухфазных наноконпозиционных материалов, *clay dispersion* — диспергирование глины в жидкой полимерной матрице, *hot wall tubular reaction* — термическое разложение в трубчатой печи.

Приближенный перевод или перевод при помощи аналога, заключающийся в подборе ближайшего по значению соответствия в языке перевода, использовался для перевода 13 % терминов. Так: *co-deposition* — соосаждение, *commution* — истирание, *freeze drying* — сублимационная сушка, *electrospinning* — электропрядение, *devitrification* — расстекловывание, *superlattice* — сверхрешетка, *nanosubassembly* — наноузел. Наличие аналогов может объясняться большим количеством в нанотехнологическом дискурсе упомянутых относительно-специфичных терминов, которые уже используются в разных отраслях науки.

17 % терминов переведено при помощи различных трансформаций, т. е. перестройки структуры терминологических словосочетаний, большое количество которых было подчеркнуто выше. Так: *nanomanufacturing* —

нанотехнологическое производство (добавление), *particle size distribution* — *распределение частиц по размерам* (перестановка), *solution precursor plasma spray* — *плазменное распыление жидкого вещества* (перестановка + опущение + добавление), *nanoparticle dispersion* — *диспергирование нанодисперсной системы* (перестановка + генерализация), *tape casting* — *литье керамической ленты* (перестановка + конкретизация).

Совмещение всех пяти методов в переводе одного термина не встречалось, однако два термина переведены с использованием четырех методов, за исключением описательного: *Faraday-cup aerosol electrometer* — *электрометр с цилиндром Фарадея*, *Fourier transform infrared spectroscopy* — *инфракрасная спектроскопия с преобразованием Фурье*. Одновременное использование трех и двух методов встречалось так же редко.

Результаты исследования в процентном соотношении представлены на рис 2.

Рис. 2. Методы перевода нанотехнологических терминов с английского на русский язык

Как мы видим, наиболее часто использовавшимся методом перевода терминов нанотехнологического дискурса является калькирование. Причем этот способ заметно преобладает над остальными по частотности, составляя

больше половины всех случаев. Это можно объяснить тем, что калькирование используется при создании новых слов или сочетаний, появление большого числа которых вызвано новизной нанотехнологической науки. Далее – различного рода трансформации, неизбежные при переводе словосочетаний, и приближенный перевод, обоснованный использованием терминологии из других отраслей науки. Замыкают список описательный перевод, к которому не прибегают так часто по той причине, что иначе текст будет громоздким, и транслитерация с транскрипцией, редкое использование которых должно объясняться тем, что «...передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы не раскрывает ее значения, и такого рода слова читателю, не знающему языка оригинала, без соответствующих пояснений остаются непонятными» [11, с. 99].

Полученные результаты так же отличаются от результатов прошлых исследований. Однако можно наблюдать, что в основном калькирование определяется как наиболее часто используемый метод перевода, а также результаты относительно частоты использования приближенного перевода остаются примерно одинаковыми. Это наглядно показано на рис. 3. Результаты настоящего исследования представлены в последних столбцах.

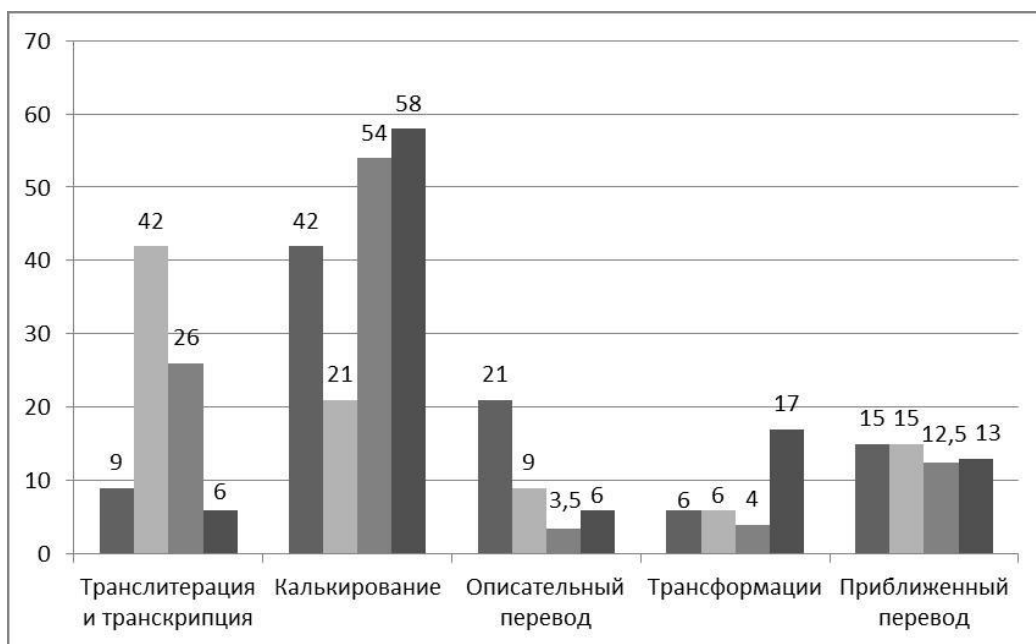

Рис. 3. Сравнение частоты использования методов перевода по результатам исследований, включая настоящее исследование

Таким образом, можно предположить, что в области нанотехнологий на сегодняшний момент нет устоявшейся терминологии на русском языке, из чего следует, что необходимы дальнейшие, более обширные, исследования в этой сфере, охватывающие большее количество источников и терминов.

Литература

1. ГОСТ ISO/TS 80004-1-2014. Нанотехнологии. Часть 1. Основные термины и определения. Введ. 2016–01–01. М.: Стандартинформ, 2015. 12 с.
2. ГОСТ ISO/TS 80004-2-2017. Нанотехнологии. Часть 2. Нанообъекты. Термины и определения. Взамен ГОСТ ISO/TS 27687–2014; введ. 2018–07–01. М.: Стандартинформ, 2018. 16 с.
3. ГОСТ ISO/TS 80004-3-2014. Нанотехнологии. Часть 3. Нанообъекты углеродные. Термины и определения. Введ. 2016–01–01. М.: Стандартинформ, 2015. 15 с.
4. ГОСТ ISO/TS 80004-4-2016. Нанотехнологии. Часть 4. Материалы наноструктурированные. Термины и определения. Введ. 2017–07–01. М.: Стандартинформ, 2016. 14 с.
5. ГОСТ ISO/TS 80004-5-2014. Нанотехнологии. Часть 5. Нано-/био-интерфейс. Термины и определения. Введ. 2016–01–01. М.: Стандартинформ, 2015. 8 с.
6. ГОСТ ISO/TS 80004-6-2016. Нанотехнологии. Часть 6. Характеристики нанообъектов и методы их определения. Термины и определения. Введ. 2017–07–01. М.: Стандартинформ, 2016. 36 с.
7. ГОСТ ISO/TS 80004-7-2014. Нанотехнологии. Часть 7. Нанотехнологии в медицине. Термины и определения. Введ. 2016–01–01. М.: Стандартинформ, 2015. 12 с.
8. ГОСТ ISO/TS 80004-8-2016. Нанотехнологии. Часть 8. Процессы нанотехнологического производства. Термины и определения. Введ. 2017–07–01. М.: Стандартинформ, 2016. 40 с.

9. ГОСТ ISO/TS 80004-11-2017. Нанотехнологии. Часть 11. Нанослой, нанопокрывание, нанопленка. Термины и определения. Введ. 2018–09–01. М.: Стандартиформ, 2018. 12 с.

10. ГОСТ ISO/TS 80004-12-2016. Нанотехнологии. Часть 12. Квантовые явления. Термины и определения. Введ. 2017–07–01. М.: Стандартиформ, 2016. 20 с.

11. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

12. *Конькова И. И.* Структура и узус терминов в научно-техническом дискурсе (сфера нанотехнологий и оптоволоконной техники) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (58). С. 110–114.

13. *Марилова А. Ю.* Особенности перевода терминов в сфере нанотехнологий с английского языка на русский // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск: ТПУ, 2015. С. 71–75.

14. *Попцова Е. Н.* Способы перевода английских терминов сферы нанотехнологий на русский язык // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-angliyskih-terminov-sfery-nanotehnologiy-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 28.02.2019).

15. *Раздубев А. В.* Дискурс сферы нанотехнологий как вид научного дискурса (на материале современного английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. № 37 (328). С. 52–55.

16. *Раздубев А. В.* Некоторые особенности перевода англоязычной терминологии сферы нанотехнологий на русский язык // Вестник БГУ, 2014. №2. С. 382–388.

17. *Титов Е.* Терминология в нанотехнологиях // Наноиндустрия. 2012. №7. С. 62–65.

18. Хохлявин С. Какими будут стандарты для наноэлектроники? // Наноиндустрия. 2011. №4. с. 50–54

References

1. (2015). GOST ISO/TS 80004-1-2014. *Nanotekhnologii. Chast' 1. Osnovnye terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 1. Core terms and definitions]. Vved. 2016–01–01. 12 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

2. (2018). GOST ISO/TS 80004-2-2017. *Nanotekhnologii. Chast' 2. Nanoob"ekty. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 2. Nano-objects. Terms and definitions]. Vzamen GOST ISO/TS 27687–2014; vved. 2018–07–01. 16 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

3. (2015). GOST ISO/TS 80004-3-2014. *Nanotekhnologii. Chast' 3. Nanoob"ekty uglerodnye. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 3. Carbon nano-objects. Terms and definitions]. Vved. 2016–01–01. 15 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

4. (2016). GOST ISO/TS 80004-4-2016. *Nanotekhnologii. Nanotekhnologii. Chast' 4. Materialy nanostrukturirovannye. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 4. Nanostructured materials. Terms and definitions]. Vved. 2017–07–01. 14 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

5. (2015). GOST ISO/TS 80004-5-2014. *Nanotekhnologii. Chast' 5. Nano-/bio-interfeis. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 5. Nano/bio interface. Terms and definitions]. Vved. 2016–01–01. 8 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

6. (2016). GOST ISO/TS 80004-6-2016. *Nanotekhnologii. Chast' 6. Kharakteristiki nanoob"ektov i metody ikh opredeleniia. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 6. Characteristics of nano-objects and methods for determination. Terms and definitions]. Vved. 2017–07–01. 36 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

7. (2015). GOST ISO/TS 80004-7-2014. *Nanotekhnologii. Chast' 7. Nanotekhnologii v meditsine. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 7.

Nanotechnologies for medicine. Terms and definitions]. Vved. 2016–01–01. 12 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

8. (2016). GOST ISO/TS 80004-8-2016. *Nanotekhnologii. Chast' 8. Protsessy nanotekhnologicheskogo proizvodstva. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 8. Nanomanufacturing processes. Terms and definitions]. Vved. 2017–07–01. 40 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

9. (2018). GOST ISO/TS 80004-11-2017. *Nanotekhnologii. Chast' 11. Nanosloi, nanopokrytie, nanoplenka. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 11. Nanolayer, nanocoating, nanofilm. Terms and definitions]. Vved. 2018–09–01. 12 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

10. (2016). GOST ISO/TS 80004-12-2016. *Nanotekhnologii. Chast' 12. Kvantovye iavleniia. Terminy i opredeleniia* [Nanotechnologies. Part 12. Quantum phenomena. Terms and definitions]. Vved. 2017–07–01. 20 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)

11. Barkhudarov, L. S. (1975). *Iazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and specific translation theories)]. 240 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

12. Khokhliavin, S. (2011) *Kakimi budut standarty dlia nanoelektroniki?* [What will be the standards for nanoelectronics?]. Pp. 50–54 // *Nanoindustriia*. №4. (In Russian)

13. Kon'kova, I. I. (2016). *Struktura i uzus terminov v nauchno-tekhnicheskom diskurse (sfera nanotekhnologii i optovolokonnoi tekhniki)* [The structure and the usage of terms in the scientific and technical discourse (the sphere of nanotechnologies and fiber-optic engineering)]. P. 110–114 // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 4 (58). (In Russian)

14. Marilova, A. Iu. (2015). *Osobennosti perevoda terminov v sfere nanotekhnologii s angliiskogo iazyka na russkii* [Peculiarities of translating nanotechnology terms from English into Russian]. Pp. 71–75 // *Kommunikativnye aspekty iazyka i kul'tury: sbornik materialov XV Mezhdunarodnoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Tomsk, TPU.
(In Russian)

15. Poptsova, E. N. (2017). *Sposoby perevoda angliiskikh terminov sfery nanotekhnologii na russkii iazyk* [Translation methods of english terms into russian in nanotechnology] // *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-angliyskih-terminov-sfery-nanotehnologiy-na-russkiy-yazyk> (accessed: 28.02.2019). (In Russian)

16. Razduev, A. V. (2014). *Nekotorye osobennosti perevoda angloiazychnoi terminologii sfery nanotekhnologii na russkii iazyk* [Some peculiarities of nanotechnology terminology translation from English into Russian]. Pp. 382–388 // *Vestnik BGU*. №2. (In Russian)

17. Razduev, A. V. (2013). *Diskurs sfery nanotekhnologii kak vid nauchnogo diskursa (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)* [Nanotechnology discourse as a type of scientific discourse (based on the material of the modern English language)]. Pp. 52–55 // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 37 (328). (In Russian)

18. Titov, E. (2012). *Terminologiya v nanotekhnologiiakh* [Terminology in nanotechnologies]. Pp. 62–65 // *Nanoindustriia*. №7. (In Russian)

Авторы публикации

Сакаева Лилия Радиковна –
Доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
E-mail: liliyasakaeva@rambler.ru

Хуснутдинов Карим Ринатович –
студент
Казанский федеральный университет
E-mail: karimchusnutdinov@gmail.com

Authors of the publication

Liliya Radikovna Sakaeva –
Doctor in Philological Sciences, Professor
Kazan Federal University
E-mail: liliyasakaeva@rambler.ru

Khusnutdinov Karim Rinatovich –
student
Kazan Federal University
E-mail: karimchusnutdinov@gmail.com

Поступила в редакцию 05.05.2019.
Принята к публикации 25.05.2019.

УДК 81'1

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И АДАПТАЦИИ
ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ «ЛОРЕЛЕЯ»).**

Л.Х. Сатарова, И.И Курмаева

satarova1973@mail.ru , airre@rambler.ru

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой работы обусловлена тем, что при рассмотрении перевода в контексте межкультурной коммуникации является одной из основных взаимоотношений языка и культуры. Развитие интеграционных процессов в современном мире формирует концепцию в таких предметах как межкультурная коммуникация, языкознание, лингвистика, культурология, психология и т.д. Цель статьи направлена на то, чтобы проанализировать перевод произведения, выявить трудности адаптации и межкультурной коммуникации в стихотворении Генриха Гейне «Лорелея». Методами проведенного исследования являются изучение произведения на занятиях немецкого языка, его перевод, а так же был рассмотрен сравнительный анализ данного стихотворения по исследуемой теме. Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость. В работе систематизируются и обобщаются материалы по проблемам перевода произведений, которые могут послужить базой для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: перевод, адаптация, межкультурная коммуникация, образование, иностранные языки.

Для цитирования: Сатарова Л.Х., Курмаева И.И. Проблемы межкультурной коммуникации и адаптации перевода (на примере переводов стихотворения Генриха Гейне «Лорелея»). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 67–77.

**PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AND
TRANSLATION ADAPTATION
(FROM THE EXAMPLE OF THE TRANSLATION OF THE POEM
BY HEINRICH HEINE "LORELEI")**

L.Kh. Satarova, I.I. Kurmaeva

satarova1973@mail.ru, airre@rambler.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The relevance of the problem under study is lies the fact that the theory of translation as an independent scientific discipline, alongside with translation practice, gradually forms a more global discipline - the theory of intercultural communication. The aim of the article is to analyze translations of works by German writers, identifying the difficulties of adaptation and intercultural communication on the example of translations of Heinrich Heine's poem "Lorelei". The methods of the research are the study, analysis and synthesis of recent advances on the subject under study. The results of the research have theoretical and practical significance. The work systematizes and summarizes materials on the problems of translation of literary works that can be served as a basis for further research.

Key words: translation, adaptation, intercultural communication, education, foreign languages.

For citation: Satarova L. Kh., Kurmaeva I.I. Problems of intercultural communication and translation adaptation (from the example of the translation of the poem by Heinrich Heine "Lorelei"). *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 67–77. (In Russ)

В данной статье мы рассмотрим произведение немецкого поэта Г.Гейне «Лорелея» процесс его перевода и результат создания на основе исходного текста на немецком языке и равный ему в коммуникативном отношении текста на русском языке. При переводе необходима коммуникативная равноценность, или эквивалентность.

Коммуникативная эквивалентность характеризуется тем, что при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, в отличие от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры [1, С.6]:

- При переводе текста необходимо в полном объеме передавать содержание оригинал текста, не допуская при этом искажения либо опущения информации
- При переводе текст должен соответствовать языковым нормам перевода, не нарушая его целостности для восприятия
- При переводе текста важно соблюдать стилистическое сходство, которое должно соответствовать оригиналу данного текста [1, С.6].

Очевидно, что в переводе необходимо находить те точки соприкосновения с текстом, который наиболее точно сможет передать всю информацию подлинника. Совсем другое дело обстоит с художественным переводом, который может отличаться от среды подлинника. Следуя утверждению Л.К.Латышева [2] и соглашаясь с ним, что передавать нужно все, что поддается вербальному выражению. При том, что труднопереводимые элементы могут совершенно трансформироваться, а те элементы которые невозможно перевести с языка оригинала на другой язык следует интерпретировать или же вовсе не переводить их, а лишь предать смысл. Так, Т.И. Ойзерман [3] отмечает, что «история человечества давно засвидетельствовала, что способность одного народа осваивать достижения другого – один из главных показателей жизнеспособности его культуры, очевидный индикатор прогресса. Именно на этом пути взаимодействия культур и складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем разнообразная. Мы согласимся с тем, что языковая культура, особенности этноса, который в своих произведениях раскрывает (показывает) жизненный путь своего народа в былинах, сказаниях и песнях, будет сложно, а порой и вовсе невозможно передать на другой язык. Следовательно, освоение одного и того же произведения в разных культурах имеет свою специфику, отличия и свою историю.

Из многовековой практики перевода мы знаем, что искусство слова, которое столь неразрывно связано с узами родного языка, практически невозможно «пересадить» из художественного произведения от взрастившей

его национальной языковой среды, на другую почву. Оно должно возродиться на другом языке заново силою таланта переводчика» [4].

Ранее мы уже писали о произведении которое будет переведено несколькими авторам, включая студентов. Поскольку разные переводы и видение авторов одного и того же произведения совершенно по-разному могут влиять на читателя, следует отметить, что возникающие при этом проблемы представляют собой проблемы коммуникации и, в частности, проблемы перехода с одного национально-культурного кода на другой. Хорошо известно, что даже при повседневном общении на одном языке воспринятое практически никогда не бывает равно сказанному. В применении же к разным языкам ситуация усугубляется еще и межкультурными различиями, в результате которых формально одинаковые высказывания могут восприниматься по-разному [5], при этом учитывая ряд факторов перевода художественного произведения, которые могут разделять авторский замысел (авторскую мысль) и читательское восприятие. К ним следует отнести многочисленные национально-культурные различия, которые могут быть закреплены как в языковых формах, так и в сложившихся системах ассоциаций. Кроме того, важно отметить и ритмическую организацию текста, если речь идет непосредственно о поэзии.

Р.Д. Льюис [6] считает, что изучая другие языки, особенно содержащие в себе иные представления, можно расширить свое видение мира и достичь более глубокого понимания природы вещей».

Следует также подчеркнуть, что художественное произведение может переводиться с целью знакомства читателя с особенностями жизни другого народа, а также с его историей, обычаями, традициями и национальным менталитетом. В этом случае, отмечает исследователь А.П. Садохин, переводчику приходится практически полностью отказываться от национально-культурной адаптации текста, и при этом максимально сохранять в тексте реалии, калькировать фразеологизмы, сопровождая при этом перевод обширным комментарием [7, с.180]. Такой перевод, отмечает исследователь,

выполняет страноведческую функцию, однако при этом он практически исключает воссоздание художественной образности оригинала.

Кроме того, перевод художественного текста может служить целью знакомства читателя с творчеством автора, произведения которого он не может прочесть в оригинале из-за возникшего языкового барьера. В этом случае, воссоздания требуют, прежде всего, художественные аспекты текста.

Таким образом, можно сказать, что в отличие от двух первых случаев, где переводчик преимущественно имел дело лишь с одной функцией текста, а именно функцией сообщения, здесь наряду с ней чрезвычайно важной оказывается функция воздействия. Именно в этом случае национально-культурная обусловленность текста выходит на первый план [7, с.180].

В рамках нашей статьи особое внимание было уделено проблемам межкультурной коммуникации, которая встречается в переводе поэтических текстов. Необходимо отметить, что непонимание и отторжение возникает именно при поэтическом (художественном) переводе, чему способствует ряд причин. Во-первых, важно знать, что в поэтическом тексте функция воздействия практически всегда важнее функции сообщения. Во-вторых, в поэтических произведениях многократно возрастает роль языковой формы. И, наконец, пользуясь выражением В. М. Россельса, в поэзии слово значительно больше «весит» [8, с. 450].

Мы можем утверждать, что в поэтическом (художественном) произведении каждое слово имеет несоизмеримую концентрацию смыслов и понятий, культурного и языкового значения. Мы согласимся с тем, что поэзия других народов и культур сложно поддается переводу, а поэтическим талантом определяются лишь те, которые смогли выразить языковую и этническую принадлежность данной культуры.

Другими словами, не имея возможности прочитать подлинник, читатель верит, что в переводе написано «то же самое», и вынужден по переводу судить об авторе. Даже в случае талантливого перевода образ поэта в переводе

получается несколько иным, чем в оригинале. Весь вопрос лишь в степени этого отличия.

Таким образом, можно подытожить, что в процессе перевода художественного текста у переводчика возникает множество трудностей и проблем передачи истинных смыслов, значений и внутритекстовых связей, которые первоначально заложил автор произведения.

Анализ переводов стихотворения Генриха Гейне «Лорелея». Чтобы лучше понять какие проблемы адаптации и межкультурной коммуникации возникали у переводчиков, мы обратились к переводам С.Я. Маршака, А.А. Блока и В.В. Левика.

Приведен анализ переводов стихотворений, где акцентировалось внимание на проблемах адаптации и межкультурной коммуникации.

В первую очередь, хотелось бы отметить особенности творческого пути немецкого поэта Генриха Гейне.

Согласно литературным источникам, Генрих Гейне считается великим немецким поэтом, который прошел трудный творческий путь. Что касается влияния творчества Генриха Гейне на отечественную литературу, можно отметить, что он был одним из любимых западноевропейских поэтов у российских писателей.

Выбранное для анализа стихотворение Генриха Гейне «*Ich weißt nicht, was soll es bedeuten...*» входит в цикл «Возвращение на родину» и русскому читателю известно под названием «Лорелея».

Для анализа перевода стихотворения Генриха Гейне были взяты три варианта перевода данного стихотворения, среди которых переводы С.Я. Маршака, А.А. Блока и В.В. Левика.

В данном стихотворении оригинала хотелось бы обратить внимание на первую строфу. Первая строка стихотворения начинается со слова «*ich*» («я»), во второй строке снова «*ich*». В четвертой строке «*mir*» («мне»). Таким образом, мы можем утверждать, что лирическим героем данного стихотворения

становится сам поэт, который в первой строфе излагает свои чувства и переживания:

«Ich weiß nicht, was soll es bedeuten
 Daß ich so traurig bin;
 Ein Märchen aus alten Zeiten,
 Das kommt mir nicht aus dem Sinn»

В данном случае мы рассмотрим перевод А.А. Блока. Можно отметить, что переводчик в первой строфе уходит от использования местоимения «я», чтобы сохранить рифму строфы. Однако во второй строке, так же как и автор оригинала, он использует в переводе местоимения «я», а в четвертой строке местоимение «мне».

*«Не знаю, что значит такое,
 Что скорбью я смущён;
 Давно не даёт покою
 Мне сказка старых времён»*

Анализируя данную строфу перевода А.А. Блока можно отметить, что переводчик старался максимально достичь ритмической близости к немецкому тексту оригинала. Кроме того, переводчик точно передал содержание первой строфы, а также чувства и переживания лирического героя.

Следует отметить, что перевод С.Я. Маршака также сохранил специфику ритма немецкого стихотворения. В первой строке переводчик, так же как и в оригинале, использует местоимение «я», только не в начале, а в середине предложения, с целью сохранить рифму стихотворения:

*«Не знаю, о чем я тоскую.
 Покоя душе моей нет.
 Забыть ни на миг не могу я
 Преданье далеких лет»*

На наш взгляд, С.Я. Маршак точнее отражает содержание перевода и состояние лирического героя, поскольку оно больше «тоскливое», нежели «скорбное», как у А.А. Блока. Для наилучшего сравнения рассмотрим третьей

перевод этой строфы у В.В. Левика. Следует отметить, что в переводе В.В. Левика в первой строфе местоимение «я» полностью отсутствует, однако несмотря на это, мы чувствуем присутствие лирического героя, а также ощущаем его душевное состояние:

*«Не знаю, что стало со мною,
Печалью душа смущена.
Мне все не дает покою
Старинная сказка одна»*

Как мы уже отметили, отсутствие личного местоимения «я» не противоречит содержанию стихотворения, поскольку автор избегает его, чтобы сохранить ритмическую организованность строфы.

Хотелось бы также обратить внимание на отдельные слова в данной строфе и их передачу непосредственно переводчиками. Например, слово «*Märchen*» в словаре изначально переводится как «сказка, небылица». В переводах А.А. Блока и В.В. Левика мы видим «старинную сказку» и «сказку далеких лет». С.Я. Маршак же использует слово «предание», которое, на наш взгляд, звучит более поэтично в стихотворение. Тем самым, С.Я. Маршак немного отходит от оригинала, с целью достижения более поэтичного образа, адаптируя его под русского читателя.

В заключении хотелось бы отметить, что каждый вариант перевода немецкого стихотворения уникален по-своему. В некоторых случаях переводчики отходят от текста оригинала, чтобы адаптировать его под русскоговорящего читателя и сохранить ритмическую образность стиха. В теоретической части нашего исследования были рассмотрены проблемы межкультурной коммуникации и адаптации в рамках художественного текста. Проанализировав теоретическую литературу, мы выяснили, что передача межкультурной коммуникации играет важную роль в процессе перевода художественного текста и является достаточно сложной проблемой на сегодняшний день.

В рамках нашего исследования также тщательно была изучена проблема адаптации в процессе перевода художественного текста. Следует отметить, что прием адаптации используется в процессе перевода труднопереводимых фраз в тексте оригинала, которые могут вызвать трудность у переводчиков ввиду национальной специфичности этих слов, а также непривычности для носителей другой культуры. В итоге, можно отметить, что необходимость использования приема адаптации зачастую используется при возможных прагматических несоответствиях в различных культурах.

Практическая часть нашего исследования была посвящена анализу нескольких переводов стихотворения немецкого поэта Генриха Гейна «Лорелея». Важно отметить тот факт, что на сегодняшний день существует более 30 вариантов перевода, однако в рамках нашего исследования были рассмотрены варианты перевода С.Я. Маршака, А.А. Блока и В.В. Левика. Стоит отметить, что интерес к данному произведению не угасает и на сегодняшний день, что обуславливает выбор именно этого стихотворения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов А. Ф.* Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. М.: Высш.шк. 1991. С.6.
2. *Латышев Л. К.* Курс перевода. Эквивалентность и способы её достижения. М.: Международные отношения, 1981. 198 с.
3. *Ойзерман Т. И.* Существуют ли универсалии в сфере культуры?/ Т.И. Ойзерман//Вопросы философии. 1989. №2. С.54.
4. *Тонер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие. 2001. 253с.
5. *Ушаков Н. Н.* Состязание в поэзии. К.: Дніпро, 1969. 247 с.
6. *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию/Р.Д. Льюис. М.: Дело, 1999.
7. *Садохин А. П.* Межкультурная коммуникация / А.П. Садохин: учеб. пособие. М.: Альфа, 2004. 288 с.

8. *Rossels V. M.* Дореволюционная проза Грина//Грин А.С. Собр. соч. в 6 т.- М., 1965. Т.1. С.445–453

9. *Левик В.* О точности и верности // Мастерство перевода, сб. ст. М.: Советский писатель, 1999. 5-ое изд. 269 с.

10. *Berger K.* Das grosse Balladenbuch/ K.Berger. Berlin, 1965.

References

1. Arkhipov, A. F. (1991). *Samouchitel perevoda s nemetchskogo na russkii* [A handbook on translation from German into Russian]. / A.F. Arkhipov. M.: Vyssh.shk .S.6. (In Russian)

2. Latyshev, L. K. (1981). *Kurs perevoda* [Translation course. Equivalence and ways to achieve it]. / L. K Latyshev. M .: Mezhdunarodnye otnosheniya. 198 p. (In Russian)

3. Oizerman, T. I. (1989). *Suschestvuyut li universalii v sphere kulturi?* [Are there universals in culture?] / T. I. Oizerman // Voprosy filosofii. №2. S.54. (In Russian)

4.Toper, P. M. (2001). *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation in the system of comparative literature]. M.: Nasledie. 253 p. (In Russian)

5. Ushakov, N. N. (1969). *Sostyazanie v poesii* [Competition in Poetry]. K.: Dnipro. 247 p. (In Russian)

6. Lewis, R. D. (1999). *Delovie kulturi v mezhdunarodnom biznese: ot stolknovenia k vzaimoponimaniyu* [Business cultures in international business: from collision to mutual understanding] / R. D. Lewis. M.: Delo. (In Russian)

7. Sadokhin, A. P. (2004). *Mezhkulturnaya kommunikatchia* [Intercultural communication] / A. P. Sadokhin: Uchebnoe posobie. M.: Alpha. 288 p. (In Russian)

8. Rossels, V. M. (1965). *Dorevolyutchionnaya proza Grina* [Green's pre-revolutionary prose] // Green A. C. Collected cit. in 6 t. M. T.1. Pp.445–453 (In Russian)

9. Levik, V. (1999). *O tochnosti i vernosti* [On Accuracy and Fidelity] // Translation Mastery, Sat. Art. M.: Soviet writer. 5th ed. – 269 s. (In Russian)
10. Berger, K. (1965). *Das grosse Balladenbuch*/ K. Berger. Berlin. (In German)

Авторы публикации

Сатарова Лейла Хайдаровна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
E-mail: satarova1973@mail.ru

Курмаева Ирина Ильдаровна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
E-mail: airre@rambler.ru

Authors of the publication

Satarova Lejla Hajdarovna –
Candidate of Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
E-mail: satarova1973@mail.ru

Kurmaeva Irina Ildarovna –
Candidate of Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
E-mail: airre@rambler.ru

**Поступила в редакцию 10.05.2019.
Принята к публикации 29.05.2019.**

УДК 821

**КИТАЙСКИЕ СЛОВАРИ ПАЛЛАДИЯ (КАФАРОВА) И Ф. БАЛЛЕРА:
СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ**

С.А. Силакова, Е.А. Филипенко

silakova.sa@mail.ru, filipenkolisa@mail.ru

**Казанский (Приволжский) федеральный университет
Санкт-Петербургский государственный университет**

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор и сравнение двухтомного китайско-русского словаря члена Пекинской духовной Миссии архимандрита Палладия (Кафарова) и китайско-английского словаря представителя Британской протестантской Миссии Фредерика Уильяма Баллера. Данные словари являются образцами работ представителей христианских миссий (православной и протестантской), служивших в Китае

и изучавших китайский язык. Актуальность исследования определяется тем, что для сравнения были взяты ранее не рассматривавшиеся вместе словари, изданные разными духовными миссиями приблизительно в один период. Данное исследование проведено с целью выявить основные черты сходства и различия в подходах миссионеров к комплектованию словарей и изучению китайского языка. Для достижения поставленных в статье целей были использованы метод контент-анализа, метод внешнего и внутреннего анализа источников. На основе результатов исследования были сделаны следующие выводы. Миссионерские словари, составленные в конце XIX – начале XX века, имеют сходные и различные черты, что указывает на разницу научных подходов миссионеров-представителей различных христианских миссии, существовавших в Китае в указанный временной период. Несмотря на различия, оба словаря послужили основой для дальнейшего изучения китайского языка в разных странах, что подчеркивает их научную значимость для мировой синологии. Полученные в результате проведения исследования результаты представляют научную значимость для изучения опыта составления китайских словарей в России и за рубежом.

Ключевые слова: словари, китайский язык, русский язык, английский язык, Пекинская духовная Миссия, Британская протестантская Миссия.

Для цитирования: Силакова С.А., Филипенко Е.А. Китайские словари Палладия (Кафарова) и Ф. Баллера: сходство и различие. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 77–90.

CHINESE DICTIONARIES OF PALLADIUS (KAFAROV) AND F. W. BALLER: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

S.A. Silakova, E.A. Filipenko

silakova.sa@mail.ru, filipenkolisa@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. This article presents a review and comparison of the two-volume Chinese-Russian dictionary of a member of the Beijing Spiritual Mission, Archimandrite Palladius (Kafarov) and the Chinese-English dictionary of the representative of the British Protestant Mission Frederick William Baller. These dictionaries are examples of the work of representatives of Christian missions (Orthodox and Protestant) who served in China and studied Chinese. The relevance of the study is determined by the fact that dictionaries that were previously not considered together, published by different spiritual missions in approximately one period, were taken for comparison. This study was conducted to identify the main features of the similarities and differences in the approaches of missionaries to compiling dictionaries and learning Chinese. To achieve the goals set in the article, the method of content analysis, the method of external and internal analysis of sources were used. Based on the results of the study, the following conclusions were made. The missionary dictionaries compiled at the end of the 19th and the beginning of the 20th

centuries have similar and different features, which indicates the difference in the scientific approaches of the missionaries who represent the different Christian missions that existed in China during the specified time period. Despite the differences, both dictionaries served as the basis for the further study of the Chinese language in different countries, which underlines their scientific significance for world sinology. The results obtained as a result of the study are of scientific importance for studying the experience of compiling Chinese dictionaries in Russia and abroad.

Key words: dictionaries, Chinese, Russian, English, Beijing Spiritual Mission, British Protestant Mission.

For citation: Silakova S.A., Filipenko E.A. Chinese dictionaries of Palladius (Kafarov) and F. W. Baller: similarities and differences. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 77–90. (In Russ)

Различные христианские миссии появились в Китае в разное время. Существует предание, что первые христиане-несториане появились в Китае после паломничества апостола Фомы в I в. н.э. [7, с. 12-13]. Однако эти данные не подтверждены, таким образом исследователи, основываясь на исторических источниках, относят время знакомства китайцев с христианством лишь ко времени правления династии Тан (618-907гг.).

История появления Русской православной Миссии в Пекине взяла своё начало с захвата Албазинского острога в 1685 году, когда после поражения казаков в Пекин была отправлена часть пленных с семьями. В 1711 году в Пекин впервые была отправлена Русская Миссия под предводительством архимандрита Иллариона (Лежайского) (1712-17280). В дальнейшем пребывание Миссии в пекинском Бэй-гуане¹ была регламентирована 5й статьей Кяхтинского трактата 1727 года [6].

Фактически, одной из главных целей миссионеров стало освоение китайского, маньчжурского и монгольского языков, что в дальнейшем бы поспособствовало как изучению научного и культурного наследия Китая, так и улучшению торговых и дипломатических отношений между двумя соседними государствами.

Успехи миссионеров и учеников при Миссии не заставили себя ждать. Одним из первых переводчиков китайского и маньчжурского языков, пользующихся уважением у маньчжурского правительства, стал ученик П

¹ Бэй-гуань – русское подворье в Пекине, где до начала XX века проживали потомки пленных албазинцев и располагалась Пекинская духовная Миссия.

миссии архимандрита Антония (Платковского) (1729-1735) Илларион Калинович Россохин. Вероятно, он и стал создателем первого русско-китайского словаря. Однако словарь, как и многие его работы, не был издан, что, вероятно, объяснялось конфликтом интересов Россохина и иностранных ученых, имевших большинство в Академии наук. Помимо этого в России вплоть до середины XVIII века была проблема отсутствием необходимых для печати иероглифов станков [10, с. 47-50]. В дальнейшем опыт составления словарей и разговорников китайского языка был повторен А.Н. Парышевым, А. Г. Владыкиным, архимандритом Петром (Каменским), С. В. Липовцовым и другими [1, с. 539]. К сожалению, все эти словари так и остались в рукописях, не были изданы.

Одним из немногих изданных китайско-русских словарей Русской миссии, дошедших до наших дней, стал двухтомный «Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной Миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым», изданный в 1888-1889 гг. Один из экземпляров данного словаря хранится в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга.

Как указано в названии, авторами словаря стали участник XII миссии (1840-1849), начальник XIII (1850-1858 гг.) и XV (1865-1878 гг.) миссий архимандрит Палладий (Кафаров) и студент XV миссии Павел Степанович Попов, ставший в дальнейшем старшим драгоманом² императорской дипломатической миссии в Пекине.

В 1871 году, вернувшись из экспедиции в Южно-Уссурийский край, архимандрит Палладий следующие 8 лет занимался составлением русско-китайского словаря. Однако к моменту его смерти в 1878 году словарь был написан лишь наполовину, однако, по словам П. С. Попова, архимандрит Палладий сумел составить поистине впечатляющий словарь важнейших

---

² Драгоман – должность, совмещающая функции официального переводчика и посредника между официальными властями и дипломатическими и торговыми миссиями других стран.

терминов по конфуцианству, буддизму и даосизму. Эта работа превзошла все имевшиеся на то время труды по количеству и полноте определений терминов, касавшихся трех учений Китая. Сам архимандрит называл свою работу «лебединою песней и выразителем воззрений по Китаю во всех его проявлениях» [3, с. 4].

Такая работа не могла быть недописанной и пропавшей в рукописях. После смерти о. Палладия Павел Степанович Попов взял на себя работу по окончанию словаря и, потратив на его написание около 6 лет, издал его в двух томах в 1888 году в Пекине. За свою работу Попов получил звание члена-корреспондента Академии наук [11, с. 138-139].

Китайско-русский словарь, включивший в себя 11868 основных слов, был основан на китайских словарях Канси («Канси цзыдянь»), Чэнь Ихоу («Словарь рифм и фраз»), словаре «Ши-юнь инь-и чжу» («Объяснение значения и произношения рифм»), а также на работе «Графическая система китайских иероглифов» профессора В. П. Васильева, иностранных словарях «Syllabic Dictionary of the Chinese language» Уильямса и «Diccionario China-Portuguez» Гонсалвеша. По поводу перевода и трактовки ботанических терминов архимандрит Палладий и П. С. Попов часто консультировались у медика при российском посольстве Э. В. Бретшнейдера [3, с. 6].

Структура словаря разделяет текст сначала на китайском, а затем на русском языке. Слова в данном словаре распределены фонетическому принципу. При этом архимандрит Палладий использует систему записи китайских слов, созданную архимандритом Иакинфом (Бичуриным), но доработанную им самим. Данная транскрипционная система, с небольшими изменениями, связанными с изменением орфографии после 1917 года, дошла до наших дней и используется до сих пор [5, с. 96-100]. Однако одним из основных недостатков системы Палладия является отсутствие тоновых обозначений в транскрипции.

К каждому основному (гнездовому) иероглифу с транскрипцией, переводом и объяснением (при необходимости) в словаре приведены примеры

в многосоставных словах, причем в качестве примеров авторами выбраны слова из широкого тематического диапазона: есть термины, касающиеся ботаники (瓜瓜 – ‘тыквенные овощи’; 瓠瓜 хугуа – ‘горлянка’ (lagenaria), культуры Китая (女媧 нюйгуа³ – ‘баснословная дева древности, странное создание китайской фантазии; имела вид человека с головою змеи; в день изменялась 70 раз’) и другие области знаний, что подчеркивает объем и многосторонность труда китаистов.

В словаре, как указывалось ранее присутствуют примеры буддийских, даосских и конфуцианских терминов:

«阿羅漢 Алохань – архат, т.е. достопочтимый; у буддистов титул Будды.

В христианском памятнике IX века этими же знаками выражено библейское Эло-а – Бог» [3, С. 9].

«仁 Жэнь – человеколюбие; по древнему начертанию: равномерно любовь ко всему; по древнейшему же: тысяча сердец. Считается главной добродетелью по отношению высших к низшим» [Там же, с. 127].

«無 У – нет, не быть, без. У даосов: источник бытия. У буддистов: 4 понятия: 1) то, чего еще нет; 2) что было и уже нет; 3) чего нет в другом; 4) небытие абсолютное, чего нельзя допустить» [4, с. 382].

В словаре присутствует поиск иероглифа по ключам. Во второй том включены страницы со списком всех 214 ключевых знаков с указанием количества черт в них и вариантами прочтения [4, с. 665]. Помимо этого есть «Указатель к отысканию трудных знаков», представляющий собой таблицу, построенную по принципу «иероглиф-цифра-цифра», где первая цифра – номер основного ключа в ключевом указателе, а вторая – число черт в искомом иероглифе [Там же, с. 666].

В качестве недостатков «Китайско-русского словаря» исследователи выделяют отсутствие указания источников, откуда были взяты те или иные термины, а также отсутствие примеров использования слов [9, с. 190].

³ Очевидно, имеется в виду ‘нюйва’

Несмотря на то что словарь бы написан в конце XIX века, он по-прежнему актуален в первую очередь для исследователей трех китайских учений (конфуцианства, буддизма и даосизма), так как в нем максимально точно даны определения большинству религиозных понятий.

Протестантизм пришел в Китай позже католицизма и православия. Вначале в XVII веке голландцы, укрепившись на Тайване, обратили в христианство более двух тысяч местных жителей. Однако их деятельность не смогла развиваться дальше, и поэтому традиционной точкой отсчета деятельности протестантских миссионеров в Китае считается 1807 год, когда в Китай прибыл посланник Лондонского миссионерского общества Роберт Моррисон. Будучи выпускником миссионерской школы, Моррисон принял духовный сан и был отправлен в Китай на должность переводчика Ост-Индийской компании. Помимо переводческой деятельности он занимался наукой, изучением китайского языка и культуры. Роберт Моррисон также «Словарь китайского языка в трех частях» [14, с. 1815-1823]. При этом он практически не вел работы по христианизации китайского населения, за время в жизни в Китае обратив в христианство лишь 10 человек, однако отмечал, что все они были истинно верующими, а не так называемыми «рисовыми христианами», т.е. теми, кто принял новую веру получив от этого ту или иную выгоду, чаще всего имущественную [7, с. 248-249].

Длительный запрет цинского правительства на проведение христианской проповеди в Китае после «споров о ритуале» отразился на характере деятельности Протестантской миссии [8, с. 167-168]. Большое внимание миссионерами уделялось именно научной работе и изучению языков. Не менее важной задачей Миссия считала переводческую деятельность и создание комплекса духовной протестантской литературы на китайском языке.

В 1873 году во Внутрикитайскую миссию (China Inland Mission) в Нанкин прибыл выпускник лондонского Миссионерского института Фредерик Уильям Баллер. Изучив в достаточной мере китайский язык, Баллер отправился в представительство Миссии в провинциях Аньхой и Цзянсу, заняв должность

суперинтенданта⁴ Миссии. Спустя несколько лет Баллер стал руководителем нового учебного заведения для подготовки миссионеров [13]. В то же время он начал обширную научную и переводческую работу. Из-под его пера вышли переводы Библии и библейских сюжетов на китайском языке, несколько монографий, посвященных изучению китайского языка, а также «Аналитический китайско-английский словарь», вышедший в 1900 году в Шанхае [12].

Как указывает сам автор, «An analytical Chinese-English dictionary: compiled for the China Inland Mission» был создан как удобный в использовании и недорогой словарь, материала которого должно было быть достаточно для того, чтобы пользователь мог с его помощью читать публицистические тексты.

Подбор материалов для словаря был осуществлен после тщательного анализа классических китайских книг, Четверокнижия⁵ с комментариями и других китайских классических книг, а также Старого и Нового Завета и сочинений Лютера. В результате включения в работу новых источников классические 6000 иероглифов, которые по мнению Джайлза достаточны для работы ученого, были дополнены еще 6 сотнями иероглифов. В общей сложности количество слов в словаре составило 6089 слов, а если считать разнописания иероглифов, то 7264 слова. В связи с этим Баллер писал о том, что его словарь является «достаточным запасом для любого ученого» (“an ample stock-in-trade for any scholar”) [12, 3].

Данный словарь не был абсолютно новой и уникальной работой. Большинство терминов были снабжены примерами, взятыми из словарей Моррисона, Уильямса, Джайлза и других миссионеров-синологов, а также вышеупомянутых источников.

При изучении труда Баллера виден подход, отличный от того, что использовался архимандритом Палладием. В отличие от использования большого количества тем (философия, религия, биология и ботаника и др.)

---

⁴ Суперинтендант – человек, заведовавший той или иной духовной областью или округом.

⁵ Четверокнижие (сы шу) – свод основных конфуцианских текстов.

в словаре Палладия-Попова, Баллер руководствуется необходимостью не загромождать свой словарь терминами, относящимися к узким областям той или иной науки: для названий птиц, животных, растений, технических терминов и диалектизмов он предлагает создать отдельные словари.

В словарь включено дополнение, включающее в себя термины, используемые в Четверокнижии и комментарии к нему. Это было сделано для начинающих изучать китайский язык студентов, которым, возможно, были не по карману переводы британского сиолога Джеймса Легга. Многим терминам даны дополнительные пояснения.

Нумерация иероглифов последовательная, что помогает изучать иероглифы с помощью перекрестных ссылок, т.е. действует привычный современному исследователю поиск иероглифа по ключам, что по мнению автора, позволяет обучающему проанализировать и запомнить составные части каждого иероглифа и подготовиться к анализу строения китайского предложения при прочтении. Однако при этом Баллер отмечает, что объем его труда и предполагаемый уровень владения языком пользователей не предполагает включения в словарь этимологии слов; происхождение того или иного иероглифа указано довольно редко.

Структура словаря, также как и в словаре Палладия, разделяет текст на китайском, затем на русском языке, слова распределены фонетическому принципу. Китайские слова транскрибированы с помощью его собственной системы транскрибирования («транскрипция Баллера»). Система была похожа на известную систему Уэйда-Джайлза, однако её особенностью являлось то, что некоторые гласные китайского фонетического алфавита при написании в этой системе менялись на другие, особенно при соединении с определенными согласными. Так, финаль «е»⁶ преобразовывалась в «о» или «oh» после «g», «k»; в остальных же случаях записывалась как «e» «eh». После инициалей «zh», «ch», «sh», «r» гласная «i» записывалась как «ih»; в случае присоединения к «z», «c», «s» транскрибировалась как «i». Финаль «o» ставилась лишь после

⁶ Здесь и далее «в китайском фонетическом алфавите».

инициалей «j», «q», в остальных же случаях использовалась «iung». Гласная «o» зачастую транскрибировалась «eh» в сочетаниях с «p», «b» и «m». После «g», «k», «h» «ui» преобразовывалась в «uei», а передача «uo» осуществлялась через «uo» / «uoh» в сочетании с «g», «k», h«» и через «o» / «oh» в остальных случаях [5, с. 145]. Данная система не была использована в последующем в других словарях во избежание путаницы в транскрибировании, так как в ней присутствовало слишком большое количество всевозможных исключений из общих правил. Как и многие другие транскрипционные системы (например, система Моррисона, Уильямса, Матира) были в дальнейшем полностью заменены на транскрипционную систему Уэйда-Джайлза.

Большинство примеров к иероглифам построено по принципу использования искомого слова в самом начале, предполагалось, что это должно облегчать поиск и экономить время исследователя.

Особенно Баллер отмечает, что в своей работе он использовал лишь слова, которые используются в так называемом стандартизированном китайском языке (‘гуаньхуа’), на котором, по его утверждению, говорили более 2/3 населения Китая. Однако при этом произношение иероглифов было заимствовано из западных провинций [12, с. 4]. Тона обозначены цифрами, стоящими справа от иероглифов.

Оба рассмотренных выше словаря довольно удобны в использовании, однако имеют определенные недостатки. В обоих случаях главным образом это касается несовершенства транскрипционных систем.

Словарь Баллера отличается от словаря архимандрита Палладия, так как авторы при составлении словарей преследовали разные цели. Словарь Палладия является скорее академическим трудом для ученых-синологов, своеобразной энциклопедией различных областей культуры, истории, философии, религии, биологии, географии, литературы Китая. Баллер же рассчитывал на применение своего словаря в образовательных целях и на практике для студентов, преподавателей и священников, о чем свидетельствуют не только комментарии самого синолога, но и приложения,

включающие в себя информацию о 214 ключах китайского языка, основных слов, используемых в Четверокнижии, таблицы династий и правителей (с указанием девиза правления) Китая, зодиакальной таблицы и других [12, с. 549-637]. В то же время, труд Баллера практически не загроможден редко используемыми словами, задействованная лексика имеет скорее практическое и повседневное применение.

Литература

1. *Дацышен В. Г.* Русские китаеведы XVIII – начало XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий биобиблиографический справочник) // Архив российской китаистики. Т. 1. М.: Наука, 2013, С. 532–550.
2. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. В 2 т. Пекин, 1888.
3. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. Т. 1. Пекин, 1888, 628 с.
4. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. Т. 2. Пекин, 1888, 668 с.
5. *Концевич Л. Р.* Китайские имена собственные и термины в русском тексте / Л. Р. Концевич. М: Муравей, 2002, 263 с.
6. Кяхтинский трактат, 21 октября 1727 года, статья 5. // URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/652kjakhtinskij-trakt-.htm (Дата обращения: 31.01.2019)
7. *Ломанов А. В.* Христианство и христианская культура / А.В. Ломанов. М, 2002, 446 с.
8. *Романенко Т. В.* Особенности миссионерской деятельности протестантов в Китае. // Гуманитарный вектор, Т. 11, № 2, 2016. С. 167–171

9. Семенов А. Л. П. И. Кафаров как лексикограф // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Ч. 1. М., 1979. С. 186–192.

10. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. / П. Е. Скачков. М., 1977. 503 с.

11. Хохлов А. Н. Китаист П. С. Попов и его первая лекция в Петербургском университете // Общество и государство в Китае. М., 2000. С. 136–149.

12. Baller F.W. An analytical Chinese-English dictionary: compiled for the China Inland Mission. / F.W. Baller. Shanghai, 1900, 662 p.

13. Broomhall M. The jubilee story of the China Inland Mission. / M. Broomhall. London, 1915, 450 p.

14. Morrison R. A dictionary of the Chinese language. 3 v. / R. Morrison. Macao. Pp. 1815–1823.

References

1. Baller, F. W. (1900). An analytical Chinese-English dictionary: compiled for the China Inland Mission. Shanghai. 662 p. (in English)

2. Broomhall, M. (1915) The jubilee story of the China Inland Mission. London. 450 p. (In English)

3. Dacyshen, V. G. (2013). *Russkie kitaevedy XVIII – nachala XIX vv.: преподаватели и составители словарей (kratkij biobibliograficheskiy spravochnik)* [Russian Sinologists of the 18th - early 20th centuries: teachers and compilers of dictionaries (brief bio-bibliographic reference book)]. Pp. 532 – 550. Moscow, Arhiv rossijskoj kitaistiki. V. 1. (in Russian)

4. Hohlov, A. N. (2000). *Kitaist P. S. Popov i ego pervaya lekciya v Peterburgskom universitete* [Sinologist P. S. Popov and his first lecture at St. Petersburg University]. Moscow, Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. Pp. 136-149. (in Russian)

5. *Kitajsko-russkij slovar', sostavlennyj byvshim nachal'nikom Pekinskoj duhovnoj missii arhimandritom Palladiem i starshim dragomanom diplomaticheskoy*

missii v Pekine P.S. Popovym [The Chinese-Russian dictionary compiled by the former head of the Beijing spiritual mission, Archimandrite Palladius, and the senior dragoman of the diplomatic mission in Beijing, P. S. Popov.] In 2 v. (1888) Beijing. (in Russian and in Chinese)

6. *Kitajsko-russkij slovar', sostavlennyj byvshim nachal'nikom pekinskoj duhovnoj missii arhimandritom Palladiem i starshim dragomanom diplomaticheskoy missii v Pekine P.S. Popovym* [The Chinese-Russian dictionary compiled by the former head of the Beijing spiritual mission, Archimandrite Palladius, and the senior dragoman of the diplomatic mission in Beijing, P. S. Popov.] V. 1. (1888) 628 p. Beijing. (in Russian and in Chinese)

7. *Kitajsko-russkij slovar', sostavlennyj byvshim nachal'nikom pekinskoj duhovnoj missii arhimandritom Palladiem i starshim dragomanom diplomaticheskoy missii v Pekine P. S. Popovym* [The Chinese-Russian dictionary compiled by the former head of the Beijing spiritual mission, Archimandrite Palladius, and the senior dragoman of the diplomatic mission in Beijing, P. S. Popov.] V. 2. (1888) 668 p. Beijing. (in Russian and in Chinese)

8. Koncevich, L. R. (2002). *Kitajskie imena sobstvennyye i terminy v russkom tekste* [Chinese proper names and terms in the Russian text]. Moscow, Muravej. 263 p. (in Russian)

9. *Kyahtinskij traktat, 21 oktyabrya 1727 goda, stat'ya 5.* [Kyakhta treatise, October 21, 1727, article 5.] // URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/istor.pom.-/10kitajskaja--/652kjakhtinskij-trakt-.htm (Accessed: 31.01.2019)

10. Lomanov, A. V. (2002). *Hristianstvo i hristianskaya kul'tura* [Christianity and Christian culture]. Moscow. 446 p. (in Russian)

11. Morrison, R. (1815-1823). A dictionary of the Chinese language. 3 v. Macao. (in English)

12. Romanenko, T. V. (2016). Osobennosti missionerskoj deyatel'nosti protestantov v Kitae. [Peculiarities of the Protestant missionaries in China]. Pp. 167-171. T. 11, № 2 Gumanitarnyj vector. (in Russian)

13. Semenas, A. L. (1979) P. I. Kafarov kak leksikograf [P. I. Kafarov as a lexicographer]. Pp. 186-192. Moscow, P. I. Kafarov i ego vklad v otechestvennoe vostokovedenie № 1. (in Russian)

14. Skachkov, P. E. (1977) Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya [Essays on the history of Russian Sinology]. 503 p. Moscow, Nauka. (in Russian)

Авторы публикации

Силакова Софья Андреевна –
Ассистент кафедры алтаистики и
китаеведения,
Казанский федеральный университет
E-mail: silakova.sa@mail.ru

Authors of the publication

Silakova Sofiya Andreevna –
Assistant of Department of Altaic and Chinese
studies
Kazan Federal University
E-mail: silakova.sa@mail.ru

Филипенко Елизавета Алексеевна –
магистр филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный
университет
E-mail: filipenkolisa@mail.ru

Filipenko Elizaveta Alekseevna –
master of Philology
St. Petersburg State University
E-mail: filipenkolisa@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2019.
Принята к публикации. 22.05.2019.

УДК 821.111

**КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ КАК ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-
ФАНТАСМАГОРИИ ЭНТОНИ БЕРДЖЕССА «ДОКТОР БОЛЕН»)**

С.С. Тахтарова, Д.В. Павлов

zpavlova@list.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие коммуникативного портрета и его роли как индикатора социального положения героя. Выявляются устойчивые и самостоятельные связи между речью и образом поведения литературных героев
Казанский лингвистический журнал, 2019, том 2, № 2

в социальной структуре общества, что приводит к лучшему пониманию содержания текста. Проводится анализ речевого портрета главного героя романа „Доктор болен“, Эдвина Прибоя, при этом внимание акцентируется на коммуникативном поведении личности, которое соотносится с его языковой картиной мира. Отмечается, что такой метод предопределяет семантическое строение текста, его логическую и композиционную организацию, коммуникативную направленность. Особое внимание обращается на стремление автора показать противостояние двух «параллельных миров», которое влечет за собой выявление читателем закодированной в художественном тексте информации, что в свою очередь представляется исключительно важным аспектом понимания сюжета книги.

Ключевые слова: коммуникативный портрет, языковая картина мира, литературный герой, речевой портрет, коммуникативное поведение.

Для цитирования: Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Коммуникативный портрет как главное средство создания образа героя (на материале романа-фантастической Энтони Берджесса «Доктор болен»). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 90–97.

COMMUNICATIVE PORTRAIT AS THE MAIN MEANS OF CREATING THE CHARACTER IMAGE (BASED ON NOVEL BY ANTHONY BURGESS “DOCTOR IS SICK”)

S.S. Takhtarova, D.V. Pavlov

SSTahtarova@kpfu.ru , zpavlova@list.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This article discusses the concept of a communicative portrait and its role as a criterion of the social status of the character. Sustained and independent links between speech and the behavior of literary character in the social structure of society are revealed, and it leads to a better understanding of the content of the text. An analysis of the speech portrait of the protagonist of the novel “Doctor is Sick“, Edwin Priboy, is being carried out, while the attention is focused on the communications behavior of the person and his linguistic view of the world. It is noted that such a method predetermines the semantic structure of the text, its logical and compositional organization and communicative orientation. Particular attention is drawn to the author's desire to show the confrontation between the two "parallel worlds", which entails the reader identifying information encoded in the literary text. It is an extremely important aspect of understanding the plot of the book.

Key words: communicative portrait, linguistic view of the world, literary character, speech portrait, communications behavior.

For citation: Takhtarova S.S., Pavlov D.V. Communicative portrait as the main means of creating the character image (based on novel by Anthony Burgess “Doctor is sick”). *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 90–97. (In Russ)

На сегодняшний день в лингвистике наблюдается повышенное внимание к изучению коммуникативного процесса. Активно развивающийся в языкознании антропоцентрический подход ставит во главу угла исследований не изучение системы языка, его устройства, а самого человека, который использует язык для успешной коммуникации в повседневной жизни, кристаллизирующийся в дальнейшем в речевой портрет говорящего субъекта. В работах О. С. Иссерс при рассмотрении понятия «речевой портрет» акцентируется внимание на коммуникативном поведении личности («коммуникативный портрет»), поскольку, по ее мнению, само понятие «коммуникативный портрет» связано с анализом характеристики речевого поведения личности [2, с. 63-75].

Анализ данной проблемы активно развивается в рамках психологии, этнолингвистики, социолингвистики и психолингвистики. Обмен практических и теоретических знаний между этими направлениями способствует развитию наук в целом, расширению сферы применения полученных знаний, а также приводит к повышению эффективности внутрикультурной и межкультурной коммуникации.

Речевой портрет в качестве объекта изучения языковой личности часто встречается в работах современных лингвистов. С. В. Леорда рассматривает речевой портрет как «воплощенную в речи языковую личность» [3, с. 14]. Речевой портрет служит для создания целостного образа персонажа, показывает его многогранность и формирует языковую картину мира художественного героя и автора.

Анализ персонажа художественного произведения способствует формированию у читателя чувства сопричастности с жизнью героя, более глубокого понимания его внутреннего мира, мотивов и поступков, формируя тем самым художественную картину мира, которая согласно З. Д. Поповой

и И. А. Стернину, «...возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения, представляя собой вторичную картина мира, подобную языковой» [4, с. 40]. Также данный анализ позволяет взглянуть на интеллектуальный и эмоциональный мир самого писателя, выделяя авторскую картину мира. Как считают Дреева Д. М. и Семенова Т. В.: «Авторская картина мира, являясь частью художественной картины мира, возникает в сознании читателя при восприятии художественного произведения и представляет собой синтезированное представление о конкретной действительности в тех или иных пространственно-временных рамках» [1, с. 86]. В данном ключе неопределима роль речевого или коммуникативного портрета героя на стадии становления и развития художественной и авторской картины мира.

Коммуникативный портрет персонажа формируется из разнообразных факторов, не последнее место среди которых принадлежит авторскому описанию. Так, в романе Энтони Берджесса „Доктор болен“ уже с самого начала автор намеренно вводит главного героя, представляет его как личность, принадлежащую к научному миру. Об этом свидетельствует его профессия лингвиста и ее семантическое поле. Речь Эдвина Прибоя, профессора, доктора наук, насыщена такими выражениями как «bilabial fricative», «anthology», «etimology», «phoneme», «semantic implications». Примечательно, что Энтони Берджесс не идет по традиционному пути, не предлагает читателю описание внешности главных героев, а пытается дать полное раскрытие данного персонажа в его речи, поведении и местах, где он появляется.

Еще одной важной частью речевого портрета является жизненный опыт персонажа, отражающий культурную и языковую среду личности, которая формирует речевое поведение. Эдвин – человек, который всю свою жизнь проработал в лингвистической сфере. Это привело к тому, что основное место в его жизни занимает не предмет или явление, обозначаемые каким-либо словом, а слово как таковое, слово, как объект научного исследования. Он мужчина, который, разглядывая порнографический журнал, рассуждает: «Nude,

naked. These were nude, not naked» и замечает, что «he could grow more excited over the connotatory differences between the two words than he could over the nude, or naked, flesh itself, in reality or in representation». Он как бы существует в мире лингвистики, а не в мире живых людей, полных действия и чувств.

В целостности всех характеристик Эдвина, герой производит впечатление довольно приятного мужчины, а его увлеченность работой не самый главный недостаток, который встречается у примерных мужей. Однако, когда увлеченность делом переходит из страсти в манию, одержимость, в голове и жизни остается место лишь словам, сочетаниям абстрактных звуков, не обозначающим конкретных понятий и действий. «You've got this obsession, haven't you? – said Dr. Railton – With words, I mean».

В ходе повествования автор выстраивает как бы два мира, две реальности и постоянно сталкивает их друг с другом. Намеком на существование двух миров в самом начале произведения становится содержание лекции главного героя, когда он рассуждает об ассимиляции: «It's really a question of assimilating the unknown, you see, refusing to admit that foreign word is really foreign». В дальнейшем, подсказкой для читателя становится диагноз главного героя, обнаруженный врачами: «That shows there's something there that shouldn't be there». Как что-то, что не должно быть в его организме, нечто инородное, препятствующее его здоровому существованию, лишаяющего его полноценной жизни, так и Эдвин попадает в среду полностью не свойственную его темпераменту и манере поведения, заставляющую его приспособливаться и опускаться на дно социального общества.

Противостояние продолжается и в больнице, куда попадает наш главный герой, а принесенные ему гостинцы описываются как нечто не из этого мира: «Grapes and magazines from alien world lay untouched for a time, time for them to become acclimatized, assimilated». Даже посетители отделены невидимой чертой различия между пациентами: «They were, with their bright voices and natty clothes, the frivolous world». Данным предложением автор как бы противопоставляет мир пациентов, находящихся в больнице, одетых

в затрепанные пижамы и не имеющих полной свободы действия, миру вне больничных стен. Пациенты выступают в роли неодушевленных безвольных предметов для отмахивающихся от любых вопросов врачей, которые крутят их тела, мозги и души так, как считают нужным, чтобы те могли стать "нормальными" в общепризнанном смысле.

Раскол на два «мира» читатель может также наблюдать и в стилистике и особенности речи героев: профессорскому языку Эдвина Прибоя противопоставлены вульгаризмы и ненормативная лексика лондонских контрабандистов «толкавших котлы» («You go and get stuffed. You're asshole. Bloody awful opera it is»). Сюсюкающий еврейский говор близнецов Лео и Гарри Стоуны, каждый из которых на свой лад коверкает нормативный язык («Try vat once more», «You will ave certain fings done to yoou first») и речь доктора Рейлтона, бакалавра медицины и хирургии, наполненная элементарным здравым смыслом. Точность, логичность и выразительность речи артиста Леса играющего в театре, и интересующегося, по его рассказам, постановкой опер, историей итальянского языка и цивилизованностью европейского общества ярко контрастирует с речью его темнокожей сожительницы Кармен, изобилующей ругательствами («You bloody zis fackin' zat all time. Bloody ole bag an fackin' 'oog»). Даже в авторском описании речи Кармен чувствуется ее неграмотность и желание сквернословить: «She showed a smiling mess of decay, gum recession and metal, and said». Или «базарный кокни» неграмотного сендвичмена Хиппо: «A bit 'ere and a bit there. in me bleedin' life. Do a charitable bleedin' turn and that's what you get. I won't be got at.»

Таким образом, проведенный нами анализ коммуникативного портрета героев романа Э. Берджесса „Доктор болен“ позволил сделать вывод о том, что речевой портрет каждого персонажа содержит набор индивидуальных для персонажа лингвостилистических оборотов, который обусловлен возрастными, социальными и лингвистическими характеристиками личности персонажа. Данные лингвистические обороты служат лучшему пониманию как картины мира автора, так и самих героев. Противостояние параллельных миров,

созданных автором, формирует своеобразное информативное пространство для читателя и является инструментом к раскрытию главного героя романа, его личности и внутренних переживаний.

Литература

1. Дреева Д. М., Семенова Т. В. Поэтическая картина мира: к определению понятия // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 84.
2. Иссерс О. С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // Русистика сегодня. 2000. № 1–4. С. 63–75.
3. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01. Саратов, 2006 – 161 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : учеб. издание. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.

References

1. Dreeva, D. M., Semenova, T. V. (2015). *Poehticheskaya kartina mira: k opredeleniyu ponyatiya* [Poetic worldview: to definitions of concepts]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. № 2-3. P. 84. (In Russian)
2. Issers, O. S. (2000). *Kommunikativnyj portret yazykovoj lichnosti (na primere pisem Sergeya Dovlatova)* [Communicative portrait of linguistic persona (in the context of Sergey Dovlatov`s letters)]. *Rusistika segodnya*. № 1. Pp. 63-75. (In Russian)
3. Leorda, S. V. (2006). *Rechevoj portret sovremennogo studenta* [Speech portrait of modern student]: dis.... kand. fil. nauk: 10.02.01. Saratov. 161 p. (In Russian)
4. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]: ucheb. izdanie. . Moscow. AST, Vostok-Zapad. 350 p. (In Russian)

Авторы публикации

Тахтарова Светлана Салаватовна –
 Доктор филологических наук, доцент
 Казанский федеральный университет
 E-mail: SStahtarova@kpfu.ru

Павлов Денис Валерьевич –
 аспирант
 Казанский федеральный университет,
 E-mail: zpavlova@list.ru

Authors of the publication

Takhtarova Svetlana Salavatovna –
 Doctor of Philology, Associate Professor
 Kazan Federal University
 E-mail: SStahtarova@kpfu.ru

Pavlov Denis Valer'evich –
 Graduate Student
 Kazan Federal University,
 E-mail: zpavlova@list.ru

Поступила в редакцию 05.05.2019.
 Принята к публикации 19.05.2019.

УДК 81.25

СПЕЦИФИКА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

М.А. Яхин, А.Т. Качигулова

yakhinmarat94@gmail.com, Katy-kat-95@mail.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются особенности паремиологического фонда французского и русского языков. Актуальность темы определяется повышенным интересом к изучению паремиологических единиц иностранных языков с помощью сопоставительного анализа, расширением сферы употребления и состава паремий, и как следствие, необходимостью их углубленного изучения. В статье раскрывается содержание понятия «паремии», сформулированы задачи паремиологии как научной дисциплины, исследуется паремиологический фонд русского и французского языков, выявляются их общие и различные черты. На основании сравнительно-сопоставительного анализа эмпирического материала, в статье представлены выводы об особенностях паремий исследуемых языков.

Ключевые слова: лингвистика, паремиология; паремии; паремиологические единицы; паремиологические исследования, пословицы, поговорки.

Для цитирования: Яхин М.А., Качигулова А.Т. Специфика паремиологического фонда французского и русского языков. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 97–105.

PECULIARITIES OF THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THE FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

M.A. Yahin, A.T. Kachigulova

yakhinmarat94@gmail.com, Katy-kat-95@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article describes the features of the paremiological Fund of French and Russian languages. The relevance of the topic is determined by the increased interest in the study of paremiological units of foreign languages through comparative analysis, the expansion of the scope of use and composition of proverb, and as a consequence, the need for in-depth study. The article reveals the content of the concept of “paremia”, formulated the tasks of paremiology as a scientific discipline, explores the paremiological Fund of Russian and French languages, identifies their common and different features. On the basis of comparative analysis of empirical material, the article presents the conclusions about the features of the paremiological units of the studied languages.

Key words: linguistics; paremiology; proverb; paremiological unit; proverbial metaphors.

Key words and phrases: cultural linguistics, phraseology, phraseological unit, paremiology, proverb, communication.

For citation: Yahin M.A., Kachigulova A.T. Peculiarities of the paremiological fund of the French and Russian languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 97–105. (In Russ)

В связи с тем что выявление сходств и различий разных языков играет важную роль в создании их основы для изучения, сопоставительный анализ компонентов тех или иных языков на сегодняшний день представляет большой интерес для лингвистов. Особое внимание привлекают исследования в области паремиологии. Паремиологические единицы наглядно демонстрируют своеобразие истории, культуры и быта народности. Активное владение паремиями позволит лучше понять менталитет людей изучаемого языка. Сравнение именно этого пласта единиц может позволить одновременно как осознать культурную самобытность каждого языка, так и выявить их общность.

Классически паремии изучаются в рамках паремиологии. У истоков этой научной дисциплины стоят такие выдающиеся исследователи, как: А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Шахматов, К. Бругман, Г. Пауль и др. Под фразеологией (греч. phrases – ‘выражение’, logos – ‘учение’) принято понимать раздел науки о языке, изучающий устойчивые сочетания слов. В свою очередь под паремиологией (греч. paroimia – ‘притча, пословица’ и logos – ‘слово, учение’) понимается подраздел фразеологии и область филологии, объектом которой являются паремии и создание их классификации [5]. Яркими представителями российской паремиологии являются Г.Л. Пермяков, С.Д. Мастепанов, В.М. Мокиенко, М.А. Черкасский и другие. Несмотря на большое количество исследований в данной области, среди ученых и исследователей нет четкой формулировки понятию «паремия». Рассмотрим некоторые определения, предложенные исследователями.

Российский паремиолог Г.Л. Пермяков называет паремиями народные изречения, имеющие форму законченного предложения, куда можно отнести пословицы и поговорки или представляющие собой несколько взаимосвязанных предложений, например анекдоты или загадки [3, с.30].

Большой интерес представляют научные работы, объектом которых является проблема дефиниции паремии. Кандидат филологических наук МГУ Л.Б. Кацюба определяет паремии как эмпирически оформленное устойчивое высказывание в форме простого или сложного предложения, содержащее важную истину, нормы поведения или наставление [1, с.67].

Доктора филологических наук Г.Г. Матвеева и М.А. Серегина под паремиями понимают лаконичную языковую подсистему, имеющую форму предложения, обладающую семантической многозначностью и общеизвестностью и употребляемую в дидактических целях [2, с.178].

Каждый язык обладает разным набором языковых единиц, составляющих его паремиологический фонд. Проанализировав труды российских паремиологов, можно прийти к выводу, что основной разновидностью паремий, традиционно рассматриваемой как часть русского паремиологического фонда,

являются пословицы и поговорки. Пословица – это народное изречение, выражающее законченную мысль и имеющее суждение с выводом, она лаконична и удобно произносима. Российский учёный-филолог, профессор Замир Тарланов к главным характеристикам пословицы относит ее форму в виде законченного предложения, ее логическую форму суждения, невозможностью замещения пословицы синонимом, а также свойством обобщения накопленного жизненного опыта и оформления его в некие общепринятые правила [4, с.35].

Поговорка понимается как образное сжатое по форме аллегорическое выражение, в отличие от пословицы, не имеющее прямого поучительного значения и не обязательно имеющее структуру полного предложения. Пословицы и поговорки характеризуют важнейшие аспекты жизни человека, причем эмоционально окрашено выражая свое отношение к основным жизненным ценностям.

Первые письменные упоминания паремий во французском языке имеют религиозную коннотацию и датируются еще эпохой средневековья. Именно по этой причине в современном паремиологическом фонде французского языка содержится большое количество библеизмов и архаизмов. Этот период охарактеризован сбором пословичного материала. Большинство паремий, содержащихся в сборниках того времени, употребляются и сегодня, но в измененной форме.

В современном понимании французских исследователей паремиология (*La parémiologie*) является самостоятельной научной дисциплиной, изучающей пословицы (*proverbes*) и пословичные выражения, такие как поговорки, заповеди, лозунги, девизы (*sentences, préceptes, slogans, devises*), общее определение которым – паремии.

Французская паремиология во многом обязана работе американского лингвиста Арчера Тейлора (1890–1973). Его труд «Пословица», опубликованный в 1931 году, по-прежнему считается обязательным вводным курсом в паремиологию. Расцвет европейской паремиологии приходится на

1960-е годы. Среди выдающихся исследователей конца двадцатого века можно отметить французского Клода Буридана, Франсуа Суарда и бельгийского этнолога и лингвиста Франсуа-Мари Родегема (1919–1991), которые систематизировали и классифицировали паремиологический фонд французского языка [7, с.172-173].

Все усилия паремиологов конца XX – начала XXI века были направлены на разграничение пословичных выражений, входящих в состав паремии. Так, например, у выдающегося паремиолога Юлии Севильи Муньоз, исследующей праемиологический фонд французского языка, термин «паремия» включает пословицы, поговорки, пословичные выражения, предложения, максимы, апофегмы и веллеризмы. Также ею было введено понятие «почти паремии» («presque parémies»), куда автор относит девизы, заповеди и афоризмы [9, с.151].

Французский паремиолог Франсуа-Мари Родегем с исследователем Франсуа Суаром вкладывал в термин «parémie» понятие пословицы. Но вместе с тем, он призывал паремиологов сформулировать четкий набор языковых единиц, входящих в гипероним «паремия», который будет един для всех исследователей [8, с.121]. Родегем предложил разделение паремиологических единиц французского языка на три группы: первая группа паремий, содержащих мораль (пословица, пословичные выражения, афоризмы), следующая группа, отражающая определенную норму поведения (поговорка, присказка, лозунг, девиз) и последняя группа, объединяющая маргинальные жанры (апофтегмы, веллеризмы) [7, с.173].

Таким образом, мы видим, что в понимании паремиологического фонда французского языка под каждый исследователь объединяет свой набор языковых единиц, будь то максимы, афоризмы, библеизмы, присказки, девизы, апофтегмы или валлеризмы, выбор этот обусловлен в первую очередь целью, который ставит перед собой исследователь. Однако независимо от исследователя ключевыми составляющими паремиологического фонда

французского языка неизменно остаются пословицы (*proverbes*) и поговорки (*dictons*). Однако у этих терминов не столь однозначные дефиниции.

Общеизвестный словарь *Le Petit Robert* определяет пословицу как метафоричную речевую формулу, основанную на опыте народа и содержащую определенное назидание или мудрый совет, являющийся общим для всей общности. Другие известные словари «*Petit Larousse*» и «*Dictionnaire de la langue française*» дает аналогичную трактовку данному понятию.

Паремиолог Ахмед Мохамед Баба, исследующий французские пословицы определяет их как выражения, содержащие мораль, передающиеся из уст в уста между поколениями, автор которых, как правило, неизвестен [9, с.151].

Французский паремиолог Баллард предлагает достаточно содержательное определение пословицы: «пословица – это полное фиксированное утверждение, предназначенное для передачи опыта или мудрого совета; являющееся частью коллективной памяти языкового сообщества (или одной из его подгрупп) и представляющее собой наследие народной мудрости [6, с.41].

Под определение «*dicton*» лингвисты как правило относят некоторые практические установки и советы. Как и пословицы, они основываются на опыте и наблюдении народа. Но в отличие от первых, они нередко имеют оттенок суеверия. Более того, если пословица обладает как буквальным, так и переносным смыслом, французская поговорка только буквальна и нередко иронична.

Словари же относят поговорку к пословичным выражениям, нередко размывая границу между этими двумя понятиями. Так, Первый академический французский словарь определяет «*dicton*» как пословицу. В таких известных французских словарях как *Dictionnaire critique de la langue française*, *Le Petit Robert*, *Le Larousse* и *Le Littré* под поговоркой понимается разговорное выражение, со временем перешедшее в разряд пословицы.

Таким образом, мы видим, что если в русском языке предпринимались попытки разграничить паремиологические единицы исходя из семантических и структурных особенностей, то во французском языке данный вопрос остается

открытым. Термин «proverbe» соответствует в русском языке пословично-поговорочному изречению, но наибольшее количество сходных значений наблюдается у данного термина и отечественного термина «паремия». Поскольку во французском языке не проводится соответствующей дифференциации, при исследовании его паремиологического фонда следует руководствоваться возможностью перехода и включения афоризмов (максим, апофегм) и библеизмов в разряд пословично-поговорочных единиц.

Литература

1. *Кацуба Л. Б.* Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 1. С. 65–67.
2. *Матвеева Г. Г., Серёгина М.А.* К определению понятия паремия (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 2009. № 3. С. 175–178.
3. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1998. – 84с.
4. *Тарланов З. К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводск. ун-та, 2000. 448 с.
5. *Шайхуллин Т. А., Заринова А.М.* История изучения русского паремиологического фонда // Современный мусульманский мир: электрон. журнал. 2018. № 2.
6. *Ballard M.* «Le proverbe»: approche traductologique réaliste, en M. Quitout et J. Sevilla Muñoz (éd.). Traductologie, proverbes et figements. Paris: L’Harmattan, 2009. Pp. 37-53.
7. *Mame Couina Mbaye.* «Autour de la parémiologie contrastive: Le concept d’« énoncé culturel », Multilinguales, 1 | 2013. Pp.169-179.
8. *Rodegem F.* « La parole proverbiale », In Suard Françoise (dir.), Richesse du proverbe, Université de Lille III, 1984. Pp. 121-135.

9. Sevilla Julia. «La parémiologie espagnole», in Michel Quitout (éd.), *Proverbes et énoncés sentencieux*, éd. L'Harmattan, 2002. Pp. 151-174.

References

1. Ballard, M. (2009). «*Le proverbe*»: *approche traductologique réaliste*, en M. Quitout et J. Sevilla Muñoz (éd.). *Traductologie, proverbes et figements*. Paris: L'Harmattan (In French)
2. Sevilla, J. (2002). «*La parémiologie espagnole*», in Michel Quitout (éd.), *Proverbes et énoncés sentencieux*, éd. L'Harmattan. (In French)
3. Katsyuba, L. B. (2013). *Opredelenie paremii (lingvisticheskiy aspekt definitsii)* [Definition of the paremiological unit: linguistic aspect of the definition] // p. 65–67. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* T. 10, № 1. (In Russian)
4. Mame Couna Mbaye (2013). «*Autour de la parémiologie contrastive : Le concept d'« énoncé culturel*», *Multilinguales*. Pp.169–179. (In French)
5. Matveeva, G. G., Seryogina M. A. (2009). *K opredeleniyu ponyatiya paremiya (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)*[*On the definition of the concept of paremia by the material of Russian and German languages*] p. 175–178. // *Vestnik Pyatigorskogo gos. un-ta*. № 3. (In Russian)
6. Permyakov, G. L. (1998) *Osnovy strukturnoj paremiologii* [*Fundamentals of structural paremiology*]. Moscow, Nauka. 84p. (In Russian)
7. Rodegem, F. (1984). «*La parole proverbiale*», In Suard Françoise (dir.), *Richesse du proverbe*, Université de Lille III. Pp. 121–135. (In French)
8. Shajkhullin, T. A., Zaripova, A. M. *Istoriya izucheniya russkogo paremiologicheskogo fonda* [The history of the study of the Russian paremiological fund] (2018) // *Sovremennyj musul'manskij mir: ehlektron. zhurnal*. № 2. (In Russian)
9. Tarlanov, Z. K. (2000). *Russkie poslovitsy: sintaksis i poehtika* [*Russian Proverbs: syntax and poetics*]. Petrozavodsk, the publishing house of Petrozavodsk University. 448 p. (In Russian)

Авторы публикации

Яхин Марат Айдарович –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
E-mail: yakhinmarat94@gmail.com

Качигулова Аида Тилековна –
магистрант
Казанский федеральный университет
E-mail: katy-kat-95@mail.ru

Authors of the publication

Yahin Marat Ajdarovich –
Senior teacher
Kazan Federal University
E-mail: yakhinmarat94@gmail.com

Kachigulova Aida Tilekovna –
master student
Kazan Federal University
E-mail: katy-kat-95@mail.ru

Поступила в редакцию 10.05.2019.

Принята к публикации 30.05.2019.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 821.111(73)

САТИРА ЧИКАНОС В РОМАНЕ РОЛАНДО ИНОХОСЫ «КЛЕЙЛ-СИТИ»

М.И. Баранова

Baranovamarria@gmail.com

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается сатирический дискурс чикано как способ раскрытия мексикано-американской проблематики в романе «Клейл-Сити» (1987) писателя-чикано Роландо Инохосы. Ключевое место в творчестве автора занимает изображение взаимодействия мексикано- и англо-американского миров, их культурных столкновений. Меланхолический и буффонный юмор чиканос, представленный в романе двумя группами, главных и второстепенных персонажей, несет несколько функций, среди которых следует выделить разделение на «своих» и «чужих», критику «чужих» и объединение «своих» по принципу противоположности/единства взглядов, противостояние жизненным трудностям, разрушение положительных автостереотипов, а также критику членов общины за утрату ценностных установок. Тем не менее представленная в романе социокультурная проблематика позволяет сделать вывод о постепенном сближении и взаимообогащении мексикано- и англо-американских культур.

Ключевые слова: чикано, Роландо Инохоса, Клейл-Сити, юмор чиканос, сатира, сатирический дискурс.

Для цитирования: Баранова М.И. Сатира чиканос в романе Роландо Инохосы «Клейл-сити» *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 106–115.

CHICANO SATIRE IN “KLAIL CITY” BY ROLANDO HINOJOSA

M.I. Baranova

Baranovamarria@gmail.com

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The paper dwells on the satirical discourse of the Chicanos as a means of understanding Mexican-American problems in the novel *Klail City* (1987) by a Chicano novelist Rolando Hinojosa. Mexican-American and Anglo-American worlds, as well as their cultural confrontations, are central to the novels of the writer. Melancholic and buffoonish humor of the Chicanos, represented by two groups of characters, the main and secondary ones, has several functions. The most significant are insider/outsider distinction, criticism of the outsiders and unity of the insiders based on shared/opposing views, withstanding hardship of life, breaking positive self-stereotypes, criticizing the community members for the loss of values. Nevertheless, social and cultural problems raised in the novel leads to the idea of gradual merging of Mexican-American and Anglo-American cultures and their mutual cultural enrichment.

Keywords: Chicanos, Rolando Hinojosa, Klail City, Chicano humor, satire, satirical discourse.

For citation: Baranova M.I. Chicano satire in “Klail City” by Rolando Hinojosa. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 106–115. (n Russ.)

Роландо Инохоса (1929) – писатель-билингв мексикано-американского происхождения, лауреат премии единственного независимого издательства литературы чиканос «Quinto Sol», а также первый писатель-чикано, получивший литературную премию «Casa de las Américas». Инохоса написал цикл романов *Klail City Death Trip Series*, посвященный жизни нескольких поколений чиканос, проживающих на территории вымышленного округа Бэлкэн (англ. Belken), штат Техас.

Романы Инохосы получили широкую известность за рубежом, но мало прославили автора на родине. В США его считают региональным автором, больше известным на юге, хотя книги Инохосы включены в программу филологических факультетов страны. Читательская аудитория Инохосы – это чаще всего образованная часть населения, которую интересует судьба

и культура южных штатов. Исследователи творчества Роландо Инохосы объясняют, что его романы не приобрели такой большой популярности, поскольку в них слабо прослеживаются характерные для литературы чиканос составляющие, такие как: символизм, магия, миф, политизированность, идея особой роли чиканос в мире, – то, чего американцы ждут от мексикано-американской литературы.

Как отмечают некоторые исследователи [9], южный мир Инохосы ближе к художественному миру Фолкнера, нежели писателей-чиканос. А на первое место у Инохосы выходят внутренний и внешний конфликт персонажа, обусловленный мексикано-американской проблематикой. В его романах сталкиваются и взаимообогащаются миры разных представителей юга: первых поселенцев, предки которых прибыли из Испании, англичан, мексиканцев, прибывших век спустя, и нового поколения мексикано-американцев.

На примере романа «Клейл-Сити» (англ. *Klail City*, 1987) мы попытались проследить, каким образом сатирический дискурс персонажей чиканос позволяет раскрыть социокультурную проблематику произведения. Под сатирическим дискурсом в данном случае понимается совокупность дискурсивных практик персонажей, в которых отражается менталитет и культура, как национальная, так и индивидуальная, направленных на горькое осмеяние явлений окружающей действительности.

Юмор чиканос, обусловленный двойной идентичностью, рождается на стыке двух культур, мексиканцы по происхождению, они живут в американском обществе, вследствие чего испытывают двойное влияние. Согласно многочисленным исследованиям, этнический юмор, в особенности двуязычный юмор иммигрантов, служит способом адаптации, средством утверждения уникальной идентичности своей группы, и как результат, сплочения общины и межличностного взаимодействия. Такой этнический юмор выполняет функции разграничения «своих» и «чужих», утверждения внутригрупповых ценностей, разрядки напряжения [3, 4, 5, 6].

В романе читатель сталкиваемся с язвительным юмором мексикано-американской диаспоры, переходящим в сатиру, объектом которой является повседневная жизнь чиканос в американской среде, отношения между мексикано- и англо-американцами. Источником критики в романе чаще других выступает новое поколение чиканос, родившихся в 30-е годы XX века, которые, с одной стороны, ежедневно сталкиваются с дискриминацией, а с другой – видят недостатки жизненного уклада их отцов и дедов. Таким образом, сатира персонажей чиканос направлена не только на англо-американцев, но и на свою общину.

Сатирико-юмористический дискурс романа можно представить в виде двух больших групп – это юмор главных персонажей и второстепенных персонажей или «юмор толпы». Главные персонажи, также выступающие в роли повествователей в романе, Рафе или Рафа Буэнростро (Rafe/Rafa Buenrostro), Хэу Малькара (Jehú Malcara) и Галиндо (Galindo) – представители нового поколения чиканос: они родились в США, получили образование и пытаются найти свое место в жизни, постепенно отдаляясь от жизни общины. Однако находясь на грани двух миров, они видят недостатки и мексикано- и англо-американцев. «Индивидуально-инициативный смех» Рафе и Хэу сильно отличается, смех Рафе, функция которого в романе близка к роли резонера, чуть ироничен, он никого и ничего открыто не осуждает, Хэу, герой-плут, пикаро, часто использует сарказм, иногда выражаясь достаточно грубо и прямолинейно.

Второй тип юмора присущ второстепенным персонажам, он также представлен в главах, где персонажи не называются, а хор реплик превращается в многоголосие общины. Это социально-детерминированный юмор «толпы», «карнавальный смех» старшего поколения чиканос, которые едва ли адаптировались к американской действительности, а также тех мексикано-американцев, которые остались верны своим традициям и живут обособленно внутри американского общества. Их юмор зачастую вульгарный, со сниженной лексикой, направленный против англо-американцев, а также чиканос, которые потеряли ценностные установки общины.

Ярким примером такого юмора являются граффити на стенах бара, где работает Рафе. Едкие и грубые, они очень четко отражают ценностные ориентиры народа. В этих примерах юмор создается за счет игры слов, изменения устойчивых выражений:

- *Dirty Linen Had Damn Well Better Be Washed at Home.*
- *Nosey Neighbors Need a Nose Job.*
- *The Hard of Hearing Should Learn to Lip-Read.*
- *When it Comes to the Law: Mum's the Word.*
- *The Losers of the World Need a Shorter Bridge to Walk On.*
- *Meddling is Asking for Trouble on Credit.*

Можно выделить несколько функций мексикано-американского сатирического дискурса в романе.

Во-первых, это разделение на «своих» и «чужих», определение принадлежности к группе. Отметим несколько ценностных оппозиций, на основе которых чиканос проводят границу между своей общиной и остальным населением США. Так, например, чиканос не понимают фальшивой жизнерадостности и дружелюбия американцев, которые только кажутся приветливыми (оппозиция «искренность/фальшь»). *His partner's red-headed, freckled-faced dwarf. All he does is smile.* Другая более общая ценностная оппозиция – «люди/деньги». Чиканос уверены, что американцы готовы ради денег на все, их не заботит благополучие других людей. *The park, named for General Rufus T. Klail, has been subdivided and sold out into lots, a mini mall, they call it, and this is where the Romans sell their wares and souls on daily basis.* В данном примере один из чикано сравнивает американцев с римлянами, которые лишили Грецию независимости. По мнению мексикано-американцев, сила заключается не в деньгах, а в здоровье и семье. Появляется противопоставление «сильный мексиканец/слабый американец». *As my Fabian says. Next to God, you've got to hand it to the Anglos; they keep coming with a disease every week.* Как следствие, из первой функции можно вывести вторую

– это критика «чужих» и объединение «своих», основанное на единстве взглядов.

Третья функция заключается в осуждении «своих», что приводит к разрушению традиционных моделей поведения, а ценностные установки общины подвергаются сомнению. Так, честь и отвага, проявляемая, например, на дуэли, уже не предмет гордости, а скорее осмеяния. *They just shot and killed each other, and the widow didn't know a thing about it. It's enough to make you laugh or cry... She didn't even know them, hadn't laid eyes on 'em. Ever.* Со сменой поколений меняется отношение чиканос к институту семьи, церкви, разрушаются положительные автостереотипы такие, как, например, мексиканец или мексикано-американец – набожный семьянин. *You would never catch him (uncle) cross-armed and standing behind the bar or wetting wiping rags to wipe to wipe the chalk marks off domino tables. He was busy on other matters; skirting the issue or, as he said, en asunto de faldas.* В то время как отрицательные стереотипы находят свое подтверждение даже у самих чиканос. Повествователи осуждают членов своей общины за глупость и слепую веру, их легко обвести вокруг пальца. Они покупают библию на незнакомом языке, лечатся от испанки свечками, верят всем, кто хоть немного говорит по-испански. *So you don't read English, is that what's holding you back? Ha, I say. Think of your salvation, friends: you need not understand what you read to be saved!*

Наконец, чиканос прибегают к юмору, когда им необходимо противостоять превратностям судьбы. Например, когда они вспоминают о погибших во второй мировой или войне в Корее. Драматизм разрешается через комизм, а меланхолический смех становится одним из лейтмотивов романа. Так, главные персонажи Рафе и Хэу «воюют» с учителем физкультуры и борются с дискриминацией со стороны администрации школы, пытаются получить футбольные куртки, которые полагаются всем членам команды, а на деле достаются только англо-американцам. Будучи взрослым Рафе вспоминает, что они добились своего, и справедливость восторжествовала,

однако их борьба потеряла свою значимость, поскольку многие англо-американцы, члены их футбольной команды, погибли в Корее.

Несмотря на всю проблематику, представленную в романе, авторская позиция, которую можно проследить в повествовании от лица главных персонажей, такова, что, несмотря на все желание англо- и мексикано-американцев отличаться, у них много общего, и с течением времени становится все больше. Хотя они стараются провести между собой четкую социальную грань, тем не менее чиканос берут себе вторые английские имена, а англо-американцы носят испанские фамилии.

Таким образом, с одной стороны, сатирический дискурс в романе направлен против англо-американского общества, с помощью которого члены общины обозначают свои ценностные приоритеты, отделяют «своих» от «чужих», стараются противостоять превратностям судьбы. С другой стороны, критике подвергается и сама общины за утрату ценностных ориентиров, обесценивание религиозных и семейных идеалов. Разрушаются положительные автостереотипы, и осуждаются глупость, наивность, ненужное самопожертвование, нежелание идти в ногу со временем. Разнонаправленный сатирический дискурс ознаменовывает социально-культурные проблемы между мексикано-американской общиной и американским обществом в целом, ценности и жизненные установки которых несмотря ни на что постепенно взаимопроникают друг в друга.

Литература

1. *Ващенко А. В.* Проблемы этнических литератур. Литература США в 70-е годы XX века. Под редакцией Засурского Я.Н. М.: Наука, 1983. 237 с.
2. *Воронченко Т. В.* Мексикано-американский феномен в литературе США. М.: МПУ, 1992. 225 с.
3. *Еленевская М.* Двухязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных

израильтян). // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2014, № 3. С. 7-27.

4. *Карасик В. И.* Юмористическое общение: универсальное и идиокультурное. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности : в 2 ч. /под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. Ч. 1. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 241 с. (Серия «Монографии»; вып. 6). С. 172–189.

5. *Карасик О. Б.* Традиции еврейского юмора в произведениях американских писателей второй половины XX в. // Вестник Тамбовского университета, 2013, № 9 (125). С. 218–225.

6. *Кулинич М. А.* «Национальный характер», этнический анекдот и культурное своеобразие юмора. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности : в 2 ч. /под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. Ч. 2. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 241 с. (Серия «Монографии»; вып. 6). С. 296–308.

7. *Лук А. Н.* О чувстве юмора и остроумии. // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rulit.me/books/o-chuvstve-yumora-i-ostroumii-read-376057-1.html> (дата обращения: 12.11.2017)

8. *Bruce Novoa J. D.* Chicano Authors Inquiry by Interview, University of Texas Press, Austin and London, 1980. 292 p.

9. *Busby M.* Faulknerian Elements in Rolando Hinojosa's *The Valley* // Oxford University Press on behalf of Society for the Study of the Multi-Ethnic Literature of the United States (MELUS): Vol. 11, No. 4, Literature of the Southwest, Winter 1984. Pp. 103–109.

10. *Hinojosa R.* Klail City/Klail City y sus alrededores, Arte Público Press, University of Houston, Texas, 2014. 320 p.

11. *Lee J. G.* The Fictional World of Rolando Hinojosa, Denton, Texas, 1993. 177 p.

References

1. Bruce Novoa, J. D. (1980). *Chicano Authors Inquiry by Interview*. University of Texas Press, Austin and London. 292 p. (In English)
2. Busby, M. (1984). *Faulknerian Elements in Rolando Hinojosa's The Valley* // Oxford University Press on behalf of Society for the Study of the Multi-Ethnic Literature of the United States (MELUS): Vol. 11, No. 4, Literature of the Southwest, Winter. Pp. 103–109. (In English)
3. Elenevskaya, M. (2014). *Dvuyazychnyj yumor immigrantov: yazykovaya igra i social'naya adaptaciya (na primere smekhovej kul'tury russkojazychnyh izrail'tyan)* [Immigrant's Bilingual Humor: Language Play and Social Adaptation (the Case of Russian-speaking Israelis)] // Moscow, Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika, № 3. S. 7–27. (In Russian)
4. Hinojosa, R. (2014). *Klail City/Klail City y sus alrededores*, Arte Público Press. University of Houston, Texas. 320 p. (In Spanish)
5. Karasik, V. I. (2004). *Yumoristicheskoe obshchenie: universal'noe i idiokul'turnoe. Vzaimoponimanie v dialoge kul'tur: usloviya uspeshnosti* [Humor Generalization: Universality and Idioculture. Cross-cultural Understanding: Terms of Success] // 241 s. Voronezh, Seriya «Monografii»; vyp. 6. S. 172–189. (In Russian)
6. Karasik, O. B. (2013). *Tradicii evrejskogo yumora v proizvedeniyah amerikanskih pisatelej vtoroj poloviny HKH v.* [Jewish Humorous Tradition in the Works of Jewish American writers of the second half of XX century] // Tambov. Vestnik Tambovskogo universiteta, № 9 (125). S. 218–225. (In Russian)
7. Kulinich, M. A. (2004). «*Nacional'nyj harakter*», *ehnicheskij anekdot i kul'turnoe svoeobrazie yumora. Vzaimoponimanie v dialoge kul'tur: usloviya uspeshnosti* [“National Character”, Ethnic Anecdote and Cultural Humor Identity. Cross-cultural Understanding: Terms of Success.] // 241 s. Voronezh, Seriya «Monografii»; vyp. 6. S. 296–308. (In Russian)
8. Lee, J. G. (1993). *The Fictional World of Rolando Hinojosa*. Denton, Texas. 177 p. (In English)

9. Luk, A. N. *O chuvstve yumora i ostroumii* [On Sense of Humor and Wit] // URL: <http://www.rulit.me/books/o-chuvstve-yumora-i-ostroum..> (accessed: 12.11.2017). (In Russian)
10. Vashchenko, A. V. (1983). *Problemy ehnicheskikh literatur. Literatura SSHA v 70-e gody XX veka*. [Ethnic literatures. American Literature of 1970s]. Moscow, Nauka. 237 s. (In Russian)
11. Voronchenko, T. V. (1992). *Meksikano-amerikanskij fenomen v literature SSHA*. [Mexican-American Phenomenon in the USA Literature]. Moscow, MPU. 225 s. (In Russian)

Авторы публикации

*Баранова Мария Игоревна –
ассистент кафедры восточных и
европейских языков
Нижегородский государственный
лингвистический университет им.
Н.А.Добролюбова
E-mail: Baranovamarria@gmail.com*

Authors of the publication

*Baranova Maria Igorevna –
Lecturer, Department of Asian and European
Languages
Linguistics University of Nizhny Novgorod
E-mail: Baranovamarria@gmail.com*

**Поступила в редакцию 03.05.2019.
Принята к публикации 21.05.2019.**

УДК 82

**ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Ш. ГАЛИЕВА
И. Р. МИННУЛЛИНА)**

О.М. Буренкова, Л.М. Хамитова

Lan-khamitova@yandex.ru

*Казанский инновационный университет имени В.Г.Тимирязова (ИЭУП),
Казань, Россия*

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности имен собственных в художественном тексте. В центре внимания данной работы будет изучение происхождения

антропонимов и употребление их в поэтическом тексте. Особенности каждого функционального стиля давно уже позволили противопоставить литературно-художественный стиль всем остальным по наличию в литературных текстах особой семантической сложности, многоярусной композиции и эстетической функции слова, организующей весь контекст произведения.

Ключевые слова: антропоним, художественный текст, имя собственное, апеллятив.

Для цитирования: Буренкова О.М., Хамитова Л.М. Значение имени собственного в художественной литературе (на примере стихотворений Ш. Галиева и Р. Миннуллина). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 115–122. (In Eng)

SIGNIFICANCE OF A PROPER NAME IN LITERATURE (BY THE EXAMPLE OF SH.GALIEV AND R.MINNULLIN'S POEMS)

O.M. Burenkova, L.M. Khamitova

Lan-khamitova@yandex.ru

Kazan innovative university named after V.G.Timiryasov (IEML), Kazan, Russia

Abstract: This article discusses the proper name in a literary text. We focus on the study of the basic functions of anthroponymy. The focus of this work is the study of the origin of anthroponyms and use in a poetic text.

The characteristics of each functional style has long been allowed to oppose the literary style of all the others by the presence of literary texts of a particular semantic difficulties, the multi-layer composition and aesthetic functions of speech, organizing the whole context of the work.

Keywords: anthroponym, literary text, proper name, appellative.

For citation: Burenkova O.M., Khamitova L.M. Significance of a proper name in literature (by the example of Sh.Galiev and R.Minnullin's poems). *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 115–122.

There are different views on the study of the functional specificity of the proper name in the literary text. An important circumstance that must be taken into account when addressing the study of the functional specificity of the proper name in literary texts is the fact that the texts under study belong to different functional styles of the language. It is well known that the proper name varies considerably in functional styles and types of speech, in which sociolinguistic parameters of the proper name are manifested: class, areal, normative, social-group, situational, etc. Therefore, the research should take into account both aspects of style: structural and functional. The features of each functional

style have long been allowed to contrast the literary and artistic style to all the others by the presence in literary texts of a special semantic complication, multi-tiered composition and aesthetic function of the word, organizing the entire context of the work of art. This achieves a special depth of the poetic word, its diversity, polyphony.

A proper name is also different from appellative names. The concept of "appellative" and its nominalization means the following: the main purpose of common nouns is to call indefinite objects, relating them to a known class of things and concepts. The main purpose of proper names is to name certain objects within known classes of things. In this case, the correlation with the concept is not required, since a known class of things is already associated with it. This moment also allows resorting to so-called secondary use of known words for new nominations which cannot have visible communications with initial and basic use of lexical units. Under appellative we understand as proper names, changed the function of naming the function of designation of properties or special quality, the state of the object. The naming function of a proper name (what makes it a proper name) is associated with the least motivation for the name. Derived from personal names, the place-name elements represent the specific characteristics of the carriers of these names, and the transition of proper names in appellative occurs on the basis of metaphorical and metonymical shift values [5, p. 36].

The significative meaning of the appellative is a part of the encyclopedic meaning of the name, which became intensive under the influence of non-linguistic reasons. The complete transition of proper names to common nouns occur when the initial connections are broken and the transformation of the proper name and the common name into homonyms.

Thus, appellative names differ from proper names and from common names. They discover their systemic connections: antonymy, synonymy, polysemy. The appellative can be zero /Marat, Lenar / and with a pronounced stylistic characteristics /Timersha, Muhamedzhan/. Usually appellatives with a pronounced stylistic characteristic combine common feature with signs of common nouns. That is, they occupy an intermediate position between proper names and common names. In our opinion, it is a mistake that

many linguists identify the meaning of proper names with the meaning of their respective appellate names.

Anthroponyms are widely used in both prose and poetic works of fiction. The focus of this work will be the study of the origin of anthroponyms and their use in the poetic text.

Speaking about the main differences between prose and poetic texts, V. N. Mikhailov pointed out that in the prose text the meaning of a proper name is characterized by indivisibility and nontransformity. In prose the words retain only necessary for the context values, the remaining values of this word are eliminated [1, p. 47].

All anthroponyms appearing in the poetic text can be divided into two large groups. First, anthroponyms can nominate the actors of a poetic work, representing both famous personalities and completely new characters created by the author of the work. Secondly, in the poetic text anthroponyms can play the role of semantic milestones, causing a number of different associations with texts already known to the reader.

In poetry, anthroponyms often nominate the direct actors of a poetic work. Such anthroponyms can be divided into two groups:

a) the central figure of a poetic work may be a literary, biblical or historical figure. This character functions in a new poetic work, preserving its distinctive features and completely assimilating in the lines of the new text. As a rule, such use of anthroponyms occurs in various dedications, reflections on historical events or works of art, memories, etc.

For example, in R. Minnullin's poem "Kazan. Kremlin. ..." we see that in the poem the author used a historical name. The name Syuyumbike is a Holy name for the Tatar people. In this work we are talking about the Suyumbike tower, which was built in Kazan several centuries ago. When translating poetic passages containing proper names in this function, the name taken from the literary and historical context is preserved. Here you can give another example, where the historical personality Syuyumbike loses its meaning and is used to name a simple girl's name.

b) the name of the hero of a poetic work may be unrelated to the literary and historical context. In most of these cases, the translation of proper names – anthroponyms remain and do not cause difficulties in the transfer to another

language. Take, for example, the poem Sh. Galiev. "Ilgiz". In this poem, the author tells the children not to travel by tram or bus without paying for their ticket. He describes in detail how the boy scum, tears off the ticket without paying for it. The choice of names in this poem is not accidental: Nakip-has the meaning of "chief, commander", the name Ilgiz – has the meaning of "traveler". Nakip calls Ilgiz-traveler for a walk (Ilgiz agrees, since he likes to ride the tram very much), and then again Nakip provokes a friend to a bad deed. Thus, Nakip is here acts as a leader, commander. Sh. Galiev in this work acts not only as a children's writer, but also as a psychologist. Describing this act on the example of two boys – Nacip and Ilgiz, he addresses the reader with a certain poetic purpose.

Another example from R. Minnullin's poem "New sport": the name Almaz, used with a clear positive characteristic. It should be noted that the word diamond has a meaning-a precious stone. In this work we see how the word loses all meaning, taking only the image of a boy named Almaz.

In our study, we try to made to classify the complex names used in the poems of these authors. Our studies have shown that in the vast majority of cases the authors in their works used anthroponyms borrowed from Arabic, Persian, as the names of ancient Turkic origin.

According to our observations, the majority of anthroponyms used in the texts of Sh. Galiyev and R. Minnullin, are the names come from the Arabic language. There are many examples of this. The names used by the author Mahmut / lauded, laudatory/, Nagim/ happy, good –natured/, Ramay – / abbreviated from the name of Ramazan – hot, hot, warm / - came from Arabic.

In the cycle of the poem "Halim, Salim, Masalim" we meet with three boys who are not similar in height and character. The ability to look at the world through such a "three-sided prism", undoubtedly, in the reflection of reality opens up great opportunities for the poet. In images of boys, we see how subtly feels and understands deeply the poet child psychology. And, perhaps, even more important is that he does not put under the hood, does not cherish a fragile child in a greenhouse,

but depicts it in the most natural conditions: in the contradictions of real life, truthfully, vividly and tangibly.

In Soviet times, a lot of words were borrowed from Russian and European languages. One of the manifestations of this phenomenon was that many parents began to give their children names such as Marat, Albina, Larisa, Albert, Regina, Lemar, Yunir, Renas, Kim, Renat, etc.

One group of words consists of one root: Rose, Rubyn, Zemfira, Zarema, Arthur, Yuri, etc.

Another group of words is characterized by the fact that they were abbreviations of different names. After analyzing the works of Sh. Galiev and R. Minnullin, we can state that the authors boldly use in their poems and this group of words Renat /"revolution", "science", "work"/, Rome /"Revolution and peace"/, Kim /"Communist youth international"/, Wil /Vladimir Ilyich Lenin/.

The researchers have repeatedly noted that the functioning of proper names in the text has its own specifics, so the names are an integral part of the form of the work of art, the component of the writer's style, one of the means of creating an artistic image. Onyms can carry a pronounced semantic load, have an unusual sound appearance, and have a hidden associative background. Proper names should be stylistically correct and accurate, should correspond to the whole spirit, idea, goals of the work, should carry a characteristic color, and sometimes some special meaning, a special meaning in which the author's idea is concentrated, expressed.

Our analysis showed that anthroponyms in the texts of poets are very diverse. Real and unreal proper names organically and motivated flow into the system of linguistic means of poetic texts, participate in the creation of a common imagery of works, and vividly draw a panorama of the surrounding reality. All this allows us to speak about the high degree of erudition of the author, a wide range of interests, the scale of the philosophical outlook. Choosing a certain onomastic material for the construction of his texts, the author thereby embodies a special onomastic picture of the world. Each anthroponym, each model takes its place, creating a holistic perception of the poetic space. Views on the use of linguistic means in works

of art, on the relationship of speech and literary style, on the functioning of speech means in the text of works of art, made it possible to understand the psychology of poets, the perception and understanding of language material, to establish that the phenomenon of language and speech are considered in combination with linguistic, poetic points of view, as well as taking into account historical conditions and national mentality.

Thus, it can be concluded that in the literary text anthroponyms can nominate its actors, and these actors can be both a figment of the author's imagination and actually existing historical characters; most of the anthroponyms in the poems are etymologically "speaking", that is, semantically marked.

In our study, it was found that Sh. Galiyev and R. Minnullin prefer the names come from the Arabic language. Perhaps this is due to the fact that such names are convenient to combine with different common names. And it should be noted, both authors are deeply national Tatar poets, and their poems in most cases are intended for Tatar-speaking readers.

Литература

1. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. Москва, 1987. С.54–56.
2. Салимов Х.Х. Просодическая система татарского языка. Автореф....дисс. докт. филол. наук. /Х.Х. Салимов. Казанью 1999.
3. Самтаров, Г.Ф. Атамалар дөн'ясына сәяхәт. Казан: ТКН, 1994. 240 б.
4. Самтаров Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? Казан': «Раннур». 1998.
5. Супранская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

References

1. Mihajlov, V. N. (1987). *Ehkspressivnyye svojstva i funkcii sobstvennyh imen v russkoj literature* [Expressive properties and functions of proper names in Russian literature] / V. N. Mihajlov // *Filologicheskie nauki. Moskva, 1987. S.54-56.* (In Russian)

2. Salimov, H. H. (1999). *Prosodicheskaya sistema tatarskogo yazyka* [Prosodic system of the Tatar language]. Avtoref....diss. dokt. filol. nauk. Kazan'. (In Russian)

3. Sattarov, G. F. (1994). *Atamalar dən'yasyna səyahət* [Journey to the world of names]. Kazan: TKN. 240 b. (In Tatar)

4. Sattarov, G. F. (1998). *Tatar isemnəre ni səili?* [What do Tatar names say?]. Kazan': «Rannur». (In Tatar)

5. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. M.: Nauka. (In Russian)

Авторы публикации

Буренкова Ольга Михайловна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский инновационный университет
имени В.Г.Тимирязова (ИЭУП)
E-mail: chelnyola@mail.ru

Хамитова Ландыш Мударисовна –
кандидат филологических наук,
Казанский инновационный университет
имени В.Г.Тимирязова (ИЭУП)
E-mail: lan-khamitova@yandex.ru

Authors of the publication

Burenkova Olga Mikhailovna –
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
Kazan innovative university
named after V. G Timiryasov (IEML)
E-mail: chelnyola@mail.ru

Khamitova Landysh Mudarisova –
Candidate of Philological Sciences,
Kazan innovative university
named after V. G Timiryasov (IEML)
E-mail: lan-khamitova@yandex.ru

**Поступила в редакцию 05.05.2019.
Принята к публикации 19.05.2019.**

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81

TÜRK DİLİ ÖRNEĞİNDE İLETİŞİM ODAKLI ÖĞRETİM

V.I. Basharan, E.K. Khabibullina

vinercik@gmail.com

Kazan Federal Üniversitesi, Kazan, Rusya

Özet. Makale, yabancı dil öğreniminde, özellikle de Türk dilini öğrenen öğrencilerde iletişim ve konuşma becerilerini geliştirmek için kullanılan temel yön ve teknikleri incelenmektedir. Öğrencinin eğitim yönüne dayanarak, aktif etkileşim ve iletişim, motivasyon, bilgilendirme, yenilik ve malzeme seçimi, özellikle öğrenme ve iletişim becerileri sürecinin önemli bileşenlerdendir. Aynı zamanda, geleneksel yöntemlerin yanı sıra konuşma becerilerinin hangi yöntemlerle en etkili şekilde geliştirilebileceği araştırılmaktadır. Yabancı dilin öğrenimi, sadece iletişim sürecinde başarılı bir şekilde ilerlemektedir. İletişim odaklı öğretim, hem Rusya hem de yurtdışında araştırma, iyileştirme ve yabancı dil öğretimi uygulamalarında geliştirme konusudur. Makalede yabancı ve Rus dil uzmanlarının araştırmalarına yer verilmektedir.

Anahtar kelimeler: yabancı dil, Türkçe, geleneksel yöntemler, iletişim becerileri, dil öğrenme

Alıntı için: Basharan V.I., Khabibullina E.K. Türk dili örneğinde iletişim odaklı öğretim. *Kazan Lingvistik Dergisi*. 2019. 2 (2): 123–129.

COMMUNICATIVE ORIENTATION OF THE COURSE IN TURKISH LANGUAGE

V.I. Basharan, E.K. Khabibullina

vinercik@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article examines the basic methods and techniques used to improve communication skills of the students learning Turkish language. Based on the student's educational orientation; active interaction and communication, motivation, information, innovation and selection of materials especially learning and communication skills are important components of the

process. What methods are the most effective development of speech skills is studied. The learning of foreign language is successful only with the using of communication process. Communication-oriented teaching is the theme of research, improvement and foreign language teaching applications development both in Russia and abroad. The researches of foreign and Russian language experts are included.

Keywords: Turkish language, traditional methods, communication skills, innovative technologies

For citation: Basharan V.I., Khabibullina E.K. Communicative orientation of the course in Turkish language. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 123–129. (In Turk)

Yirmi birinci yüzyılda aktif olarak gelişen iletişim, yabancı dil kullanım ihtiyacına yol açtı. Aynı zamanda, küresel dünyada kullanım ve okul ve yüksek öğretim kurumlarında öğrenimi açısından ilk sırada yer alan İngilizcenin yanı sıra doğu dilleri de yüksek öğrenim sistemine ve hatta okullara da aktif olarak nüfuz etmekte. Buna rağmen, eğitim sisteminde ve dünya çapında büyük önem taşıyan bu alanda, doğu dillerin kullanım seviyesinde arzu edilen hedeflere ulaştığımızı söylemek hala güçtür. Dil, bilginin korunması ve aktarılması açısından tüm insanlığın mirası olup önemini korumaktadır. Tüm insanlık için önemini koruyan bilgilerin kullanımı ve incelenmesi de dilden geçer ve bu doğrudan yabancı dil ile ilişkilidir [2]. Çoğu zaman, yabancı dillerin öğretimi, dilbilgisine yönelik olup dilin gramer yapısını öğrenmek dili öğrenmeye eşit tutulmaktadır. Aynı zamanda, dil öğreniminin sadece dilbilgisi temellerinin mekanik olarak iletilmesi olmaması, aksine motivasyonun yükseltilmesi, pratik becerinin kullanımı, yabancı dil öğreniminin daha hızlı olmasını teşvik edecek bir eğitim sürecinin organizasyonu olması gerektiği göz ardı edilmektedir. Birçok dil bilimcisi, örneğin, Kolşanskiy [3], Hasanşina [6] ve diğerleri dil öğreniminin çoğunlukla pratik kısmına, yani konuşma temeline dayanması gerektiğine inanmaktalar. Kuşkusuz, bunun yanı sıra öğrencilerin, işlenen hataların toleranslı ve doğal olarak kabul edileceği ve öğrenmekten zevk alacakları bir öğrenim ortamının oluşturulması gerekir.

Kolşanskiy, çalışmasında, ayrı kelimeleri ve hatta cümleleri bilmenin bir iletişim aracı olarak, dili bilgisini göstermeyeceğini, burada gerçek diyaloga katılma yeteneği daha önemli bir rol oynayacağını belirtmektedir [3, s.13]. Eğitim uygulamalarında kullanılan teknikler birkaç gruba ayrılabilir: 1. Kelime ve dilbilgisi

yöntemi. Çoğu yüksek öğretim kurumu, eğitimin temeli olarak bu tekniği uygulamaktadır. Burada dil öğrenimi, kelime öğrenimi, dilbilgisi, kendi cümlelerin kurulması, çeviri vb. temellere dayanmaktadır. 2. İletişimsel yöntem. Sadece okuma ve dilbilgisi değil, yabancı dilde konuşma ve etkileşim kullanıldığında da popüler olan bu yöntem günümüzde de sıkça uygulanmaktadır. 3. Yabancı dil eğitiminde sadece öğrenilen dilde eğitim alınması okul ya da üniversitelerde çok uygulanabilir bir yöntem değil. Bu durum yabancı öğretmenlerin katılımıyla yeni bir seviyeye yükselmiş bulunmaktadır. 4. Metinlerin dinlenmesi, tekrarlanması, dinlenen metinlerin analizi üzerine kurulu dil duyumsal yöntem, tüm insanların işitme algısı iyi gelişmediğinden herkes için uygun olmayabilir. Yukarıda yer alan bu bazı örneklerden de görülebileceği gibi, yabancı dil öğretiminde çok farklı yöntemler kullanılır, ancak günümüzde hangisinin uygulamada en etkili ve başarılı olduğunu söylemek zordur. Yukarıda bahsi geçen tüm yabancı dil öğrenme yöntemleri, belirli görevleri çözmeyi amaçlamaktadır. Türk dilini öğrenirken aktif olarak internet kaynakları kullanılmaktadır. Bu kaynaklar, Türkçe seviyeyi ölçme, çeşitli becerileri geliştirme, kelimeleri öğrenme, ilgili bilgiyi bulma, Türk kültürü hakkında bilgi toplama konusunda yardımcı olmaktadır. Açı ve Lanskih araştırmalarında Türk dili öğreniminde yardımcı olan internet kaynaklarını ayrıntılı olarak incelemekteler. Bu araştırmacılara göre, “Türkçe çevrimiçi” web-sitesinde metnin eşliğinde popüler Türk şarkılarını dinleme imkânı çok ilgi çekicidir. Lanskih ve Açı’ya göre, şarkı ve video kısımları bir dili öğrenmek isteyenler için her zaman en popülerdir [1]. Ancak, böyle bir tekniğin öz disiplin ve üst düzey motivasyonu gerektirdiğini göz önünde bulundurmak gerekir. İletişim becerileri yalnızca iletişimsel bir öğrenme yöntemi kullanılarak geliştirilebilir.

Türk dili eğitimi sadece dil öğrenimini değil, aynı zamanda kültür, edebiyat, tarih ve diğer konuların öğrenilmesini kapsamaktadır. Bu nedenle, bu alanda uzmanların hazırlanmasında ders kitapları, derslerde kullanılan metinler de oldukça büyük önem taşımaktadır. Türk dili açısından, eğitim, Osmanlı İmparatorluğu, Türkiye Cumhuriyeti, tarihi gibi konularla iç içe gelişmektedir. Örneğin, uluslararası ilişkiler uzmanı olacak öğrenciler, siyasi metinleri okumalı, analiz edebilmeli, ilgili

konuyla görüşlerini ifade edebilmelidir. İletişim yöntemleri, öğrencilerin konuşma korkularını yenmeleri ve aşmaları için önem taşımaktadır. Molodih-Nagayeva ve Çuvilskaya'ya göre, “bir öğrencinin yabancı dil öğrenimi için motivasyonu ne kadar yüksekse, “küresel diyalogun” etkinliği de o kadar yüksektir [4, s.1]. Motivasyon, hem iç (kariyer), hem de dış (teşvik, rekabet) olabilir, hem öğretmenler hem de öğrenciler motivasyon taşıyıcıları olabilir ve motivasyon hedefleri hem uzun hem de kısa vadeli olabilir [4].

Motivasyon eksikliği öğrenme sürecini olumsuz etkilemekte, bu nedenle öğrencilerin ilgilerini uyandırmak, her sözel alıştırmanın bir anlam ve mantığı içermesi çok önemlidir. Eğitim sürecinin bir hedefe yönelik olması, yabancı dil öğrenme sürecinde iletişim yöntemlerinin önemli bir parçasıdır. Derste belirlenen hedeflere bağlı olarak, yeni bir konuyu öğrenme, eski konuyu çalıştırma, konuşma becerileri geliştirme gibi konular söz konusudur. Kullanılan alıştırmalar konuşma becerileri ile kelime bilgisi, gramer bilgisini bir araya getirilmesi için planlanmalıdır. Bunlar arasında: rol oyunları, proje, diyalog oluşturma ve başkaları olabilir. Örneğin, uluslararası ilişkiler bölümünün öğrencileri için «Türk Dili» kursunda, her öğrencinin öğretmen tarafından önerildiği gibi belirli bir konuyu seçmesiyle Türk Cumhuriyeti'nin dış politika konularının etkili bir şekilde kullanılması oldukça büyük önem taşımaktadır. Her öğrenci Rus-Türk ilişkileri, İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye, Türk Cumhuriyeti'nin enerji ve ulusal güvenliği gibi ya da kendi tarafından seçilen konularda bir proje ya da araştırma yapmalılar; bu tez çalışmalarına benzer bir konu da olabilir. Dönem ya da öğretim yılı sonunda seçilen bir konu üzerinde bir sunum yapılır. Bu öğrenci için ilginç bir konuda bilgisini derinleştirmesi ve grup içerisinde konuyu paylaşarak birlikte konuşulması için imkân sağlamaktadır.

Herkesin eşit olduğu bir iletişim ortamının oluşturulması, sınırlı sürenin etkin bir şekilde kullanılmasına olanak tanır. Öğrencileri görevi tamamlamak için küçük gruplara ayırmak ve daha sonra öğretmenle yapılan çalışmayı konuşmak iletişim yaklaşımı açısından gereklidir. Bu nedenle, dil araçları ve gramer yapıları doğrudan konuşmada kullanıldığından bir diyalog ortamı yaratılmış olur. Jacobs ve Farrell, çalışmalarında yabancı dil öğretmenlerinin yabancı dil öğretimi sırasında, öğrencinin

bağımsızlığı, öğrenmenin sosyal doğası, çeşitlilik, düşünme yeteneği, alternatif değerlendirme, anlamada konsantrasyon vb. özelliklere dikkat etmeleri gerektiğini vurgulamaktalar. Araştırmacılara göre, bu uygulamalara dayalı yöntemler yabancı dil öğretimini etkileyecektir [7]. “Kimseye hiçbir zaman dilin öğretilmeyeceğini, dilin sadece öğrenilebileceğini” savunan Passov, iletişim teorisini geliştirmiştir. Konuşma ve düşünme aktiviteleri, bireyleşme, durumsallık, fonksiyonluk, yenilik gibi bu teorinin temelleri, “İletişim teorisinin temelleri ve yabancı dil eğitiminin teknolojisi» kitabında yer almıştır [5].

Passov'a göre, “yabancı dil eğitiminin süreci, yabancı dünya ve yerli kültür dünyası gibi iki dünyanın diyalogunda gerçekleşir”. Burada sadece yabancı dili öğrenirken insanın ana dili özelliklerini daha iyi anladığı, ana dilinin mekanizmalarını daha iyi kavradığı, filolojik ufku genişlediği gibi geleneksel konular söz konusu değildir. Daha da önemlisi, yabancı kültürün ayrılmaz bir parçası olarak yabancı dili kendi kültürü ile bir diyalog şeklinde öğrenerek öğrenci, diğer kültürleri de kendi dilinde düşünecek ve anlayacaktır... Ancak o zaman kültür diyalogunun asimilasyonu mümkündür” [5, s. 34]. Bu nedenle, konuşma faaliyeti, yabancı dil öğrenmenin amacı ve aracı olarak hareket eder ve iletişim sürecinde, dil bilgisinin en etkili asimilasyonu ve konuşma becerilerinin geliştirilmesi sağlanır. İletişimsel yaklaşımlar ve doğu dil öğrenme yöntemleri, modern ve bilgilendirici materyalin kullanımını gerektirmektedir; bu, eğitim düzeyini, öğrencilerin gelişimini etkileyen dersin etkinliğinin önemli koşullarından biridir. Yabancı dil öğretimi (fonetik, dilbilgisi, kelime bilgisi, vb.) sırasında öğrencilerle farklı konularda konuşma düzenlenmeli, iletişim kurulmalı, kültür ve gelenek gibi önemli konular derslere dahil edilmeli, dersler daha çok yabancı dilde yapılmalı ve her öğrencinin konuşma sürecine katılma fırsatı tanıyabilmelidir.

Литература

1. *Ачан Н. М.* Использование возможностей сети Интернета при изучении турецкого языка / Н. М. Ачан, М. Л. Ланских // Уральское

востоковедение: международный альманах. Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], Вып. 6. 2015. С. 261-269.

2. *Гукова Е.* Деятельность ЮНЕСКО по сохранению языкового разнообразия. Документальный аспект // URL://<http://mgs.org.ru/2013/12/gukova/> (accessed: 01.12.2013).

3. *Колианский Г. В.* Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения. // Иностранные языки в школе. № 1. 1985. С. 10–14.

4. Молодых-Нагаева Е.Г., Чувильская Е.А. Иностранный язык в неязыковом вузе: как мотивировать студента? // Современные проблемы науки и образования. №5. 2014. С. 80-90.

5. *Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.* Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного, Москва. 2010.

6. *Хасаншина Р.Г.* О некоторых аспектах обучения говорению студентов неязыковых вузов [Текст] / Р. Г. Хасаншина // Вестн. ТИСБИ. Казан, № 2. 2005. С 142–154.

7. *Jacobs G., Farrell T.* Understanding and Implementing the CLT (Communicative Language Teaching) Paradigm [Электронный ресурс] / RELC Journal, 34.1, Singapore, 2003. // URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/003368820303400102> (accessed: 13.12.2016). Pp.6-30.

References

1. Achan, N. M. (2015). *Ispol'zovanie vozmozhnostej seti Interneta pri izuchenii tureckogo yazyka* [Using the power of the Internet when learning Turkish] / N. M. Achan, M. L. Lanskih // Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyj al'manah. Ekaterinburg: [Izd-vo Ural. un-ta], Vyp. 6. S. 261 – 269. (In Russian)

2. Gukova, E. *Deyatel'nost' YUNESKO po sohraneniyu yazykovogo raznoobraziya. Dokumental'nyj aspekt* [UNESCO action to preserve linguistic diversity. Documentary aspect] // URL://<http://mgs.org.ru/2013/12/gukova/> (accessed: 01.12.2013). (In Russian)

3. Hasanshina, R. G. (2005). *O nekotoryh aspektah obucheniya govoreniiyu studentov neyazykovykh vuzov* [On some aspects of teaching non-linguistic students to speak] / R. G. Hasanshina // Vestn. TISBI. – Kazan, № 2, s 142–154. (In Russian)
4. Jacobs, G., Farrell, T. (2003). *Understanding and Implementing the CLT (Communicative Language Teaching) Paradigm* / RELC Journal, 34.1, Singapore. // URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/003368820303400102> (accessed: 13.12.2016). Pp.6–30. (In English)
5. Kolshanskij, G. V. (1985). *Lingvokommunikativnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Linguocommunicative aspects of speech communication] // Inostrannye yazyki v shkole. № 1. S. 10–14. (In Russian)
6. Molodyh-Nagaeva, E. G., CHuvil'skaya, E. A. (2014). *Inostrannyj yazyk v neyazykovom vuze: kak motivirovat'studenta?* [Foreign language in a non-linguistic university: how to motivate a student?] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. №5. S. 80–90. (In Russian)
7. Passov, E.I., Kuzovleva, N.E. (2010). *Osnovy kommunikativnoj teorii i tekhnologii inoyazychnogo obrazovaniya* [Basics of communication theory and technology of foreign language education.]. Metodicheskoe posobie dlya prepodavatelej russkogo yazyka kak inostrannogo. Moskva. (In Russian)

Makale yazari

Basharan Venera İlmirovna –
Assistan
Altay bilimleri ve Sinoloji Bölümü
Kazan (İdil bölgesi) Federal Üniversitesi
E-mail: vinercik@gmail.com
Khabibullina Elmira Kamilevna –
Filoloji Bilimi Doçtoru
Kazan (İdil bölgesi) Federal Üniversitesi
E-mail: minabova@mail.ru

Author of the publication

Basharan Venera İlmirovna –
Assistant
Kazan Federal University
E-mail: vinercik@gmail.com
Khabibullina Elmira Kamilevna –
Candidate of Philology
Kazan Federal University
E-mail: minabova@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2019.
Принята к публикации 25.05.2019.

**ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ**

Д. Бидеркесен

durdubiderkesen@gmail.com

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Проблема изучения определительных словосочетаний с именами существительными является актуальной в методике преподавания турецкого языка для русскоязычной аудитории. Цель данной статьи – проследить онтологию проблемы определительных словосочетаний и сравнить общие результаты настоящего исследования с ранее полученными по этой теме. Изучив имеющиеся работы по теме, мы заметили, что лингвисты, занимающиеся исследованием турецкого языка, разделились на два направления, принимая за основу две разные классификации. Автор приходит к следующим выводам; во-первых, обсуждение определительных словосочетаний является одной из главных трудностей в преподавании турецкого языка русскоязычной аудитории, а во-вторых, в основе данной проблемы лежит различие в грамматическом строе турецкого и русского языков. В статье также определены наиболее важные векторы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: актуальные проблемы преподавания турецкого языка, турецкий язык как иностранный, преподавание турецкого языка, проблема определительных словосочетаний.

Для цитирования: Бидеркесен Д. Проблема изучения определительных словосочетаний в преподавании турецкого языка для русскоязычной аудитории. *Казанский лингвистический журнал*. 2019. 2 (2): 130–144. (In Russ)

YABANCILARA TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE TAKISIZ AD TAMLAMASI SORUNU

D. Biderkesen

durdubiderkesen@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The problem of learning compound nouns on teaching Turkish to Russian-speaking audiences is the subject of research. The discussion of compound nouns is one of the topical topics of the Turkish language, which continues from the past to the present day. This problem brings some difficulties on teaching Turkish for foreigners. The purpose of this article is to investigate the historical development of the process of the emergence of noun sentences and to classify the overall results by comparing them with earlier studies on this topic. We researched earlier studies and noticed that linguists who study the compound nouns of the Turkish language are divided two different groups, so appear two different classifications. The following results were founded in this article: first reason of difficulties learning Turkish language is the discussion of third type of compound nouns, second - the grammatical differences between Turkish and Russian languages. The article also provides a historical overview of the compound nouns, which is not limited by this article, and will be continued in subsequent studies.

Keywords: actual problems of Turkish, Turkish as a foreign language, problems of teaching the Turkish language, problem of learning compound nouns

For citation: Biderkesen D. Yabancılarla Türkçe öğretiminde takısız ad tamlaması sorunu. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 130–144. (In Turk)

Giriş. Takısız ad tamlaması tartışması Türkçenin güncel sorunlarından biridir. Konu üzerine son yıllarda çeşitli çalışmalar yapılmakla birlikte, tartışma henüz tam anlamıyla bir netlik kazanamamıştır. Bu durum Türkçenin yabancı dil olarak öğretilmesinde bir takım sorunları da beraberinde getirmektedir. Bu çalışmada takısız ad tamlaması tartışmasını ve ana dili Rusça olan öğrencilere ad tamlamaları öğretiminde karşılaşılan sorunları ele alacağız. Araştırmada karşıtsal dil bilim yaklaşımı kullanılmıştır. Bu yaklaşım kaynak dil ile hedef dilin arasındaki biçimbirim, sözcük, söz öbeği, olmak üzere dil dizgesinin farklı seviyelerini kıyaslamaya ve sorunların sebeplerini açığa çıkarmaya yardımcı olacaktır. İlk olarak

Türkçede takısız ad tamlaması sorununun ne olduğuna ve tarihi gelişimine bakmakta fayda vardır.

1. Takısız Ad Tamlaması Sorunu Tarihi Gelişimi

Öteden beri okul kitaplarına kaynaklık eden T. N. Gencan, *Dilbilgisi-1966* kitabında ad “tamlama” yerine “takım” kelimesini kullanmaktadır ve bunları takı alışlarına göre üç gruba ayırmaktadır. Bu gruplara ise şöyle örnekler: *1. Sevim’in kalemi, 2. Yazı kalemi, 3. Altın kalem* vermektedir; Yine aynı kitapta *altın kalem, mermer saray, demir çubuk, tunç bilek, bakır kap, yün çorap, taş yürek, tahta sandık, taş köprü, altın yüzük, keten gömlek, çelik irade* [Gencan, p. 110] gibi tamlamaların üçüncü grup içinde olduğunu savunur. Üçüncü grubu, tamlamayı oluşturan iki sözcüğün de isim olması ve takı almaması sebebi ile takısız ad takımı olarak adlandırır. Gencan anlam bakımından bunları iki gruba ayırmaktadır;

1. Tamlayan tamlananın materyali hakkında bilgi verir. Örneğin; *Mermer saray, kerpiç duvar, ipek entari, tahta sandık, lastik top, taş köprü, bakır mangal, keten gömlek.* 2. Tamlayan tamlananın neye benzediğini gösterir. Örneğin; *Aslan asker, tunç bilek, taş yürek, tilki çocuk, sırma saç, demir pençe, çelik irade.*

Gencan bu tür tamlamaları takısız olarak adlandırarak bu tamlamaları aynı yapıda olan sıfat tamlamalarından ayırmakta ve ad tamlaması saymaktadır. J. Deny [1941], A. C. Emre [1945] ve S. S. Mayzel [1958] gibi isimler de bu tür tamlamaları daha önce tarihte ad tamlaması olarak değerlendirseler de Gencan tartışmanın Türkiye’deki önde gelen temsilcisidir. Gencan [1969]’dan sonraki süreçteki yapılan çalışmalarda iki farklı görüş, iki ayrı grup ortaya çıktığı açıkça gözlemlenmektedir.

1.1 İsim Tamlaması Görüşündekiler/Sıfat Tamlaması Olmadığını Savunanlar.

Hatipoğlu [1972], Eryaşar [1995], Bolulu [1995], Çam Öneren [1995], Yavuz [2000], Atabay [2003] gibi isimler çalışmalarında bu tür tamlamaları sıfat tamlaması olmadığını savunarak Gencan ile aynı görüşü savunmaktadırlar. Bahsi geçen araştırmacıların ad tamlaması kabul etmelerindeki dayanak noktalarına ve verdikleri örneklere bakacak olursak;

Kılıçoğlu *Bahçe-kapı*, *Kadı-köy* gibi yapıların iki addan oluşan birlikler olduğunu savunarak, bunların *Kadı-köyü*, *Bahçe-kapısı* [Kılıçoğlu: 1954] olarak düzeltilmemesi gerektiğini söylemektedir. Dil bilgisi yazarı, bu birliklerdeki tamlanan sözcüklere ekler getirerek onları belirtisiz ad tamlaması haline getirmemelidir. Bu tür birliklerin sadece sıfat tamlaması olarak düşünülmesine değil aynı zamanda ekler getirilerek farklı tamlamalara dönüştürülmesine de karşı çıkmaktadır. Kılıçoğluna, *birlikler eğer bu hâllerleriyle dilde kullanılıyorsa ona göre bir sınıflama yapılmalıdır, dil bilgisi yazarı dile müdahale edemez, yön veremez. Dili inceleyen biri olarak dilci dilden önce değil, sonra gelmelidir* [Kılıçoğlu: 1954] demektedir.

Çam Öneren ise *taş köprü*: taştan yapılmış köprü biçiminde açıldığında, *-dan yapılmış* yani sıfat yapan biçimin düştüğünü, ad olan *taş* sözcüğünün tamlamada aynen kaldığını dolayısıyla takısız iki kelimenin yan yana gerek ad tamlaması oluşturduğunu savunmaktadır. [Çam-Öneren 1995].

Yavuz, *demir kapı* ve *yün çorap* dizilerinde ilk öğeler sıfat olamaz çünkü araya sıfat girememektedir *demir büyük kapı*, *yün yeni çorap* [Yavuz 2000] der.

Eryaşar' a göre sıfat tamlamasında sıfatlar derecelendirilebilir: *güzel kız / en güzel kız* fakat adlar derecelendirilemez *cam bardak / *daha cam bardak* [Eryaşar 1995]. Bu nedenle sıfat tamlaması denemez.

Bolulu'ya göre sıfat tamlamalarının olumsuz anlama getirilebilir, takısız tamlamalar ise getirilemez. Örnekleri: *iyi iş / kötü iş*, *ak gün / kara gün*. *Cam kavanoz / ?* Bolulu yine aynı çalışmasında, takısız tamlamalarda *-dan* eki gelince anlam bozulmaz, sıfat tamlamasında bozulur demektedir ve şu örnekleri göstermektedir: *Yün kazak / *yünden kazak*; *Güzel kız / *güzelden kız* [Bolulu 1995].

1.2. Sıfat Tamlaması Görüşündekiler/İsim Tamlaması Olmadığını Savunanlar.

Öte yandan söz konusu yapıları Kamadan [1969], Güveli [1969, 1970], Şimşek [1987], Kükey [1975], Harut [1992], Türkseven [1994, 1995], Zülfikar [1995], Kahraman [1995], Balcı [1995, 2001], Korkmaz [2003], Kültürel [2009] gibi isimler çalışmalarında takısız ad tamlaması olarak kabul etmemektedirler ve sıfat

tamlaması olduğunu savunmaktadırlar. Sıfat tamlaması görüşünü savunan araştırmacıların savundukları görüşlere bakacak olursak;

Zülfikar' a göre *taş köprü* dizilişi *taştan yapılmış köprü* olarak açılabilir. -miş sıfat fiil ekli grup *köprü*ü niteleyen bir sıfattır. Bu durumda *taş köprü* bir kısaltılmış biçim olarak sıfat tamlamasıdır [Zülfikar 1995]. Karahan' da *demir kapı, cam bardak, mermer köşk, gümüş kemer* gibi tamlamaları, *demirden yapılmış kapı, camdan yapılmış bardak* şeklinde genişletilebileceğini söyler [Karahan: 1999].

Bu konuda Balcı ise ... *ceket / Ceket ... (dir)* örneğini verir. Burada iki boşluktan birini doldurma özelliği olan kelimeleri sıfat olarak kabul eder ve deri ve sarı kelimelerini bu boşluğa getirerek bunların sıfat olduklarını belirtir. *Deri ceket, ceket deridir / sarı ceket, ceket sarıdır*. Ayrıca Balcı, nasıl? sorusuna bu sıfatlar da cevap verebilir, der ve “*Nasıl köprü istiyorsunuz? Geniş / sağlam / asma / tahta köprü istiyoruz* [Balcı: 2001] şeklinde açıklar.

İsim tamlamasında tamlayan-tamlanan ilişkisi vardır ve bu ilişki iyelik ekiyle sağlanır. Bu yapılarda bu ek yoktur bu nedenle ad tamlaması olamaz [Zülfikar 1995; Kahraman 1995; Balcı 1995].

Türkseven, *derecelendirilmeyen sıfatlar da vardır: canlı hayvan, burma bıyık vb. Derecelendirilmeme bunların sıfat tamlaması olduğu gerçeğini değiştirmez* [Türkseven 1995] der.

Genel hatları ile iki grubunda görüşleri ve örneklerini bu şekilde özetleyebiliriz. Tartışmayı devam ettirecek daha fazla materyal bulmak mümkündür keza her araştırmacı karşıt görüşteki düşünceleri eleştirerek geçersiz saymakta ve kendi fikrini beyan ederek örneklerini vermektedir. Bu bağlamda Gencan'ın *Dilbilgisi-1966* kitabını tartışmaların çıkış noktası olarak alacak olursak günümüze kadar yapılmış bütün çalışmalarda birçok görüş ve örnek bulmak hiç de zor olmayacaktır.

Çalışmamızın buraya kadarki bölümünde takısız ad tamlaması sorunu ve tarihi gelişimini analiz etmiş bulunmaktayız. Bundan sonraki bölümde anadili Rusça olan öğrencilere ad tamlamaları öğretiminde karşılaşılan sorunları karşıtsal dil bilim yaklaşımı ile ele alacağız. *Karşıtsal dilbilim iki ya da daha fazla dilin farklılık ve*

benzerliklerini belirlemek amacıyla karşılaştırılmasını inceleyen uygulamalı dilbilimin bir alt kuramıdır [Fisiak, 1980: 1]. Bu yaklaşım kaynak (ana) dil ile hedef (erek) dilin arasındaki biçimbirim, sözcük, söz öbeği, olmak üzere dil dizgesinin farklı seviyelerini kıyaslamaya ve sorunların sebeplerini açığa çıkarmaya yardımcı olacaktır.

Ana dili Rusça olan öğrencilere Türkçe öğretiminde karşılaşılan ad tamlaması sorunlarının ilk sebebi bu başlık altında incelenen *kelime gruplarının tasnifinde ortaya çıkmaktadır* [Demir, 2007:29]. Ad tamlamaları *belirtili/belirli; belirtisiz/belirsiz; zincirleme ad tamlamaları* olarak tasnif edilmiştir. Fakat başta Gencan olmak üzere yukarıda da bahsettiğimiz dil bilgisi yazarları kaynaklarında *takısız ad tamlaması/takımı*'nı da bu tasnife dâhil ederek iki eksiz adla kurulan birliklerin Türkçede geçmişten beri var olduğunu *ötüken yış, kömür tag, tabgaç kagan* Hatipoğlu [1972: 18-20], Adams [1981-79: 33-34], Şirin User [2012: 259-260] örnekleriyle göstererek böyle kabul edilmesi gerektiğini savunmaktadırlar.

İkinci sebep ise dil yapılarının farklılıklarından kaynaklanmaktadır. Yabancı dil öğreniminde ana dilin önemi çok büyüktür. Dil bilinci anadil aracılığıyla kazanılır, bir dil bilinci olmadan yabancı dil öğrenmek devamında başarısızlık getirecektir. Yabancı dil öğrenen kişi bilinçli ya da bilinçsiz olarak öğrenmek üzere olduğu hedef dildeki verileri alır, anadilde edindiği alışkanlıklar doğrultusunda analiz eder ve çıkan yeni bilgileri sentezleyerek öğrenme sürecini tamamlamış olur. Hedef dildeki veriler, anadilde de mevcutsa öğrenme süreci hızlanacak aksi takdirde süreç uzayacak ve zorlaşacaktır. Türkçe ve Rusça farklı dil gruplarına mensup dillerdir. *Rusça*, Hint-Avrupa dil ailesinin (*Индоевропейская языковая семья*), Slav Dilleri grubunun (*Славянская группа*), Doğu Slav Dilleri alt grubundan (*восточная подгруппа*) gelmektedir. Türkçe ise Ural – Altay dil ailesinin (*Урало-алтайская языковая семья*), Altay Dilleri grubunun (*Алтайская группа*), Türk Dilleri alt grubundan (*Подгруппа тюркских языков*) gelmektedir. Bu sebeple iki dil arasında yapısal olarak önemli farklılıklar bulunmaktadır. Bu farklılıklar yabancı dil öğretimi ve öğreniminde bir takım sorun ve zorlukları beraberinde getirmektedir. Bahsi geçen konulara Türkçede ve Rusçada bakacak olursak;

Ad tamlamaları iki ad kökenli kelimenin yan yana gelerek yeni bir anlam meydana getirmesi ile oluşturduğu kalıplardır. Tamlayana gelen “-*ın, -in, -un, -ün, -[n]ın, -[n]in, -[n]un, -[n]ün.*” eklerine ilgi, tamlanana gelen “-*ı, -i, -u, -ü, -[s]ı, -[s]i, -[s]u, -[s]ü*” eklerine ise iyelik ekleri olarak adlandırılmaktadır” [MEB, 2007:72].

Ad	+	Ad
[Tamlayan]		[Tamlanan]
İlgi ekleri: <i>-[n], -ın, -in, -un, ün</i>		İyelik ekleri: <i>-[s], -ı, -i, -u, ü</i>

Ad tamlamaları bazı kaynaklarda *ek alışlarına göre* [Gencan,1969:101, [Karahan, 1999: 14], bazı kaynaklarda ise, *tamlayan unsurun belirlilik – belirsizlik, kalıcılık – geçicilik* [Güzel, Yıldız, Özsoy, Yontar, Tonka, 1995:182] özelliklerine göre ayrılmaktadır. *Belirtili / belirli ve belirtisiz / belirsiz sözcükleri, tamlamanın ifade ettiği anlama bakılarak seçilmiş terimlerdir* [Demir, 2007:34]. Zincirleme ve takısız sözcüklerinin ise morfolojik özelliklere, ek alışlarına bakılarak seçilmiş olduğunu söyleyebiliriz.

Belirtili / belirli ad tamlaması: “Tamlayanı belirli, fakat geçici olan yani tamlanan unsurun bir bakıma niteleyici bir fonksiyon icra etmediği ad tamlaması” Güzel, Yıldız, Özsoy, Yontar, Tonka, 1995:182] veya “hem tamlayanın hem de tamlananın ek aldığı ad tamlaması olarak tanımlanmaktadır”[Demir, 2007:34]. Bu tür tamlamaların varlığını bütün dil bilgisi yazarları kabul etmektedir. Bazı kaynaklarda bu tamlamalar belirtili / belirli “ad tamlaması” veya “isim tamlaması”[Karahan, 1999:13], bazı kaynaklarda “ad takım”[Gencan, 2001:185], bazılarında ise “iyelik ardılı”[Adalı,1979:70] olarak adlandırılmaktadırlar. S. S. Mayzel, 1944 yılında yaptığı “*Изафет в турском* [Türk Dilinde İzâfet]” başlıklı doktora tezinde belirtili isim tamlamasına “birinci nev’i izâfet” [Mayzel 58] adını vermiştir.

“*Sınıf-ın tahta-sı, ev-in kapı-sı, okul-un müdür-ü, devlet-in başkan-ı, Ahmet-in telefon-u*” örnekleri gösterilebilir.

Belirtisiz / belirsiz ad tamlaması: Tamlayanın ek almadığı, tamlananın ise iyelik eklerinden birini aldığı tamlamalara denir. Bu türün varlığı da bütün dilbilgisi

yazarları tarafından kabul edilir. Bu tamlamalar için de yukarıda belirttiğimiz kaynaklarda çeşitli tanımlamalar kullanılmaktadır.

“*Sınıf tahta-sı, ev kapı-sı, okul müdür-ü, devlet başkan-ı*” örnekleri verilebilir.

Zincirleme ad tamlaması: Dil bilgisi kitaplarının çoğunda “zincirleme ad tamlaması” terimiyle karşılanan bu tamlama türü; en az üç sözcüğün yan yana gelerek oluşturdukları tamlamalardır şeklinde tanımlanmaktadır. Tamlamalar belirtili, belirtisiz veya takısız isim tamlamasının başka bir isimle birleşmesiyle veya belirtilen tamlamaların yine aynı türden başka bir tamlama ile birleşmesi ile meydana gelebilir.

“*Sınıf-ın tahta-sı-nın ren[k-g]-i, ev-in kapı-sı-nın kol-u, devlet-in başkan-ı-nın koruma-sı*” örnekleri verilebilir

Takısız ad tamlaması: Tamlamayı oluşturan iki sözcüğün de isim olması ve ek almaması sebebi ile takısız ad takımı olarak adlandırılır. Bu tür kelime grupları, eski dil bilgisi kitaplarında *izafet-i beyaniyye* ve *izâfet-i teşbihiiyye* adıyla *izâfet* [Demir,2007:29] konusunda ele alınıp incelenmiştir Yeni dil bilgisi kitaplarında bu türün ad tamlaması mı, sıfat tamlaması mı olduğu tartışma konusu olmuştur ve birlik sağlanamamıştır. Tartışma üzerine yukarıda detaylı bilgi verilmiştir.

Ad tamlamaları Rusçada *Roditel’nyy Podej* (Родительный падеж) ekleri yardımıyla yapılmaktadır. *Roditel’nyy Podeji* Bostancı ismin –in hali olarak tamınlar [Bostancı, 2014:18]. Ölçüye tabi olan maddeleri belirtir: *бутылка молока, килограмм сахара, ломоть хлеба*; hareketin nesnesini ifade eder: *защита отечества*; bir belirtinin taşıyıcısı ile olan ilişkisi: *мужество солдата*; birleşik yüklemın isim bölümü görevinde kullanılır: *он был нрава тихого*; hareketin uyarıcısını gösterir: *выступление докладчика*; nesnelerin mukayesende kullanılır *мой брат старше меня*; korkulan, kaçınılan, mahrum kalınan nesneyi ifade eder: *бояться собоки, избегать опасности*; istek, dilek, amaç, başarı ifadelerinde: *желать лучшего, достигать цели, добиваться истины*; değer, önem, fiyat, liyakat ifadelerinde: *стоинть внимания, достойный похвалы*; sayılarla, azlık - çokluk bildiren ifadelerle: *четыре брата, мало времени*; yokluk bildiren durumlarda: *его нет дома, у нее не было денег*; olumsuzluk durumlarında: *я не понял вопроса*; iki nesnenin bir biri ile olan ilişkisini, sahipliğini gösterirken: *автор*

романа, хозяин квартиры, директор завода, командир полка, ножка стола, крыша дома, рукава платья, дочка капитана kullanılır.

TABLO 1.

Мужской род [Erkek cins]	-А, -[Я]	<i>Студента</i> <i>Брата</i>
Женский род [Dişi cins]	-Ы, - [И]	<i>Студентки</i> <i>Книги</i>
Средний род [Orta cins]	-А, -[Я]	<i>Окна</i> <i>моря</i>

Yukarıda kullanım alanlarını detaylıca aktardığımız *Roditel'nyu Podej* in tamlayan rolündeki ekleri Türkçedeki ilgi eklerine denk gelmektedir. Bu ekler yardımıyla Türkçede de olduğu gibi ad tamlamaları kurulur. Bu durum ad tamlamasının bütün türleri için geçerli değildir. Belirtili tür tamlamalar ad tamlaması olarak kurulurken, belirtisiz tamlamalar ve takısız tamlamalar ad tamlaması değil sıfat tamlaması olarak kurulur.

Belirtili ad tamlaması

- Yüzbaşının kızı – *дочка капитана* [ad tamlaması]
- Masanın lambası – *лампа стола* [ad tamlaması]
- Kapının kilidi – *замок двери* [ad tamlaması]

Belirtisiz ad tamlaması

- Yüzbaşı kızı – *Капитанская дочка* [sıfat tamlaması]
- Masa lambası – *стольная лампа* [sıfat tamlaması]
- Kapı kilidi – *дверной замок* [sıfat tamlaması]

Takısız ad tamlaması

- Altın yüzük – *золотое кольцо* [sıfat tamlaması]
- Taş köprü – *каменный мост* [sıfat tamlaması]
- keten – gömlek – *льняная рубашка* [sıfat tamlaması]

Zincirleme ad tamlaması [sadece belirtili ad tamlamaları ile kurulan zincirleme ad tamlamaları – ad tamlaması biçimindedir, diğer türlerin oluşturdukları sıfat tamlamasıdır]

- Yüzbaşının kızının elbisesi – *платье дочери капитаны* [ad tamlaması]
- Yüzbaşının kızının elbisesi – *платье дочери капитаны* [sıfat tamlaması]

Ana dili Rusça olan öğrenciler takısız ad tamlaması ve belirtisiz ad tamlamasının, iki ad unsurunun yan yana gelerek tamlayan – tamlanan ilişkisi içinde bir birini niteleyerek ad tamlamaları oluşturması mantığına uymadığını düşünmekte, mantık oturtamamaktadır. Yabancı dil olarak Türkçe öğrenimi sırasında öğrenciler, belirtili ad tamlaması dışındaki tamlamaların Rusçadaki karşılığının ad tamlaması değil sıfat tamlaması olması sebebiyle bir takım sorunlar yaşamaktadır.

Sonuç olarak Türkçede takısız ad tamlaması geçmişten günümüze kadar devam ettiğini, konu üzerine çeşitli çalışmalar yapılsa da henüz bir netliğe kavuşmadığını söyleyebiliriz. Araştırmacı ve kaynaklar arasındaki görüş farklılıkları yabancılara Türkçe öğretiminde bir takım sorunlara sebep olmaktadır. Ana dili Rusça olan öğrencilere Türkçe öğretiminde karşılaşılan ad tamlaması sorunlarının ilk sebebi ad tamlamalarının tasnifinden kaynaklanmaktadır. Bazı araştırmacılar takısız ad tamlamasını tasnife dâhil etmezken, bazı araştırmacılar bu tür yapıların geçmişten beri var olduğunu ve tasnife dâhil edilmesi gerektiğini savunmaktadırlar. İkinci sebep ise, diller arasındaki yapısal farklılıklardan kaynaklanmaktadır. Rusça ve Türkçe farklı dil ailelerine mensup dillerdir ve aralarında önemli ölçüde yapısal farklılıklar bulunmaktadır. Bu durum beraberinde bir takım zorluklar getirmektedir. Türkçede ad tamlamaları tamlayan ve tamlanana eklenen ilgi ve iyelik ekleri yardımıyla yapılmaktadır. Türkçedeki ilgi [*n*] *-in, -in, un, -ün* ekleri Rusçadaki *Roditel'ny Podaj* in tamlayan rolündeki eklerine denk gelmektedir. Bu ekler aracılığıyla kelimeler arasındaki sahiplik bağlantısı gösterilmekte ve ad tamlamaları kurulmaktadır. Bu durum ad tamlamasının bütün türleri için geçerli değildir. Belirtili ad tamlaması dışındaki tamlamaların Rusçadaki karşılığının ad tamlaması değil sıfat tamlaması olduğu görülmektedir. Bu durum Türkçe ve Rusça arasında yapısal olarak önemli farklılıklar olmasından

кайнарланмактадир. Buna ek olarak öğrencilerin bahsi geçen konuları hedef dil ve ana dilde kıyaslayarak yanlış çözümlene yapması, farklı dil bilgisi konuları olduğunu düşünmesi sonucu meydana gelmektedir. Bu bağlamda eğitim faaliyetleri hem belletenler hem de öğrenenler için zorlaşmakta, süreç uzamaktadır.

Литература

1. *Адамс Б.С.* Особенность изафета в Орхонских надписях. Тдай-Беллетен. 1981. 33– 38 с.
2. *Адалы О.* Морфема в Турецком языке. Анкара. ТЛО. 1979. 117 с.
3. *Атабай Н., Озел С., Кутлук И.* Типы слов. Стамбул. Изд. Папатья. 2003. 129 с.
4. *Балджы Е.* Изафеты - проблема определительных словосочетаний имен существительных. Современный турецкий язык. Но.92. 1995. С. 2– 5.
5. *Болулу О.* На турецком языке есть безаффиксный изафет. Анкара. Современный турецкий язык. Но. 88. 1995. С. 33– 36.
6. *Бостанджы Э.* Техники экзамена ТИЯ по русскому языку. Анкара. Каппадокия. 2014. 800 с.
7. *Чам Онерен А.* Определительные словосочетания имен существительных. Анкара. Современный турецкий язык [декабрь]. 1995. С. 20–23.
8. *Чам Онерен.* Безаффиксный изафет. Современный турецкий язык. [Декабрь]. 1995. С. 20– 33.
9. *Денй Ж.* Грамматика Турецкого языка. Перевод. Элёве А. У., 1947. Стамбул. МОУР изд. 1941. 727 с.
10. *Демир ДЖ.* Проблема изучения безаффиксного изафета на турецком языке. Журнал исследований турецкий мир Эгейского университета. Но. 7/1. 2007. С. 21– 54.
11. *Эмре А. ДЖ.* Грамматика турецкого языка. ТЛО. 1945.
12. *Эрйшар С.* Неопределительные словосочетания. Анкара. Современный турецкий язык. Но. 85. 1995. С. 30– 31.

13. *Фисиак Ж.* Теоретические вопросы в контрастивной лингвистике. Амстердам. Бенжаминс. 1980. С. 1.
14. *Генджан Т. Н.* Вопросы языкознания II. Турецкий язык [Июнь]. 1969. С. 231–235.
15. *Гювенли М.* Проблема Неопределительных словосочетаний имен существительных. Турецкий язык [Март]. 1969. С. 835–836.
16. *Хатиноглу В.* Синтаксис турецкого языка. Анкара. ТЛО. 1972. С. 19–20.
17. *Хатиноглу В.* Вопрос о нашем языке. Турецкий язык [сентябрь]. 1954. С. 715–719.
18. *Харут С.* Анкара. Современный турецкий язык, Но. 57. 1992.
19. *Кахраман Т.* Проблема определительных словосочетания. Анкара. Современный турецкий язык [сентябрь]. 1995. С. 17–19.
20. *Кахраман Т.* Грамматика современного турецкого языка. Анкара. 1995. 267 с.
21. *Камадан М.* Проблема грамматики в начальном образовании. Турецкий язык [сентябрь]. 1969. С. 746–751.
22. *Карахан Л.* Синтаксис на турецком языке, Анкара, Акчаг. 1999. 192 с.
23. *Коркмаз Z.* Грамматика турецкого языка. Анкара: Институт турецкого языка. 2003. 192 с.
24. *Кьюкей М.* Синтаксис турецкого языка. Анкара. 1975. 116 с.
25. *Культура С.* Синтаксис Турецкого языка. Стамбул. Изд-Симург. 2009.
26. *Майзель С. С.* Изафет в турецком языке, Введение. Абдулкадир И., Анкара, Тдай-Беллетен. 1958. С. 279-313.
27. МОТР. Учебник по турецкому языку. Стамбул. Изд. Министерство образования турецкой республики.
28. *Шимшек Р.* Турецкий синтаксис. Трабзон. Собственная публикация. 1978. 453 с.
29. *Ширин У. Х.* Примеры политических и военных терминов в древнетюркских надписях. Билиг, Но. 60.2012. С. 257–272.

30. *Тюрксевен А.* Может ли определительные словосочетания - 1. Анкара. Современный турецкий язык [Июль-Август]. 1994. 88 с.

31. *Тюрксевен А.* Может ли определительные словосочетания - 2. Анкара. Современный турецкий язык [Июль]. 1994. С. 43– 45.

32. *Явуз М. А.* Проблема классификации именно-качественных слов в турецком языке. XIII. Документы Лингвистического конгресса. Подготовлено Сумру Озсой-Эзером Э. Тайланом. Стамбул: универ. Богазичи. Изд. 2000. С.93–98.

33. *Зюльфикар Н.* Турецкий язык [Июль]. 1995. С.781 – 788.

References

1. Adams, B. S. (1981). *A Feature of the Izafet in the Orhon Inscriptions*. TDAY-Belleten. Pp. 33– 38.

2. Adalı, O.(1979). *Türkiye Türkçesindeki Biçimbirimler*. Ankara. TDK Yayınları. 117 p.

3. Atabay, N., Özel, S., Kutluk, İ. (2003). *Sözcük Türleri*. İstanbul. Papatya Yayınları. 129 p.

4. Balcı, T. (1995). *Ad Takımı - Sıfat Takımı Sorunu*. Ankara. Dil Derneği Yayınları. Çağdaş Türk Dili. Nr.92. Pp. 5– 7.

5. Bolulu, O. (1995). *Türkçede Takısız Ad Tamlaması Vardır*. Ankara. Dil Derneği Yayınları. Çağdaş Türk Dili. Nr. 88. Pp. 33– 36.

6. Bostancı, E. (2014). *Rusca YDS Sınav Teknikleri*. Ankkara. Kapodokya. 800 p.

7. Çam Öneren, A. (1995). *Ah Şu Takısız Tamlamalar*. Ankara. Dil Derneği Yayınları. Çağdaş Türk Dili [Aralık]. Pp. 20– 23.

8. Deny, J. (1941). *Türk Dili Grameri Osmanlı Türkçesi*. Çeviren. Elöve A. U., 1947. İstanbul: MEB Yayınları. 727 p.

9. Demir, C. (2007). Türkiye Türkçesi Gramerlerinde İsim Tamlaması Sorunu ve Bir Tasnif Denemesi. İzmir. Ege Üniversitesi Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi / Journal of Turkish World Studies. Vol.7. No 1. Pp. 27– 54.

10. Emre, A. C. (1945). *Türk Dilbilgisi*. İstanbul. TDK yayınları.

11. Eryaşar, S. (1995). *Takısız Ad Tamlaması*. Ankara. Dil Derneđi Yayınları. Çađdaş Türk Dili. Vol .85. Pp. 30– 31.
12. Fisiak, J. (1980). *Theoretical Issues in Contrastive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins. P. 1.
13. Gencan, T. N. (1969). *Dilbilgisi Sorunları II*. Türk Dili [Haziran]. Pp. 231 – 235.
14. Güvenli, M. (1969). Takısız Tamlamalar Sorunu. Türk Dili [Mart]. Pp. 835– 836.
15. Güvenli, M. (1970). *Neden Ad Takımı Deđil de Sıfat Takımı*. Türk Dili. [Ađustos]. Pp. 417– 418.
16. Hatipođlu, V. (1972). *Türkçenin Sözdizimi*. Ankara. TDK Yayınları. Pp. 19– 20.
17. Hatipođlu, V. (1954). *Dilimizin Bir Meselesi*. Türk Dili [Eylül]. Pp. 715– 719.
18. Harut, S. (1992). *Türkçede Takısız Tamlama Yanılgısı*. Ankara. Dil Derneđi Yayınları. Çađdaş Türk Dili, Vol. 57
19. Kahraman, T. (1995). *Takısız Ad Takımı Sorunu*. Ankara. Dil Derneđi Yayınları. Çađdaş Türk Dili [Eylül]. Pp. 17– 19.
20. Kahraman, T. (1996). *Çađdaş Türkiye Türkçesinin Dilbilgisi*. Ankara. 267 p.
21. Kamadan, M. (1969). *İlköđretimde Dilbilgisi Sorunu*. Türk Dili [Eylül]. Pp. 746– 751.
22. Karahan, L. (1999). *Türkçede Söz Dizimi*. Ankara, Akçađ Yay. 192 p.
23. Korkmaz, Z. (2003). *Türkiye Türkçesi Grameri*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yay. 192 p.
24. Kükey, M. (1975). *Türkçenin Sözdizimi*. Ankara. 116 p.
25. Kültüral, Z. (2009). *Türkiye Türkçesinin Cümle Bilgisi*. İstanbul. Simurg Yay.
26. Mayzel, S. S. (1958). *Türk Dilinde İzafet, Tanıtma*. Abdülkadir İ., Ankara, TDAY- Belleten. Pp. 279– 313.

27. MEB. (2007). *Dil ve Anlatım Ders Kitabı*. İstanbul: MEB yayınları.
28. Şimşek, R. (1987). *Türkçe Sözdizimi*. Trabzon. Kendi yayın. 453 p.
29. Şirin, U. H. (2012). *Eski Türk Yazıtlarında Politik ve Askerî Terimlerden Örnekler*. Bilig, Vol. 60. Pp. 257– 272.
30. Türkseven, A. (1994). *Takısız Ad Takımı Olabilir mi ?-1*. Ankara. Dil Derneği Yayınları. Çağdaş Türk Dili [Temmuz-Ağustos]. 88 p.
31. Türkseven, A. (1995). *Takısız Ad Takımı Olabilir mi ?-2*. Ankara. Dil Derneği Yayınları. Çağdaş Türk Dili [Haziran]. Pp. 43– 45.
32. Yavuz, M. A. (2000). *Türkçede Ad-Niteleyici Sözcüklerin Sınıflandırma Sorunu. XIII. Dilbilim Kurultay Bildirileri*. Hazırlayan Sumru Özsoy-Eser E. Taylan]. İstanbul: Boğaziçi Üni. Yay. Pp. 93– 98.
33. Zülfikar, H. (1995). *Takısız Ad Tamlaması Sorunu*. Türk Dili [Temmuz]. Pp. 781 – 788.

Автор публикации

*Дурду Бидеркесен –
Ассистент
Казанский федеральный университет
E-mail: durdubiderkesen@gmail.com*

Author of the publication

*Durdu Biderkesen –
Assistant
Kazan Federal University
E-mail: durdubiderkesen@gmail.com*

**Поступила в редакцию 07.05.2019.
Принята к публикации 24.05.2019.**

УДК 811.161.1

**ЦЕЛИ И МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ С РУССКИМ ЯЗЫКОВЫМ
НАСЛЕДИЕМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Ю. Тайтус

julia.titus@yale.edu

Йельский университет, Нью-Хейвен, США

Аннотация. Эта статья посвящена специфике целей и мотивации студентов с унаследованным языком при изучении языка семейного наследия. Проведено сравнение Казанский лингвистический журнал, 2019, том 2, № 2

целей и мотивации этих студентов и студентов, изучающих язык как иностранный. Мотивация студентов с унаследованным языком была проанализирована при помощи данных, полученных из анкетного опроса учащихся и видео-интервью. При ответе на вопросы студенты с русским языковым наследием размышляют над аспектами своей культурной самобытности, своими собственными сильными и слабыми сторонами при изучении русского языка и личными целями при изучении языка наследия. Результаты, полученные во время исследования, указывают на преобладающую интегративную мотивацию студентов с унаследованным языком. В статье также содержатся рекомендации по разработке учебных программ для студентов с унаследованным языком в соответствии с их мотивационной направленностью и долгосрочными языковыми целями.

Ключевые слова: унаследованный язык, билингвизм, изучение второго языка, мотивация, идентичность, разработка учебного плана, обучение и исследование.

Для цитирования: Тайтус Ю. Цели и мотивация студентов с русским языковым наследием при изучении русского языка за рубежом. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2 (2): 144–160.

RUSSIAN HERITAGE LEARNERS' GOALS AND MOTIVATION

Ju. Titus

julia.titus@yale.edu

Yale University, New Haven, USA

Abstract. This article focuses on the specifics of heritage language learners' motivation and learning goals and compares it with the motivation of traditional L2 learners. The aspects of heritage learners' motivation are analyzed through the data received from the learners' questionnaires and interviews in which the Russian heritage learners reflect on the issues of their cultural identity, their own perception of their heritage language strengths and weaknesses, and their personal goals and motivation in learning the heritage language. The results obtained in the survey point to the prevalent integrative motivation of heritage learners. The article also contains curriculum design recommendations for heritage language learners in light of their motivational orientation and long-term language goals.

Key words: heritage language, bilingualism, second language acquisition, motivation, identity, curriculum design, teaching and research

For citation: Titus Ju. Russian heritage learners' goals and motivation. *Kazan Linguistic Journal*. 2019. 2 (2): 144–160. (In Russ)

Описание исследования

Для того чтобы лучше понять цели обучения, потребности и мотивацию студентов с русским языковым наследием, а также чтобы проверить гипотезу об их интегративной ориентации, был проведен анонимный опрос среди восьми студентов с русским языковым наследием, изучающих русский язык в Йельском университете. Это исследование было частью более масштабного многоязычного проекта «Наследие встречает наследие», инициированного страшим лектором Йельского университета Сибил Александров.

Первый этап проекта состоял из анонимного анкетирования студентов онлайн. В анкете содержалось девять вопросов, посвященных культурной самоидентификации студентов с русским языковым наследием, их самоопределению уровня владения унаследованным языком, и целям обучения унаследованному языку в университете, которые они ставят перед собой.

Участниками эксперимента стали студенты с русским языковым наследием от 18 до 20 лет с разной степенью владения русским языком. Все они родились в Соединенных Штатах, кроме одной студентки, которая жила в России до пяти лет, а затем ее семья эмигрировала в США. Все участники опроса воспитывались в русскоязычных семьях, где оба родителя были русскими или происходили из других русскоязычных республик бывшего Советского Союза (Белоруссия и Украина). Все эти студенты начали официально изучать русский язык как унаследованный впервые в университете. В воспитании нескольких участников опроса в дошкольный период принимали участие бабушки и дедушки, которые научили своих внуков читать и писать по-русски. Так как многие из наших студентов с русским языковым наследием до поступления в университет проживали в городах, где русская диаспора многочисленна и активна (Бостон, Нью-Йорк и Филадельфия), некоторые из них несколько лет посещали воскресные языковые школы, где изучали русский язык. Они также имели возможность практиковать русский язык в ситуациях неофициального общения, например, при посещении с родителями русских

продуктовых магазинов, театральных представлений и летних лагерей. В некоторых случаях дети занимались музыкой и танцами с русскими репетиторами. При разработке учебного плана важно учитывать, что эти студенты уже видели, как изучаемый язык используется в ситуациях ежедневного общения, и, соответственно, независимо от уровня владения языком, у этих студентов уже имеются глубокие знания культурных норм и соответствующих способов взаимодействия внутри языкового сообщества.

Участникам опроса было предложено обсудить, кого можно назвать студентом с русским языковым наследием, что является их сильными сторонами и что может стать для них проблемой при изучении русского языка, каковы их цели изучения языка и какие стратегии обучения они используют. Ниже приведены примеры вопросов, которые задавались студентам:

Опишите своими словами, кого можно назвать студентом с унаследованным языком?

Что дается вам легче всего при изучении унаследованного языка?

Что для вас является самым сложным в изучении унаследованного языка?

Какие стратегии вы считаете наиболее эффективными при изучении унаследованного языка?

Каковы ваши цели в изучении унаследованного языка?

Как вы надеетесь использовать унаследованный язык в будущем?

В результате анкетирования были получены следующие данные.

Самовосприятие студентов с русским языковым наследием

В начале опроса участников попросили описать, кто такой студент с унаследованным языком. Ответы студентов указывают на несколько факторов, важных для понимания уникального происхождения и потребностей в обучении студентов с унаследованным языком. Все респонденты считают, что их язык наследия является неотъемлемой частью их идентичности. Обстоятельства приобретения языка наследия, часто упоминаемые в ответах: изучение родного языка дома, общение на родном языке в семье и т. д.

Студенты осознают несовершенство владения языком наследия. Но их заинтересованность в совершенствовании языка уже высока, изучение языка для них содержит эмоционально-значимый компонент. Эти эмпирические выводы коррелируются с предыдущими исследованиями о прочной связи учащихся с культурным и семейным наследием [1; 8].

Культурная идентичность и интегративная ориентация студентов с унаследованным языком

Бикультурное происхождение студентов с унаследованным языком и их тесные связи с семьей и с культурной средой языка наследия сильно влияют на их отношение к процессу изучения унаследованного языка. Открытость по отношению к культуре изучаемого унаследованного языка в целом является важной частью комплексной мотивации учащихся. Во время обсуждения культурных аспектов личности студентов с унаследованным языком, многие респонденты говорили о своем чувстве «врожденного интернационализма». Это чувство принадлежности к обеим культурам сразу нашло отражение во многих ответах.

Как видно из ответов, студенты с русским языковым наследием считают себя полностью интегрированными в русскую языковую среду и разделяют ее культурные ценности; это естественно для данной категории изучающих язык, потому что язык неразрывно связан с мировоззрением и чувством культурной самобытности человека. Что касается студентов с русским языковым наследием, они могут существовать одновременно в двух культурах и языковых сообществах, хотя их языковые способности могут быть развиты не одинаково, в том числе в части владения четырьмя типами языковых навыков (аудирование, говорение, чтение и письмо). Говоря об унаследованном языке, все участники отметили, что изначально унаследованный язык использовался в их семьях как единственный язык общения, в то время как обучение в Соединенных Штатах, начиная с дошкольного периода, ведется на английском языке, и в одном случае на двух языках – французском и английском. Респонденты единодушно отметили, что их языковые навыки начали

ухудшаться, когда они начинали посещать американские школы, даже, несмотря на то, что их родители продолжали говорить с ними по-русски дома. Еще одним фактором, вызывающим ухудшение владения унаследованным языком было названо рождение младших братьев и сестер. Если до их рождения в семьях говорили исключительно на унаследованном языке, то с их появлением члены семьи начинали использовать английский язык гораздо чаще. Это объясняется тем, что родители обычно хотят лингвистически подготовить своих младших детей к будущему англоязычному окружению.

Все опрошенные студенты замечали, что их владение русским языком не стабильно, им нужно ежедневно общаться на русском, чтобы не утратить знание русского языка. Соотношение русского и английского языка в жизни всегда зависит от обстоятельств, в которых находится студент. Но, несмотря на то, что студенты чувствуют, что периодически они «теряют» русский язык, они могут легко активизировать его заново при попадании в русскоязычную среду или при посещении уроков русского языка.

Самоопределение сильных и слабых сторон, а также стратегии обучения при изучении унаследованного языка

Следующий раздел опроса был посвящен контекстуализации опыта каждого студента и изучению личного впечатления. Участникам было предложено прокомментировать, каково это быть студентом с русским языковым наследием, изучающим русский язык.

Полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований [6; 2], что студенты с унаследованным языком очень чувствительны к недостаткам своего языка и словарного запаса, и они чувствуют, что их устное понимание более развито, чем навыки чтения и письма.

Поскольку студенты с унаследованным языком изначально овладевают языком устно, и он сохраняется в процедурной памяти [6], знание учащимися структуры языка более интуитивно и в то же время более контекстно. С одной стороны, у них зачастую отсутствуют знания грамматических правил, но с

другой стороны, они могут свободно общаться устно, потому что у них есть «Грамматическая интуиция» [5].

Опрос также показал: студенты с русским языковым наследием понимают свои отличия от обычных студентов-иностранцев, которые изучают русский язык как иностранный. Поэтому с их точки зрения им полезнее изучать русский язык в специально созданных группах, отдельно от студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Таблица 1 суммирует данные по самоопределению сильных языковых сторон студентами с русским языковым наследием, перечисленные в порядке убывания.

Таблица 1

Самоопределение сильных языковых сторон студентов с русским языковым наследием

Самоопределение сильных сторон	Количество ответов
Восприятие информации на слух	8
Понимание общего культурного контекста, культурных традиций межличностного общения, идиом, поговорок и их соответствующих коннотаций	7
Уверенная устная речь	6
Умение интуитивно понимать значения незнакомых слов	3
Способность участвовать в процессах «сверху вниз» и «снизу вверх» одновременно	2

Эта часть исследования ставит во главу угла культурную компетентность, которой уже обладают все студенты с русским языковым наследием, независимо от уровня владения языком. Большинство из респондентов упомянули знание культурного контекста, идиом и т. д. Способность мыслить на изучаемом языке является очень желанным качеством с лингвистической

и социокультурной точки зрения, она считается маркером «Интегративности» (термин, впервые введенный Р. Гарднером) в культуру изучаемого языка, достижение которой занимает очень много времени у студентов-иностранцев, а для многих из них остается недостижимой.

Хотя все участники опроса различались по уровню владения языком, и как отмечалось ранее, существовала большая разница между их продуктивными и рецептивными навыками, все они перечислили схожие проблемы при изучении русского языка. Таблица 2 иллюстрирует самоопределение языковых проблем у студентов с русским языковым наследием, перечисленные в порядке убывания.

Таблица 2

**Самоопределение языковых проблем у студентов с русским
языковым наследием**

Слабые стороны	Количество ответов
Изучение грамматических правил	8
Письмо, орфография и правописание	7
Умение исправлять свои собственные регулярно повторяющиеся ошибки при помощи изученных правил	5
Изучение академического стиля русского языка	2

Анализ сильных и слабых сторон, в которых признались сами студенты, показал, что учащиеся, изучающие русский язык как унаследованный, знают, что различные языковые навыки у них развиты неодинаково. Навык письма был назван одним из самых неразвитых почти всеми респондентами. Самокоррекция также была названа одним из самых сложных моментов в обучении. Это связано с тем, что языковые ошибки у данной группы студентов уже давно укоренились в речи и от них сложно избавиться, даже изучив грамматическое правило на уроке. Все респонденты отметили, что меньше всего трудностей у них вызывает устная речь и аудирование,

как видно из таблицы 1. Большинство студентов сообщили, что они могут бегло говорить по-русски и свободно «выражать различные идеи», хотя иногда им приходится подыскивать определенное слово. Они также написали, что у них есть понимание идиоматических значений культурных коннотаций определенного слова / понятия, а некоторые выступали за ускоренное освоение грамматики, поскольку они чувствовали, что могут одновременно осваивать все аспекты языка. Это последнее наблюдение особенно важно для разработки учебного плана для студентов с русским языковым наследием. Таким студентам можно успешно демонстрировать макропрезентации грамматических понятий, что совершенно невозможно со студентами, изучающими русский язык как иностранный.

Каган и Диллон доказали в своих исследованиях [Kagan and Dillon 2001; Kagan 2005], что студентам с унаследованным языком не идут на пользу традиционные занятия для начинающих изучение иностранного языка. В своем исследовании, они отметили, что студенты с унаследованным языком обычно обладают навыками, на овладение которыми любому другому студенту требуются сотни часов, а некоторые навыки, такие как, например, произношение на уровне носителя, для некоторых почти не достижимы.

В то же время, у многих студентов, изучающих унаследованный язык, имеются значительные пробелы в области грамматики, синтаксиса и словарного запаса, так как большинство из них не изучали язык в учебных заведениях. Так как студенты с унаследованным языком сначала овладевают языком устно, в домашних условиях, их сильные и слабые стороны в изучении языков полностью отличаются от обычных студентов, изучающих иностранные языки и их процесс изучения языка ближе к развитию родного языка [6]. По этой причине языковые проблемы, являющимися типичными для студентов, изучающих унаследованный язык обычно не рассматриваются в стандартном курсе изучения иностранного языка.

Основные цели студентов при изучении унаследованного языка – улучшить навыки чтения и письма, расширить словарный запас, так чтобы их язык мог выйти за рамки бытового разговорного общения (Таблица 3).

Таблица 3

Цели студентов с русским языковым наследием при изучении языка

Цели изучения унаследованного языка	Количество ответов
Улучшить письменные навыки	8
Улучшить навыки чтения	6
Улучшить словарный запас	4
Овладеть официально-деловым стилем языка	3

Поскольку вопросы мотивации учащихся, целей, которые они ставят перед собой и стратегии изучения языка взаимосвязаны, и они взаимно влияют друг на друга, участников опроса также попросили подумать о стратегиях изучения, которые они регулярно использовали в процессе изучения унаследованного языка (Таблица 4).

Таблица 4

Стратегии изучения языка, применяемые студентами с русским языковым наследием

Стратегии обучения	Количество ответов
Поддержание личного интереса	8
Общение с членами семьи и друзьями	8
Опора на интуитивные знания	3
Просмотр фильмов, видео, прослушивание музыки	3
Чтение усложненных текстов	2

Несмотря на то что учащиеся, участвовавшие в опросе, были весьма разнородны по своим языковым навыкам, все студенты дали аналогичные

ответы, подчеркивая активное использование унаследованного языка при общении с семьей и друзьями, обращение к помощи членов семьи при возникновении вопросов в отношении грамматики, максимально возможное использование языка во всех ситуациях путем чтения книг, просмотра фильмов и прослушивания музыки.

Тесная взаимосвязь между стратегиями изучения языка и мотивацией учащихся заслуживает особого внимания, так как сознательное желание использовать стратегию изучения уже подразумевает значительную мотивацию со стороны изучающего язык. Хотя некоторые из этих стратегий изучения (чтение, просмотр фильмов, видео, прослушивание музыки) также регулярно используются обычными студентами, изучающими иностранный язык, фактор внутреннего интереса является ключевым для студентов изучающих унаследованный язык, а некоторые из респондентов даже называют унаследованный язык «родным». Это свидетельствует о глубокой эмоциональной связи, которую они чувствуют, и их общем позитивном отношении к изучению языка. Их ответы также показывают понимание «интуитивного знания», которое является уникальным для этой категории учащихся и не применимо к остальным студентам.

Личные долгосрочные цели и мотивация студентов с иноязычным языковым наследием

При анализе мотивации учащихся очень важно определить долгосрочные цели учащихся при изучении иностранного языка и их видение использования изучаемого языка после завершения курса. Долгосрочные цели непосредственно связаны с мотивацией и влияют на общее отношение учащихся к процессу обучения и использованию языка. В исследовании посвященном изучению владения иностранным языком было выявлено, что существует прямая связь между использованием изучаемого языка за пределами учебного заведения и достигнутым уровнем владения языком.

Учащиеся, которые могут продолжать использовать изучаемый язык за пределами учебной аудитории, добьются большего прогресса в изучении этого

языка и будут в состоянии поддерживать его уровень после завершения учебы. Опрос показал, что у студентов с унаследованным языком цели были как личные, так и учебные, и все они планировали использовать изучаемый язык после окончания учебного курса.

Когда участникам опроса задали вопрос, как и при каких обстоятельствах они планируют использовать изучаемый язык после завершения учебы, они ответили – в путешествиях, в беседах с семьей и при обучении своих детей, возможно на работе (Таблица 5).

Таблица 5

Интегративные и инструментальные мотивационные факторы

Цели изучения языка	Интегративные мотивационные факторы / Количество ответов	Инструментальные мотивационные факторы / Количество ответов
Общение с членами семьи и с друзьями	8	
Связь с культурой унаследованного языка	6	8
Путешествия		4
Карьера		3

Эти ответы подчеркивают сочетание личных и академических интересов как мотивационных факторов при изучении языка. Социальный контекст для этой группы студентов выходит на первый план. Все респонденты намереваются использовать язык за пределами университетской аудитории при общении с семьей и друзьями, в путешествиях, и таким образом их ответы полностью соответствовали характеристике интегративной мотивации [3]. Особенно важно, что несколько респондентов упомянули о вероятном преподавании русского языка своим будущим детям и намерении поддерживать связь с культурным наследием и языковой средой изучаемого

языка. В таблице 5 сравнивается количественное соотношение интегративных и инструментальных мотивационных факторов.

Данные таблицы 5 показывают, что, несмотря на наличие некоторых целей, которые указывают на инструментальную мотивацию (путешествия, карьера), все же интегративная ориентация в значительной степени преобладает. Поскольку было доказано, что интегративная мотивация напрямую связана с успехом в освоении языка, преподаватели, читающие курс по унаследованным языкам должны правильно расставлять приоритеты и находить способы поддержания высокой мотивации студентов и их личной заинтересованности в процессе обучения. Рекомендуется при преподавании унаследованного языка добавлять инновационные коммуникативные языковые задания, отражающие интегративный подход к изучению языка и культуры, оставляя время для творчества студентов.

Этап видеointервью

Второй этап проекта состоял из видео-интервью, которые студенты с различным языковым наследием брали друг у друга. Во время интервью они задавали друг другу вопросы о восприятии своего культурного происхождения и идентичности. У остальных студентов была возможность посмотреть эти интервью онлайн и оставить свои комментарии под видео. Видео интервью были посвящены самоидентификации студентов с различным языковым наследием, их культурного самовосприятия, их слабым и сильным сторонам в изучении унаследованных языков и в дополнение был сделан акцент на эмоциональной составляющей использования унаследованного языка. Интервью проводились студентами с разным языковым наследием, но данный проект еще не завершен и здесь приводятся результаты исследования только в отношении студентов с русским языковым наследием.

Ниже приведены примеры вопросов, которые студенты обсуждали во время видеointервью:

Можете ли вы сказать, что вы принадлежите к людям с бикультурной идентичностью? Как это выражается?

Когда и с кем вы обычно используете свой унаследованный язык?

Когда / с кем вы используете свой родной язык?

Как бы вы описали свои чувства по отношению к унаследованному языку?

Чувствуете ли вы какую-либо связь с носителями унаследованных языков, помимо вашего собственного?

Видео-интервью должны были длиться около 20 минут. Из-за такого временного ограничения участникам было предложено вместо обсуждения всех вопросов, выбрать два наиболее интересных с их точки зрения и побеседовать только на эти две темы. Студенты с русским языковым наследием могли ознакомиться с вопросами заранее, и это позволило им заранее определить наиболее интересные аспекты для обсуждения.

Участие в проекте было полностью добровольным, и, нужно отметить, что все студенты очень увлеклись темами обсуждения, так что в некоторых случаях интервью длились гораздо дольше отведенного времени. Видео-интервью продемонстрировали, что все студенты с унаследованными языками, принявшие участие в проекте, были осведомлены о своем уникальном положении, на стыке двух языков и двух культур. Также эти студенты успешно установили эмоциональную связь со студентами с отличным от их собственного языковым наследием.

Заключение и рекомендации по составлению учебного плана

Результаты, полученные в ходе этого небольшого исследования, сконцентрированного на студентах с русским языковым наследием, продемонстрировали, что эти студенты осознают свою бикультурную идентичность и рассматривают унаследованный язык как неотъемлемую часть себя и своего культурного наследия.

Они демонстрируют позитивное отношение к изучению языка наследия, способность сознательно использовать стратегии обучения и долгосрочное желание достичь цели обучения, выходящее за рамки учебной аудитории. Эти результаты необходимо дополнительно проверить на большем числе

респондентов с другим унаследованным языком. Однако нынешние данные позволяют утверждать, что учащиеся с унаследованным языком имеют преимущественно интегративно ориентированную мотивацию в изучении языка.

Поскольку результаты опроса выявили у студентов с русским языковым наследием большое расхождение в уровне развития продуктивных и рецептивных языковых навыков, преподаватели, работающие с этими студентами, должны учитывать их сильные стороны при изучении русского языка – социолингвистическую компетентность, свободное владение устной речью, отличное восприятие информации на слух, и, наконец, их способность поддерживать эмоциональную связь с членами своего языкового сообщества, делая акцент на развитии менее развитых навыков учащихся посредством выполнения разных письменных заданий различных жанров и чтение самых разнообразных текстов. При разработке учебного плана необходимо учитывать цели студентов с русским языковым наследием.

Несмотря на то, что данное исследование было ограничено изучением исключительно студентов с русским языковым наследием, его результаты могут быть применены и при работе со студентами с другими унаследованными языками. Другие исследователи отметили, что, в общем, мотивация учеников с унаследованным языком не остается неизменной с течением времени [6; 7]. Максимальное использование унаследованного языка происходит в дошкольном возрасте. С момента начала посещения школы, использование унаследованного языка сокращается. Это связано с тем, что происходит полная интеграция ребенка в англоязычное общество и культуру. Ближе к моменту совершеннолетия и поступлению в университет у подростков возникает желание повторно овладеть унаследованным языком.

Поскольку исследование мотивационных факторов при изучении иностранного языка подтверждает, что индивидуальные различия в интегративности имеют тенденцию сильно влиять на результат обучения и что большая степень интегративной ориентации положительно влияет

на уровень успеваемости, интегративная ориентация мотивации учащихся с унаследованным языком может позволить преподавателям унаследованного языка извлечь выгоду из этой уникальной ситуации и получить более быстрый прогресс в развитии языковых навыках студентов.

Результаты опроса, о котором говорилось выше, помогут учителям, педагогам, и исследователям, заинтересованным в вопросах преподавания унаследованных языков, лучше понять мотивационные факторы изучения унаследованных языков и могут стать отправной точкой дальнейших исследований в этой области.

Автор статьи хотела бы поблагодарить Сибил Александров за ее приглашение к сотрудничеству в рамках более крупного многоязычного проекта по изучению унаследованных языков «Heritage Meets Heritage».

Литература

1. *Carreira, M.* (2004). Seeking explanatory adequacy: A dual approach to understanding the term “heritage language learner.” *Heritage Language Journal*, 2(1) // URL: www.heritagelanguages.org

2. *Carreira, M., & Kagan, O.* (2011). The results of the national heritage language survey: Implications for teaching, curriculum design, and professional development. *Foreign Language Annals*, 44(1). Pp. 40–64.

3. *Gardner, R.* (2010). *Motivation and second language acquisition – The socio-educational model.* New York: Peter Lang.

4. *Kagan, O.* (2005). In support of a proficiency-based definition of heritage language learners: The case of Russian. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 8(2). Pp. 213–221.

5. *Kagan, O., & Dillon, K.* (2001). A new perspective on teaching Russian: Focus on the heritage learner. *Slavic and East European Journal*, 45(3). Pp. 507–518.

6. *Montrul, S.* (2016). *The acquisition of heritage languages.* Cambridge: Cambridge University Press.

7. *Polinsky, M., & Kagan, O.* (2007). Heritage languages: in the “wild” and in the classroom. *Language and linguistic compass*, 1(5). Pp. 368–395.

8. *Van Deusen-Scholl, N.* (2003). Toward a definition of heritage language: Sociopolitical and pedagogical considerations. *Journal of Language Identity and Education*, 3. Pp. 211–230.

Автор публикации

Юлия Тайтус –

*Доктор филологических наук, профессор
Йельский университет, Нью-Хейвен, США
E-mail: julia.titus@yale.edu*

Author of the publication

Julia Titus –

*PhD, Sr Lector II Russian Slavic Languages
and Literatures
Yale University, New Heaven, USA
E-mail: julia.titus@yale.edu*

Поступила в редакцию 06.05.2019.

Принята к публикации 24.05.2019.